

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Ищи меня в отражениях

Автор: Елена Гусарева

Домашняя страница книги: <http://gusareva.wix.com/books>

Редакторы: Максим Маховиков
(Badmaestro), Мария Прилуцкая,
Вячеслав Рюхко

Иллюстрация: Алиса Франц

Жанр: городское фэнтези

Размер рукописи: 8.9 а.л.

Оглавление

Глава 1	4
Глава 2	5
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	25
Глава 8	26
Глава 9	27
Глава 10	28
Глава 11	31
Глава 12	36
Глава 13	44
Глава 14	50
Глава 15	55
Глава 16	60
Глава 17	63
Глава 18	68
Глава 19	72
Глава 20	76
Глава 21	78
Глава 22	89
Глава 23	101
Глава 24	106
Глава 25	108
Глава 26	111

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Глава 27	115
Глава 28	117
Глава 29	122
Глава 30	122
Глава 31	128
Глава 32	133
Глава 33	141
Глава 34	149
Глава 35	152
Глава 36	160
Глава 37	164
Глава 38	168
Глава 39	176
Глава 40	180
Глава 41	189
Глава 42	195
Глава 43	198
Глава 44	201
Глава 45	205
Эпилог.....	219

Глава 1

Обычно раннее детство вспоминается смутно. Как из густого тумана проступают неясные очертания лиц, а события кажутся странными и нелогичными, словно это было во сне. Однако мое первое детское воспоминание — очень яркое, будто добавили цвета и резкости в картинку, усилили звук и обострили запахи. Вот я сижу на кровати, застеленной ослепительно белой простыней. За большими окнами в рамках с облупившейся краской шелестит зеленая листва. Ветви дерева глухо постукивают в стекло, а на коричневом кафеле пола играют солнечные блики. Я держу старого плюшевого зайца. Его мне только что дала женщина в белом халате. У нее добрая улыбка и глаза как блюдца, за толстыми стеклами очков. Она то просит показать ей язык, то рассматривает мои ладони и ступни, то мягко трогает за запястье и задумчиво шевелит губами. Еще одна женщина моет пол, что-то рассеянно напевая под нос. Вдруг из коридора доносятся крики и тяжелая поступь быстрых шагов. Дверь распахивается и бьётся о стену с такой силой, что кусок штукатурки падает и пыльно разбивается о влажный пол.

На пороге высокий мужчина, всклокоченный и худой. Его взгляд, полный страдания, лихорадочно мечется по комнате и останавливается на мне. Я помню этот пугающий взгляд и чувствую, как дрожь пробегает по телу. Страшный человек с хрипом бросается вперед. Женщина в очках хватается меня за руки и прикрывает собой, другая пытается преградить безумцу путь. Появляются еще люди: пара мужчин в зеленой униформе и совсем молоденькая медсестра, которая визжит что-то невнятное. Сумасшедшего хватают и волокут назад в коридор. Тот отчаянно сопротивляется и хрипит проклятия. В последнем бешеном порыве сумасшедший кричит, выплевывая каждое слово с каплями слюны: “Он монстр! Он убил свою мать! Он и вас всех убьёт! Да послушайте же меня! Вы ничего не понимаете! Его надо изолировать! Нет! Его надо уничтожить!”. Я до сих пор слышу эти отчаянные вопли моего отца. Я помню каждое его слово, каждый брошенный на меня ненавидящий взгляд. В мельчайших деталях я вижу его помутневшие, в красных венках глаза, словно это было не

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

одиннадцать лет назад, а только вчера. И это воспоминание — все, что я знаю о своем отце. Он умер через три месяца в психиатрической лечебнице. Так мне сказали потом. Маму я не помню вообще.

Глава 2

Мне четырнадцать, а меня, как малолетку, в первый раз ведут на учёбу в обычную среднюю школу. До сегодняшнего дня вся моя жизнь проходила за стенами детских домов. Там я жил и учился вместе с такими же сиротами и детьми из неблагополучных семей, чьи родители не могли или не хотели заботиться о своих отпрысках. С нормальными детьми, у которых есть заботливые мамы и папы, куча личного барахла, карманные деньги на кино и мороженое, солнечные каникулы на морском берегу — с такими детьми я практически не общался. В детском доме Зауральска, куда меня занесло на этот раз, был лишь один класс начальной школы. Поэтому с сегодняшнего дня я новичок в стаде выхолощенных и избалованных придурков. Мало того, что настроение с самого утра паршивое, а тут еще директор, Юрий Михайлович, ведет чуть ли не за ручку у всех на глазах и щебечет, не заткнешь. Вообще он мужик, кажется, неплохой. Хотя, что можно сказать о человеке за три дня знакомства? Поживем — увидим. Внешность у него очень колоритная: борода, как говорят, окладистая, и русые волосы, густые и длинные, почти до плеч. Ему бы майку с черепами да глаза подвести черным, неплохой байкер бы получился.

Он все пытается подбодрить меня, и не понимает, что нагнетает и делает только хуже.

— Это замечательная школа! Тебе обязательно понравится! Все наши ребята довольны. И друзья у тебя будут.

“Вот это вряд ли...” — подумал я. Вслух же промычал:

— Мм-м... да, конечно.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Я уже договорился с Оксаной Николаевной. Тебя записали в 8-Г.

— Здорово...значит буду “Гэшкой”, — без энтузиазма ответил я.

Директор наконец-то оставил попытки меня разговорить. Все эти социальные работники сначала милые до приторности, и чем милее они вначале, тем бóльшими сволочами оказываются впоследствии.

Но, честно говоря, злился я сейчас больше всего на себя, и ни директор, ни новая школа тут были совсем ни при чем. А все потому, что ноябрь — самый неурожайный на чувства месяц, и я уже которой день сижу на вынужденной диете. А когда я голоден, контролировать себя невероятно сложно. Надеюсь, директор не заметил, что мои волосы за последние пять минут посветлели, а глаза поменяли цвет с темно-синего на серый. Усилием воли я попытался прекратить это безобразие. Теперь голова трещит, будто в ней кто-то бильярдные шары гоняет.

Пока я дулся на директора, на себя и на весь мир, мы миновали грязный переулок между потертыми жилыми домами, и вышли к территории школы, огороженной металлической сеткой. Как и большая часть зданий в этом городе, корпус школы имел вид серой трехэтажной коробки с плоской крышей и большими тусклыми окнами в черных рамах. С правой стороны здания я заметил безлюдное крыльцо с навесом. С трех сторон к нему тянулись широкие лестницы. Метрах в тридцати от крыльца большим вонючим озером раскинулся котлован, наполовину заполненный мутной коричневой жижей. Из воды торчали разнокалиберные сваи, а по берегам валялись груды строительного мусора, вперемешку с обломками кирпичей, железными прутьями и гравием.

Это не первый заброшенный котлован, который мне встретился за последние парутройку лет. Такой же был и в Горянке, напротив детского дома, где я жил прежде. Помнится, там полным ходом возводили здание спортивного зала и столовой, а потом стройку

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

заморозили. Когда технику отогнали, а половину строительного материала растащили жители соседних домов, стало ясно, что новой столовки у нас не будет, и баскетбол останется уличным видом спорта. Зато у наших пацанов появилось новое развлечение — катание по котловану на плоту. Они построили его из подручных средств. Очень интересное занятие — копаться в грязи...

За котлованом виднелось здание теплицы, окутанное буйной зеленью. Из-за пристройки теплицы вышла маленькая пухлая женщина в белом пальто и светлых туфлях. Она начала обходить котлован, направляясь в сторону школы по узкой тропинке, протоптанной в земле. Несколько раз она поскользнулась на раскисшей слякоти и почти падала, но в последний миг опять находила точку опоры, балансируя широко расставленными руками, и продолжала продвигаться вперед. Зрелище было поистине комичным. Я бы с удовольствием и дальше смотрел на это бесплатное представление, так как падение в грязь белого пальто было вопросом времени. Однако директор уже скрылся за углом школы, и пришлось его догонять. Танцующая в грязи женщина пропала из виду.

Со двора школа выглядела куда оживленнее. Дети разных возрастов сновали, как муравьи, стекаясь с разных сторон к небольшому школьному крыльцу запасного выхода. Мимо проскользнула цепочка ребят года на два младше меня. Все они были в спортивной форме и торопились, по всей видимости, к стадиону.

“Сифа!” — неожиданно заорал кто-то у меня за спиной. Я оглянулся, и не напрасно. Как бешеный носорог, на меня несся долговязый детина. Я едва успел увернуться от сумки, просвистевшей в миллиметре от уха. Не достигнув цели, сумка плюхнулась прямо в середину огромной лужи. Но тут же другой остолоп подхватил ее и с тем же боевым кличем атаковал следующую жертву. Этот оказался более метким. Сумка угодила в затылок девчонки, сбив с нее смешную шапку с помпоном. “Тупила, Ступакова, держи сумку!” Девочка нагнулась и подобрала шапку, а потом и забрызганную грязью сумку. Лицо у нее было бледное и

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

серьезное, глаза сверкали серым, а губы превратились в сплошной минус. Роста она была небольшого, но стояла прямо, как скала, презрительно оглядывая обидчика.

Шла бы ты скорее, пока тебе еще не наваляли.

Мой провожатый оказался на редкость ловким типом. Он быстро поймал сначала одного метателя сифы, а потом и второго.

— Пойдем, — окликнул меня Юрий Михайлович. — Этим горе-спортсменам с нами по пути. Пусть побеседуют с директором.

В капканах рук Юрия Михайловича пацаны извивались, как червяки, а мы медленно, но верно продвигались к кабинету директора школы.

Секретаря на месте не оказалось, зато на наши тяжелые шаги вышла сама директриса. Это была высокая женщина с крупными чертами лица и лошадиными зубами, но вполне милостивая.

— Здравствуйте, Оксаноч... Оксана Николаевна, — выдохнул Юрий Михайлович, покраснел, и выражение его лица стало по-детски глупым. Вокруг его головы расцвело и замерцало розовое облако.

Ну кто бы мог подумать, что в кабинете директора меня ждет такая удача! Руки разжались, и я принялся за завтрак. Я весь до кончиков волос превратился в черную дыру и тянул энергию, разгоняя реактор сердца. В то время как Юрий Михайлович бледнел и успокаивался, я задышал глубоко и часто, избавляясь от усталости и апатии последних дней.

Юрий Михайлович наконец-то вспомнил, зачем пришел. Он опустил руку мне на плечо и слегка подтолкнул вперед, представляя директрисе:

— Вот, привел вам нового ученика, зовут Тимофей Невинный.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Ну, это мы еще посмотрим...

Н-да, в миллионный раз это особенно смешно.

— А эти тоже ваши? — спросила она, посмотрев в сторону двух любителей поиграть в баскетбол чужими сумками.

— Нет, к счастью. Нам чужого не надо. Думаю, они сами расскажут о своих подвигах.

— Хорошо, — вздохнула Оксана Николаевна, давая понять, что на самом деле ничего хорошего шутников не ожидает. Парни у двери сопели и переминались с ноги на ногу.

— Ну что ж... — протянула она, взмахивая рукой и высвобождая из рукава платья часики на тонком золотом браслете. — Звонок дадут через пять минут. Нам стоит поторопиться. Первым уроком у тебя алгебра, — она взглянула на меня. — Наталья Георгиевна очень не любит, когда прерывают ее уроки. Потом занятия по русскому и литературе. Одноклассники проводят тебя до кабинета. Последним уроком стоит физкультура. Ты сегодня можешь не ходить, но к следующему разу, пожалуйста, будь готов.

Она направилась к выходу приглашая меня следовать за собой. В проеме двери директриса кокетливо оглянулась.

— Подождите меня здесь, Юрий Михайлович, я буквально на несколько минут. Мне нужно еще кое-что с вами обсудить.

— Конечно, конечно, не торопитесь, — расплылся в улыбке тот, излучая энергию, как электростанция.

Мне совсем не хотелось уходить. Чтобы по-настоящему насытиться, нужно гораздо больше. Когда еще представится такой случай? Но моими желаниями здесь интересовались в последнюю очередь.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Оксана Николаевна повела меня на третий этаж, где, как объяснила она по дороге, находится кабинет математики. Мы чинно прошествовали мимо дверей с надписями “Кабинет географии” и “Кабинет истории”, и, наконец, добрались до заветной двери. Оксана Николаевна постучала и, не дожидаясь ответа, открыла, пропуская меня вперёд.

Сколько раз мне приходилось входить в класс вот так, после звонка, с директором или старшим воспитателем? Я уж со счета сбился. “Ребята, у нас новенький.” Двадцать пар глаз тупо смотрят на тебя. А ты замечаешь, как один болван ковыряет в носу. Другой болван бьет третьего болвана линейкой. Еще один болван обязательно хихикает и говорит какую-нибудь пакость на ухо соседу. Девчонки смотрят так, будто им пытаются впарить барахло, а они сомневаются, брать или не брать. Самый дерзкий болван обязательно попытается поставить подножку. Цирк бесплатный!

Мы вошли. Классы здесь были ничем не лучше, а может даже и похуже тех, в которых мне приходилось учиться. Три ряда парт с лавками, выкрашенными в светло-зеленый цвет и местами облупившиеся. Видавший виды учительский стол с потрескавшейся полировкой столешницы, коричневая доска в меловых разводах, по стенам развешаны математические таблицы и пара портретов с неизвестными мне учеными. На окнах потрепанные тюлевые занавески, сиявшие белизной когда-то в другой жизни. На подоконниках пара горшков умирающей от засухи герани и уродливо разросшееся алоэ. Пахнет мелом и потными подмышками.

Перед классом возле доски стояла маленькая пухлая женщина с двойным подбородком, та самая, что танцевала в грязи. Большие круглые очки с толстыми линзами чудом держались на кончике ее носа. Острый, словно скальпель, взгляд препарировал пространство вокруг, а пальцы теребили длинную стальную указку. Наталья Георгиевна в раздражении ожидала, когда класс затихнет, и все займут свои места. Несколько ребят все еще копошились возле парт.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Рамазанов! Ты когда усядешься, наконец?! — гаркнула математичка, отчего полный и неуклюжий пацан, по всей видимости, тот самый Рамазанов, поспешно плюхнулся на лавку. Нечаянно он смахнул учебник, и тот с треском повалился на пол, за ним последовала ручка.

— Рамазанов! Ты опять всех задерживаешь! Из-за тебя у класса будет меньше времени на проверочную работу!

Рамазанов, затравленно озираясь, с третьей попытки поднял книгу. Чтобы достать ручку, он с полминуты шарил в ногах впереди сидящей девчонки. Та же, вместо того чтобы помочь, только насмешливо корчила рожу. Наконец, Рамазанов отыскал пропажу и, пыхтя, уселся за партой.

Мне стало противно, и я поспешил перевести взгляд куда угодно, лишь бы не видеть Рамазанова. Так уж случилось, что в поле зрения опять попала Наталья Георгиевна. И тут я понял, отчего мой жирный одноклассник ведет себя так, будто он не на уроке математики, а в концентрационном лагере. Математичка, продолжая теребить указку, следила за каждым его движением и сосала энергию.

Паучиха! И угораздило меня опять нарваться на вампира страха! Вечно они все дело портят. Запугают так, что поджилки трясутся. Какая уж там любовь. Где страх, там нет любви. А если нет любви, то я останусь голодным...

— Наталья Георгиевна, извините, что мы вас прерываем... — послышался нетерпеливый голос директрисы.

— Ничего, Оксана Николаевна. Вы привели новенького.

Что, рассчитываешь получить еще одну жертву?

— Да. Это наш новый ученик. Зовут Тимофеем. Фамилия Невинный. Он из

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Никитского детского дома. Запишите его, пожалуйста, в журнал. У него еще нет учебников, но я уверена, что к следующему уроку он будет готов.

— Проходи, Тимофей. Вот тут есть свободное место, — математичка махнула рукой в сторону класса.

Я направился к указанному месту и в удивлении остановился. Взгляд уперся в ту самую девчонку со школьного двора, над которой издевались два лоботряса. Она сидела рядом с моим местом, опустив голову и устремив взгляд на сцепленные руки. Выглядела она жалко. Светло-русые волосы кое-как собраны в хвостик, на правой щеке черными точками застыла грязь. Такие же мелкие, уже засохшие брызги красовались на белом воротничке синего в красную клетку платья. Злополучная сумка, вся в коричневых кляксах, валялась у нее под ногами. Девчонка носком ботинка подвинула ее в сторону.

— Садись, — математичка подтолкнула меня в спину. — Не задерживай класс.

Раздалась пара смешков, и я поспешил занять свое место. Не хватало еще стать посмешищем в первый же день. Тем временем директриса исчезла за дверью, и урок пошел своим чередом.

Математичка, как и обещала, начала с проверочной работы. Она пустила по рядам листки с заданиями для первого и второго вариантов. На решение трех уравнений было дано всего десять минут, о чем она не забыла упомянуть. Класс загудел. Сосед Рамазанова ткнул его в спину ручкой, обозвав “жиртрестом” и “идиотом”. “Сам идиот!” — буркнул Рамазанов, за что тут же получил подзатыльник от математички. Однако протестующих не осталось, как только каждый получил свой листок с заданием. Все знали, что спорить бесполезно, и самое верное — не терять времени и сделать как можно больше. Класс погрузился в тишину, лишь изредка прерываемую скрипом лавок или шуршанием тетрадной страницы.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Задание было довольно сложным, и я успел решить только два уравнения. Неужели кто-то осилил все три? Посмотрел бы я на него. Вообще-то в алгебре я неплохо соображаю, но тут одной писанины на целый лист.

Наталья Георгиевна уже шла по соседнему проходу и собирала работы. То и дело слышались недовольные вздохи, когда она в очередной раз выдергивала тетрадь из-под руки ученика. Понимая, что нет смысла браться за последнее уравнение, я скосил взгляд в сторону соседки. Она все еще корпела над первым, но решение зашло в тупик.

Приглядевшись, я сразу заметил, что девчонка неправильно переписала задание в тетрадь. Она умудрилась перепутать плюс и минус, а один знак и вовсе потеряла. Неудивительно, что у нее ничего не получается. Может сказать ей? Да какая мне разница, чего она там понаписала?

Собрав работы, математичка сложила их аккуратной стопкой у себя на столе. Потом вышла на середину класса и начала объяснять новую тему про алгебраические дроби. Надо сказать, учителем она была неплохим. Рассказывала просто и доходчиво, и я даже увлекся уроком. Но потом мы перешли к закреплению материала. Рамазанова вызвали к доске, и пытка, начавшаяся для него перед уроком, возобновилась. Видимо, сегодня он был любимой жертвой.

Бедолагу спас звонок. Но не только он спешил поскорее убраться из класса. Всех моих одноклассников будто унесло ураганом. Запихивая тетрадь в сумку, я тоже побежал в коридор.

Глава 3

Кабинет русского и литературы оказался этажом ниже. Пока шла перемена, одноклассники рассыпались по коридору, занимаясь кто чем придется. Знакомиться со мной

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

никто не спешил. А я и подавно не торопился найти очередного воздыхателя.

Прислонив сумку к стене, я встал в сторонке и пригляделся к ребятам.

Несколько пацанов начали играть в наступашки. По крайней мере, так эту игру называли в моем предыдущем детском доме. Эти дурни ржали и толкались, как малолетки, пытаясь наступить друг другу на ноги. Вообще-то мы тоже не брезговали наступашками, но скакать за здорово живешь никто бы не стал. Иногда играли на деньги. Но чаще всего на кону стояло дежурство по комнате.

Неподалеку пара знатоков спорила о том, какой внедорожник круче, “Гранд Чероке” или “Хаммер”. Как будто кто-то из них хоть раз в жизни видел такие тачки.

Девчачья половина сбилась в кружок напротив меня. Они шушукались, хихикали и кидали в мою сторону любопытные взгляды. Ну вот, и дня не прошло... А то, что я детдомовский, их, похоже, не отталкивает. Отсутствие прыщей на лице все компенсирует...

Ведь чаще на нас смотрят так, будто мы ущербные. Во взгляде одновременно и жалость, и презрение. А если уж ты парень, то тем более пропаший, без надежды и будущего. В глазах этих домашних сопляков ты уже уголовник, наркоман или уличный попрошайка. А тут, смотри-ка, чуть ли не подмигивают. Нет уж, спасибо. Из-за таких вот истеричек я в Горянке всего полгода продержался. И черт меня дернул улыбнуться ей тогда!

Я отвернулся от этого курятника, и заметил свою соседку по парте. Она стояла у окна шагах в трех от меня. Взгляд ее был неподвижен. На лице застыло выражение прямо-таки вселенской грусти.

Да уж, радости мало. Двойка по математике тебе обеспечена.

Соседка заметила, что я за ней наблюдаю, встрепенулась и зашагала к группе одноклассниц.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Вика! — обратилась она к рыжеволосой веснушчатой девчонке.

Та обернулась, наигранно закатила глаза и бросила:

— Тебе чего, Ступакова? У нас бойкот, ты забыла?

— Нет, — холодно ответила Ступакова. — Галина Абрамовна просила передать, что ты не сдала домашнюю работу на прошлом занятии.

Не дожидаясь ответа, она развернулась и пошла проч.

— Угу. Иди и дальше подлизывайся к учителям, — проворчала ей в след Вика.

Ступакова вернулась к окну. Там она и простояла до конца перемены, изучая дождевые капли на стекле.

Прозвенел звонок, и ребята потянулись в класс. Я вошел одним из последних и, заметив уже знакомое свободное место, устремился напрямик к нему. Моя соседка готовилась к уроку, доставая учебники, тетради и разноцветные ручки. Я присел рядом и достал чистую тетрадь и единственную ручку, что была у меня в арсенале. Учебники все еще нужно было получить в библиотеке. Домашнего задания я не знал. Поэтому подготовка к уроку заняла пару секунд. Девчонка рядом тоже покончила с приготовлениями и, не взглянув на меня, вновь уткнулась в окно. Мне даже стало интересно, что она там все время высматривает? И неужели это что-то может привлекать ее сильнее, чем симпатичный новенький?

Я понимал, что равнодушная соседка по парте — именно то, что мне нужно. А вот мое тело такое положение вещей не устраивало. Волосы начали темнеть, ощущалось сильное напряжение в скулах, а глаза защипало так, будто в них кислотой плеснули. Я весь напрягся, пытаюсь сдержать превращение. В затылок ударила тупая боль. Чувство голода вернулось с прежней силой, и я крепко сжал кулаки. Придется потерпеть до следующей перемены, а там я

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

обязательно найду, чем поживиться.

Тем временем урок начался. Учитель русского, толстущка с улыбочивым круглым лицом, мне однозначно понравилась больше математички. Поздоровавшись с классом, она обратилась ко мне и пожелала удачи в новой школе. А потом объявила, что сегодня у нас диктант.

Всем раздали листки бумаги, и Ольга Николаевна — так звали учительницу — начала зачитывать отрывок из какого-то романа. Она произносила слова четко и с выражением, поэтому было совсем нетрудно расставлять знаки препинания. Вспомнив, сколько ляпов сделала соседка на математике, я заглянул в ее листок. Беглого просмотра хватило, чтобы заметить несколько до смешного нелепых ошибок. Не говоря о классике жанра типа “девчЕнка”, были такие как “будуЮщий”, “остаёЦА”, и даже “дрИбИзжаЧий”. Однако больше всего меня повеселил “преподавИтель”. Такие перлы нарочно не придумаешь. Перепутать буквы — такого со мной не случалось с начальной школы. Надо было срочно спасать ее от неминуемого позора.

Я легонько тронул соседку за плечо. Она вздрогнула, как от удара. Какая она странная все-таки.

Я показал кончиком ручки на ошибки в ее диктанте. Исправлять свою писанину она не спешила, а вместо этого воззрилась на меня, словно только что была свидетелем сомнительного фокуса и все еще не понимала, в чем, собственно, кроется подвох. Я пожал плечами и отвернулся. Что за идиотская мысль была помогать ей? Наверно, мне просто стало ее жаль, но ей моя жалость совсем не нужна.

Весь остаток урока я старался игнорировать соседку по парте. Она же, напротив, так мной заинтересовалась, что рассматривала, словно я был музейным экспонатом. Когда прозвенел звонок, девчонка легонько ткнула меня в плечо.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Спасибо за диктант, — сказала она чуть слышно. — Меня зовут Надя.

— Я Тимофей. Не за что, — озадаченно отозвался я.

Не проронив больше ни слова, она вышла из класса и заняла свой сторожевой пост у окна. Пару секунд я наблюдал за ней, но потом мое внимание отвлекло кое-что поважнее.

Я почувствовал очень сильный источник энергии. Она была ключом, расплываясь по классу сладкими густыми волнами. А я уже начал опасаться, что никто из одноклассников не влюблен. Не двигаясь, чтобы не спугнуть, я жадно потянул энергию и чуть не захлебнулся. В глазах все поплыло, и из груди вырвался стон. Боже, как хорошо! По всему телу словно солнечные зайчики заплясали. Я втянул голову в плечи, закрыл глаза и утонул в буре наслаждения. Но неожиданно вкус переменялся, появилась горчинка, а потом источник и вовсе иссяк. Не сдержавшись от досады, я стукнул кулаком по парте. Так всегда с любовью подростков: сначала фейерверки вкусов, но все неизменно заканчивается горечью.

Я обернулся, чтобы проверить, кто испортил все дело. Вычислить влюбленного Ромео не составило труда. Достаточно было посмотреть на скорбную физиономию, когда он следил за объектом своих вожделений. Это был мальчишка с растрепанными волосами цвета соломы и перекошенным воротничком рубашки, торчащим из горловины свитера. Владелец острого носа, усыпанного яркими веснушками, своими короткими и резкими движениями напоминал воробья. Его пронизательный взгляд, следующий по пятам той самой Вики, выдавал его с головой.

Вика напропалую флиртвала с кудрявым красавчиком. Он ей нравился, но не более того. Меня не проведешь. С кудрявым тоже все было понятно, Вика была не в его вкусе. Но ему льстило внимание рыжей красотки. Он очень старался поддержать их милый треп, отпуская шуточки, которые, казалось, вызывают колики у остроносого пацана. Роба у него была кислее некуда.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Вернулась соседка опустилась на лавку, и, вытащив из-под парты грязную сумку, начала доставать учебники, выкладывая их стопкой на краю столешницы. Зачем-то она вынула не только нужный для урока учебник литературы, но и учебник по математике, задачник, и пару толстых общих тетрадей. Полюбовавшись на бумажную пирамиду, Надя удовлетворенно кивнула. В следующее мгновение под рукой у нее оказался небольшой альбом, где она начала что-то чертить смело и размашисто. Карандаш в ее левой руке запорхал то вверх, то вниз, и казалось, в его движениях не было никакого порядка. Из-за локтя, ставшего препятствием между мной и альбомом, было нелегко подглядывать. Но в конце концов я сумел найти удачное положение. Сначала в хаосе линий трудно было различить что-то конкретное. Но чем плотнее укладывались на бумаге штрихи, тем отчетливее вырисовывались формы. Словно из тумана проступали один за другим нос, губы, подбородок, брови и, наконец, глаза. Туман рассеялся окончательно, и я с ужасом узнал в незнакомце себя, переданного с невероятной точностью, словно кто-то скопировал мое лицо. Вернее, тот вариант лица, который я примерил на себя сегодня. Я не понимал, как это возможно, чтобы человек, неспособный без ляпов переписать в тетрадь строчку цифр и делающий по три орфографические ошибки в слове, смог уловить, запомнить, и перенести на бумагу сложнейший образ, которым является человеческое лицо. Ведь она даже ни разу не глянула на меня с того момента, как начала рисовать.

По спине поползли мурашки. Я закрыл лицо руками.

Она расколет меня как орех, в два счета!.. Как я смогу обмануть ее фотографическую память? Никакие логические доводы не убедят ее не верить своим глазам. Разве получится контролировать себя настолько, чтобы не меняться в ее присутствии? И надо было так влипнуть на ровном месте!

— У тебя голова болит?

Я вздрогнул.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Что? — я оторвал руки от лица.

— Тимофей, ты плохо выглядишь, — учительница озабоченно смотрела на меня. — Если ты себя плохо чувствуешь, то можешь сходить в медпункт.

— Да... кажется... мне что-то нехорошо...

— Надя, проводи Тимофея и возвращайся на урок.

Вот спасибо! Только этого мне не хватало!

Я сгрел свои вещи в сумку и поспешил вон из класса.

— Эй! Ты куда так торопишься? Ты не в ту сторону пошел, — услышал я вслед.

Я резко повернулся и поплелся за Надей, отставая на полшага и стараясь больше не попадать в ее поле зрения. Мы молча поднялись на третий этаж, прошли в самый конец крыла и остановились возле двери с табличкой “Медпункт”.

— Ну, пока, — сказала она и посмотрела уже знакомым мне странным задумчивым взглядом. — До завтра.

— Пока, — коротко ответил я и поспешил в кабинет врача.

Глава 4

Я нацепил наушники, вдавил кнопку плеера и, подчиняясь монотонному ритму музыки, поплелся в сторону детского дома. Небо часто сеяло дождевые капли на мокрый, тускло поблескивающий асфальт. Старые ботинки раскисли, и в ногах скоро захлюпало. Капюшон сполз на глаза.

Почему я всегда оказываюсь в подобных городах? Они все одинаковые, как под

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

копирку, скучные, безликие, и будто пребывают в бесконечной осени. Я ненавижу эту безысходность бетонных пятиэтажек с пыльными окнами, с черными норами подъездов и изглоданными скелетами лавок возле каждого из них. Эти дома, где люди, упаковавшие свой мир в четыре стены, терпеливо ждут конца. И пусть внешне я мало чем отличаюсь от общей серой массы, пусть я хожу теми же неухоженными улицами, влачу ту же тусклую небогатую на события жизнь, я верю, что рано или поздно все изменится. Просто потому, что мне недостаточно того, что есть, мне душно здесь. И первым шагом в направлении новой жизни должно стать принятие себя. Пора прекратить ассоциировать себя с ними. Мои чувства и мысли должны быть совсем другими. Мне должны быть чужды их мелкие радости. И все, что составляет смысл их существования, вся эта любовь и дружба — это просто не мое. Точнее, это тоже мое, но... Я этим питаюсь и точка! Из этого кодекса не может быть исключений.

Я не могу быть с ними — это ясно. Кто они и кто я? Нельзя забывать об этом. Нужно научиться, в конце концов, держать дистанцию. Я так часто наступал на одни и те же грабли, что у меня должна быть мозоль на лбу. Сколько раз я говорил себе: “Не выделяйся, следи за своими превращениями, действуй осторожно”. Вот только словами сыт не будешь... И разве кто-то предоставлял выбор, кем мне быть? Если уж так случилось, что они — стадо овец, то мне нужно научиться быть волком. Иначе просто не выжить.

Рано или поздно люди вокруг понимали, что я другой. “Странный” — это их любимое слово. Они замечали необычные вещи, которые не могли объяснить, и чем больше таких вещей становилось, тем сложнее было их игнорировать. В конце концов меня начинали бояться и изгоняли, не особо вдаваясь, почему это происходило. Настоящие причины всегда были слишком необычными, чтобы кто-то решился заговорить о них прямо. Я не хочу в очередной раз быть изгоем.

Эта девчонка, Надя, — ее нужно остерегаться прежде всего. Глаза у нее дерзкие, будто насквозь видят... Не похожа она на обычного человека. Есть в ней что-то сложное,

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

непонятное... Больше не сяду с ней за одну парту. Уж лучше займу место рядом с тем “Ромео”. Уверен, я его быстро раскручу.

При мысли о нем волной накатила тошнота, и в висках застучали молоточки. Голод проснулся с новой силой. Я отключил плеер и огляделся, ловя себя на мысли, что уже давно пропустил нужный поворот. Улица вдруг стала незнакомой. Серые дома в дождевых потеках, мокрые серые тротуары — немудрено заблудиться в этом болоте! И как назло, ни одного прохожего. Нужно вернуться назад. Кажется, я шел прямо, или вот здесь направо повернул? Быстрым шагом я направился в обратную сторону. Я почти бежал, но чем дальше, тем яснее понимал, что окончательно потерялся. На противоположной стороне улицы я заметил фигуру в темном плаще и помчался туда.

— Вы не подскажете, где здесь Никитский детский дом?

— Нет, извини. Я в этом районе случайно, ничего тут не знаю. — Фигура в темном плаще заспешила прочь, растворяясь в дожде.

Я побрел дальше вдоль незнакомой улицы. Мною вдруг овладело абсолютное безразличие. Я весь отдался этому настроению и просто шел и шел, поворачивал на очередном перекрестке и плелся дальше. Небо становилось все мрачнее, опускались сумерки, дождь постепенно превратился в снег. Белые хлопья густо падали на мокрый асфальт и тут же исчезали. Впереди замаячил парк, и я свернул туда.

Редкие фонари освещали аллею. словно мошкара, в лучах света роились снежинки. Усталой походкой я брел по заснеженному парку и мерил свой ход сменяющимися темными и светлыми промежутками. В этом было что-то успокаивающее. Вдруг я остановился.

В кругу света, облепленная белым мерцающим пухом, кружилась девочка, поднимая легкий вихрь снежинок вокруг. Она двигалась медленно в такт падающему снегу, и сама казалась хрупкой снежинкой, которая вот-вот растворится в воздухе. Я не мог пошевелиться,

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

завороженный открывшейся передо мной картиной. На миг показалось, что это мир пришел в движение и вертится вокруг нее, как вокруг центра вселенной.

— Снег идет... правда, здорово? Я целый день ждала, когда пойдет снег! Волшебнo...

Ее влажные глаза цвета текучей ртути, обрамленные длинными, почти прямыми ресницами, смотрели на меня. Надя предстала передо мной словно видение — вся белая, с капельками талых снежинок на розовых щеках.

— Ты что здесь делаешь?

— Я... гуляю. Шла из школы и решила пройтись по парку. А ты?

— Я тоже.. типа того... Я немного заблудился.

— Школа здесь недалеко. Тебе в Никитский?

— Ага.

— Хочешь, пойдём вместе, мне в ту же сторону.

— Давай.

Глава 5

Мы шли рядом в тишине оглохшего, остановившегося во времени города.

Я не знал, что сказать ей. Было неловко идти и просто молчать. И зачем только я согласился, чтобы она показала дорогу.

— Смотри, — сказала Надя вдруг без предисловий и протянула руку.

— Что?

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Вот, — она указывала пальцем куда-то на рукав своего пальто.

— Что там? Я ничего не вижу.

— Да вот же она! Посмотри! Идеальная снежинка!

Серьезно?!..

Я подошел поближе и пригляделся.

— Ну да, снежинка...

Я украдкой глянул на нее, пытаюсь поймать иронию во взгляде, но Надя была серьезна.

— Она идеальная! Просто идеальная... Как много ты видел в своей жизни абсолютно идеальных созданий?

— Ну, не знаю, — ответил я уклончиво.

— У всего есть какой-то изъян, ну буквально у всего. Человек настолько несовершенен, что непонятно, зачем он вообще такой нужен. Даже простые предметы, и те небезупречны. Первый снег — это редкий случай, когда можно увидеть что-то по-настоящему прекрасное и совершенное.

— А вдруг она под микроскопом окажется вся кривая и косая?

— Да нет, эта останется самой красивой, — она смахнула снежинку с рукава. — Пусть летит, выполнит до конца то, что ей предназначено.

— Да что ей предназначено-то? Падать с неба на землю?

— И она делает это идеально.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Надя настолько преобразилась, что у меня появилось ощущение, будто мы познакомились несколько секунд назад. Я всеми силами старался не смотреть на нее, а она, нисколько не смущаясь, весело изучала меня. Уверен, она видит меня насквозь, и каждая деталь уже запечатлена, задокументирована в ее сознании.

— Пришли.

Тишина лопнула. Я вздрогнул и посмотрел на свою попутчицу. Вдруг почувствовал, как во мне что-то сломалось, безвозвратно повредилось, и уже никогда не вернется в свое исходное состояние. Внутри все задрожало, перед глазами заплясали желтые пятна. Я начал меняться прямо у нее на глазах. Мое лицо, словно кусок глины в руках бездарного скульптора, деформировалось, потеряло гармонию и рельефность черт. Тело вышло из под контроля, и каждая клетка заплясала в собственном диком ритме. Мне было больно, как никогда в жизни.

— Хватит! Хватит! — взревел я. — Перестань! Мне больно!!!

— Что с тобой?..

— Уходи! Хватит!

Я бросился к дверям детского дома.

— Постой! С тобой что-то не так!

Все не так!!! Все, все, все со мной не так!!! Влетая в холл, я чуть не вырвал дверную ручку. Метнулся куда-то, не разбирая дороги, но ноги подкосились, и я повалился навзничь. Лямка лопнула, и сумка отлетела в сторону.

— Эй! Ты мне тут натопчешь сейчас! — услышал я чей-то голос.

Спрятаться... надо... сейчас... куда? ... лестница... куда?... темно... Черт!

Глава 6

— Где я? — все тело словно объято огнем. Перед глазами пляшут черные мушки.

— Лежи, лежи! — кажется, это директор. — Первый день в школе, не очень удачно, да? Ну ничего, бывает. Отдохнешь, и все пройдет. Кушать надо хорошо. Не ел ничего толком, вот голова и закружилась. Куда торопился-то так?

— Есть хочу! Юрий Михайлович, помогите! Все болит! Есть хочу...

— Ну-ну. Чего уж так причитать, — директор поправил подушки. — Сейчас Верочка принесет что-нибудь из столовой.

— Нет, не то...!

Я дернулся вперед. Нужно было срочно выйти на улицу, найти кого-нибудь... Но меня замутило, и я упал назад на подушки.

— Что не то? Ты прямо сам не свой!

Вот он, этот долгий ласковый взгляд.

Мало, мало, еще! Есть хочу!

— Все ведь в порядке? Посидеть с тобой?

— Да...

Глава 7

Пятна света на кафельном полу. Тяжелые шаги из коридора. Дверь! Нельзя позволить ему войти! Стук. Толчки. Я навалился на дверь всем телом. Нет! Я не пущу тебя! Холодно. Дверь покрывается колючим инеем. На ней начинают проступать бурые пятна. Нет! Убирайся!

.....

— Входите, входите. Мы его здесь пока положили. Надеюсь, что все сделали правильно. Я вам сразу позвонил, как вы и просили, — Юрий Михайлович опять тараторил. — Может быть, все-таки врача пригласить. У нас очень хороший педиатр работает в

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Никитском, Петр Викторович. Я ему пока не звонил.

Кто-то дотронулся до моего лба ледяными пальцами и тут же отдернул руку.

— Ну как же, ребенок сознание потерял... — настаивал Юрий Михайлович. — Да и порядок такой.

Я попытался открыть глаза, но на веки словно свинец положили.

— А вы уверены, что с ним все в порядке? Он есть просил. Мы пытались его покормить, но...

Ответил голос, смутно знакомый, тихий, как шуршание опавших листьев.

— Друзья у него есть?

— Друзья... Он у нас недавно. Девочка про него спрашивала сегодня.

— Девочка пусть навещает, не препятствуйте, — прошелестел незнакомец.

Голоса начали удаляться. Я напрягся и с трудом приоткрыл глаза. На пороге комнаты у двери стояли двое. Коренастая и широкоплечая фигура принадлежала, конечно, Юрию Михайловичу. Но с кем он так заискивающе беседует обо мне? Высокий, тонкий мужчина в темном пальто. Никак не разглядеть лица... Перед глазами все плывет.

— А если ему хуже станет, то, может быть, все-таки врача?... — опять послышался голос директора.

— Хуже не будет, не беспокойтесь. Впрочем, наблюдайте и звоните, если что. Станет хуже, заберем.

— Хорошо, я буду наблюдать круглосуточно. Дам вам знать...

Темная фигура повернулась в мою сторону, но лица не разглядеть.

Кто ты?! Кто?

Я попытался приподняться, но слабость пронзила тело, и я провалился в темноту.

Глава 8

“Тепло. Как тепло в комнате! И как вкусно...”

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Ты еще тут, Наденька? Сидишь? Я вот тебя позвал, а зачем...? Все равно ведь без сознания лежит. Что-то ты бледная какая-то. Устала, наверно? Иди уже домой.

— Да, устала что-то. Можно я завтра еще приду?

— Конечно, приходи, если хочешь.

Глава 9

— Тимофей! Очнулся! Ну, молодец парень, молодец! А мы тут все глаза проглядели. Смотрим, вроде порозовел, лучше, кажется, тебе стало, а все не приходишь в себя!

Юрий Михайлович склонился надо мной и потрогал лоб. Ладонь у него была влажной, неприятной.

— Ну что, голодный, наверно!? Неделю ведь пролежал, все бредил. Не ел, не пил. Как без питания-то совсем? Голодный?

— Нет. Я в порядке. Я сыт, — я сел в постели.

— Вот тебе здрасте... А всю неделю как стонал: “Есть хочу”! Вчера только затих, на поправку пошел. Мы с Наденькой от тебя не отходили.

Тут только я заметил хрупкую фигурку в кресле, свернувшуюся калачиком. Юрий Михайлович посмотрел на девочку.

— Устала, спит бедная. Да и я устал за эту неделю. Ох, и понервничали мы, Тимофей.

— Заберите Надю, пускай домой идет. Я уже в порядке.

— Да будить не хочется. Спит так сладко.

— Заберите. Пусть в другой комнате спит.

— Что ж, раз она тебе мешает.

Юрий Михайлович поднял Надю. Она не проснулась. Ее тонкая рука свесилась и раскачивалась, когда директор понес девочку к дверям.

— Может тебе что-то нужно?

— Принесите мой плеер и пару кассет, если можно.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Директор кивнул.

— Я пришлю к тебе Верочку с бульоном, — бросил он, протискиваясь в дверной проем. — Поправляйся.

Глава 10

Мой второй день в школе... Всего лишь второй день.

Я стоял за углом, дожидаясь назначенного часа. Когда до звонка осталось пять минут, я, скрипнув зубами, тронулся с места. Успел как раз вовремя, залетел в кабинет вместе со звонком. Опустив взгляд, лишь бы только не попасться ей на глаза, я протиснулся в конец класса.

— Тут свободно?

Остроносый оторвался от учебника географии.

— Свободно, садись, — дернув плечом, ответил Воробей.

Начался урок географии. Молоденькая учительница проверяла присутствующих. “Невинный... Тимофей,” — она метнула кокетливый взгляд в мою сторону.

— Ну и фифа, — хмыкнул я.

— Ага, — улыбнулся Воробей. — Наша Любовь Александровна. Мы ее Фифой и называем.

Фифа цокала туда-сюда, то к карте, то к доске, записывая народонаселение какого-то государства. Добрая половина мальчишек пристально следила за каждым движением сиреневой юбки. Вторая была адептами белой шёлковой кофточки, точнее, выреза на этой самой кофточке... Девчонки тоже смотрели с благоговением, словно повстречали музу. Энергия тонкими струйками поднималась к потолку от доброй половины одноклассников. Я облизнулся от удовольствия. По всему выходило, что география здесь станет моим любимым предметом.

— А ты где две недели пропадал? — поинтересовался Воробей, не отрываясь от

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

учительницы.

— Да так, гриппом болел.

Весь урок я пытался сосредоточиться на поклонниках Фифы. Но аппетит портился, как только моя бывшая соседка оборачивалась, чтобы в очередной раз впериться в меня дотошными туманно-серыми глазами. Каждый раз я ощущал невероятное смятение, как будто был пойман на месте мерзкого преступления. Никогда ни один человек не производил на меня такого действия. Внутри что-то дергалось, и я чувствовал, что снова теряю контроль над собой. Это пугало и изматывало. Мне хотелось бежать, бежать как можно дальше, чтобы не чувствовать на себе этого разоблачающего взгляда, который, словно хлыстом, стегал меня всякий раз, когда она оборачивалась в мою сторону. Но не мог же я, в самом деле, опять сбежать с урока! Не получится все время бегать от нее. Я должен что-то придумать, каким-то образом заставить ее отвязаться от меня.

Я с нетерпением ждал конца урока, но лишь прозвенел звонок, Надя встала и уверенным шагом направилась в мою сторону. Одним движением я смел свои вещи в сумку и, словно вор, бросился бежать из класса по соседнему проходу.

Наши догонялки продолжались весь день. На переменах я приклеивался к Воробью и, не отставая ни на шаг, заваливал его вопросами о всякой ерунде, лишь бы только не дать Наде вклиниться в наш разговор.

— Сашка, у тебя есть что-нибудь послушать?

— Есть “Кино”, “Агата Кристи”, “Чайф”.

— Понятно.

Стандартный суп-набор...

— А что-нибудь поинтереснее?

— Например?

— Ну, типа вот этого.

Я засунул ему в ухо наушник. В плеере играла “Lacrimosa”.

— Это че за симфония такая? — Воробей поморщился.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Это готик-рок.

— Нифига на рок не похоже. Уфф... Они на немецком, что ли, поют?

— Ну да.

— И тебе нравится эта хрень?

Я уже, было, хотел отстать от него, но Надя в очередной раз метнула взгляд в мою сторону и, казалось, была готова опять сорваться с места.

— Хорошо, давай попробуем вот это.

Я поменял кассету в плеере.

Только бы продержаться до конца перемены.

— А это че?

— “Therion”. Направление — симфонический металл.

— Ну, тут, конечно, поживее. — Воробей недоуменно приподнял бровь. — Но они ж там хором поют...

— Тебе не нравится?

— Честно?

— Понятно.

Я достал еще одну кассету.

— Тогда последняя попытка. Моя любимая на сегодня. Так что буду признателен, если соврешь. Эта кассета мне просто чудом досталась. Их практически нигде не продают.

— Ну, давай, — Сашка вздохнул и опять засунул наушник в ухо.

— Слушай, так этих я знаю! — воскликнул он с облегчением. — Это ж Metallica, только без слов.

— Не, чувак. Это Arosalyptica, каверы на Металлику на виолончели.

— Неплохо. Только Металлика все равно лучше.

Надя все-таки подошла к нам. Я посмотрел на нее, пытаясь сделать взгляд как можно более суровым.

— Чего тебе, Ступакова? — громко спросил я.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Многие обернулись. Кое-кто одобрительно хмыкнул. Я чувствовал себя гадко. Надя опустила глаза и шумно выдохнула. Потом развернулась и зашагала прочь.

Она оставила попытки подойти ко мне, но взгляды ее стали еще более пронзительными, они разъедали мне душу, словно кислота.

Глава 11

Почти неделю мне удавалось избегать разговоров с Надей. Мы сидели в разных концах класса. Я не подходил, и она тоже больше не пыталась заговорить со мной. Я уже привык сидеть за последней партой с Сашкой, которого почти сразу начал называть Воробей, но его это, кажется, только веселило. Я проводил с ним много времени, и мы быстро сдружились.

Обычно мы встречались с Воробьем в сквере по дороге в школу и болтали о том о сем. Я неизменно подначивал его на разговоры о рыженькой Вике — его безответной любви. И он делился самым сокровенным, ничего не подозревая.

— Я в нее влюблен чуть ли не с первого класса, представляешь? Мы даже дружили раньше... пока она не решила, что я ее недостойн. Она живет тут неподалеку, в соседнем дворе. Каждое лето мы тусим в одной компании, и между нами опять... все налаживается. Но как только начинается школа, она перестает меня замечать, — Сашка тяжело вздохнул и пнул пустую пачку из-под сигарет. Он их вечно где-то находил. Увидит, и обязательно пнуть надо. — Я не могу ее понять. Она ведь классная девчонка... И что мне со всем этим делать?

Да выкинуть ее надо из головы раз и навсегда. Тут все ясно.

Ему я, конечно, такого не сказал.

— Попробуй пригласить ее куда-нибудь.

— Ха! Пригласишь ее... Да к ней вообще не подойти, когда она со своей свитой. Они потом месяц надо мной стебаться будут.

— Ну, не знаю. Может, напиши ей тогда?

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Нет! — Сашка поморщился. — Я уже писал как-то... Она эту записку чуть ли не всему классу прочитала.

Вот зараза! Какого черта ты все еще о ней думаешь?

Я бы, пожалуй, мог избавить тебя от бесполезных страданий, только что же мне есть тогда?...

— Ну подожди, может быть она еще... разглядит тебя.

Или пожалеет, когда в очередной раз станет скучно.

После таких разговоров Сашка зевал и жаловался, что уже который день не высыпается. Я же, наоборот, приближаясь к школе, чувствовал себя все лучше. Так было и в четверг, когда мы завалились в класс на математику. Я уже начал располагаться за нашей партой, как вдруг послышался стальной голос математички:

— Я не разрешала пересаживаться. Две недели тебя не было, а теперь ты собираешься веселиться с этим охламоном. Будешь сидеть со Ступаковой.

Паучиха!

Я нехотя поплелся на прежнее место. Нади еще не было.

Я заволновался: а вдруг все повторится, как в тот вечер? Вдруг и сегодня я не смогу себя контролировать?

Я до сих пор не понимал, почему мое тело тогда слетело с катушек.

— Привет, — услышал я за спиной.

Не проронив больше ни слова, Надя села рядом. Мое присутствие ее, кажется, не смутило.

Достав учебники, она принялась сосредоточенно точить карандаш. О чем она сейчас думает? Наверняка обо мне. Почему тогда молчит? Я был уверен, что она сразу накинется с расспросами. Что ж, тем лучше для меня. Буду делать вид, что ничего не произошло.

Прозвенел звонок. Наталья Георгиевна вышла к доске. Потрясая пачкой бумаг и стреляя злобными взглядами, она принялась отыскивать новую жертву. На этот раз жребий

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

пал на Надю.

— Я проверила ваши работы, — сказала Наталья Георгиевна тихим стальным голосом. Ее рот исказила полуулыбка. — Некоторые, как всегда, отличились умом и сообразительностью. Ступакова, ты слепая?! — вдруг гаркнула она. — Что за бестолочь! Встань, когда с тобой разговаривают!

Надя медленно встала из-за парты и уставилась себе под ноги.

— Ты не можешь переписать задание в тетрадь? Тут думать не надо, Ступакова, — Математичка выплюнула фамилию, как ругательство. — Тупить не надо! Тебя не учили писать в прописях? Копировать значки, черточки, палочки?!

Надя стояла неподвижно, и лишь пальцы ее руки мелко дрожали. Я посмотрел на эти тонкие, вымазанные чернилами пальцы и вдруг неожиданно для себя самого выпалил:

— Наталья Георгиевна! Тут вот какое дело...

Окончание фразы я так и не придумал.

Математичка нехотя оторвала взгляд от Нади. Та схватила сумку и опрометью бросилась вон из класса.

— Ступакова!

Но та уже скрылась за дверью.

— И что за дети пошли...

Наталья Георгиевна внимательно посмотрела на меня. Я выдавил самую благодушную улыбку. Внутри что-то хрустнуло, и в следующее мгновение у меня на носу появилась горбинка. Математичка подняла бровь и поджала губы.

Гадство! Похоже, спалился! Черт меня дернул впрягаться за эту неумеху!

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Ну, хорошо, — процедила сквозь зубы Наталья Георгиевна, — открываем учебники.

Я поспешил спрятаться за книгой.

Если математичка поймет, что я знаю ее маленькую тайну, наверняка захочет избавиться от меня. Свидетели и тем более конкуренты ей не нужны. Я уже встречал вампиров страха, но до сих пор удавалось держаться в тени и не переходить им дорогу. Вот и сейчас нужно затаиться, а я, как идиот, полез на рожон. Может быть, обойдется? Откуда ей знать о таких, как я? Сами-то они меняться не умеют.

.....

Я увидел Надю в коридоре после урока, и на этот раз мне все-таки пришлось с ней заговорить.

— Ты так быстро убежала, что оставила свои вещи на парте, — я сгрузил ей в руки учебник, тетрадь и охапку ручек. — Не уверен, что нашел все твои ручки. Там все разлетелось....

— Спасибо, — Надя опустила глаза и прикусила губу.

— Математичка просто взбесилась!

— Некоторые люди ведут себя очень странно... — отозвалась Надя и многозначительно посмотрела на меня. Я резко отвернулся.

Да что она за человек? Почему я чувствую себя таким уязвимым, когда она рядом?

— Мне пора, Сашка меня ждет, — буркнул я и пошел прочь.

— Опять убегаешь? — бросила она, но я не оглянулся. — Ты думаешь, я не знаю, кто ты?

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Я остановился.

— Ты это о чем?

— Я многое про тебя знаю.

— Что за чушь! Ничего ты не знаешь!... И вообще, нечего знать!

— Я наблюдала за тобой!

— Что?

— Я наблюдала за тобой, когда ты спал, когда ты был болен.

Я не знал, что ответить на это. Кровь бросилась в лицо, в висках загудело. Я силился выдавить хоть какой-то звук, но горло словно стянуло в тугой узел. Надя отвернулась явно собираясь уходить.

— Постой! — наконец смог выдохнуть я, сбрасывая оцепенение.

— Стой! — я схватил ее за руку. — Что ты знаешь?

Она резко отдернулась. Помедлив, опустила руку в сумку, достала альбом и сунула его мне.

— И что это за...

Не слушая меня больше, она побежала и скрылась за поворотом.

— Эй!

Да что за чертовщина? Я повертел в руках ее подарок.

Ах, этот альбом! Я уже знал, что увижу там.

Рисунки. То ручкой, то цветными карандашами, и всюду я. На первой странице — я с разбросанными по подушке волосами корчусь на кровати. На следующей — я, скрючившись, с ногами, подтянутыми к подбородку. Потом отдельно крупным планом зажмуренные глаза и

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

морщина на переносице. Листаю дальше. Двенадцатое ноября, 11:45, мое лицо крупным планом. Та же дата, но уже 16:15. Поза не изменилась, и даже выражение лица осталось прежним, но губы стали заметно полнее. А в 18:20 на носу появились веснушки. Тринадцатое ноября, 12:10, опять мое лицо вполне узнаваемо, но если обратить внимание на детали... Дьявол, как говорят, кроется именно в деталях. Я листал страницу за страницей. Казалось, художница прорабатывала всевозможные варианты носов, губ и ушей, но я прекрасно знал, что это мои губы, носы и уши, запечатленные в разные промежутки времени. И чтобы не возникало никаких сомнений, везде стояли дата и время. Она рисовала меня на протяжении недели, пока я был без сознания. Я был в каждом ее рисунке!

Да, она действительно многое обо мне знала.

Глава 12

На следующий день у меня созрел план. Нужно было только дождаться подходящего момента, чтобы поговорить с ней, но случай не подворачивался. На уроке биологии к нам пришла Вероника Степановна — большеротая и порывистая женщина с неухоженными волосами. Она преподавала рисование и черчение, а по совместительству была художественным руководителем школьного театра. В этот раз Вероника Степановна приглашала нас поучаствовать в новогоднем спектакле. Воробей шёпотом прокомментировал, что каждый год средние классы вынуждены показывать унылый спектакль для мелочи из начальных.

— Кто желает участвовать? — с энтузиазмом спросила Вероника Степановна.

Несколько рук взметнулось в воздух, среди них была и Надя. Девочки захихикали:

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Ты-то куда, Ступакова?

Надя руки не опустила, а лишь через плечо презрительно оглядела обидчиц.

— Ступакова, а ты себе резиночки для волос из трусов выдергиваешь?

Рука Нади медленно поползла к голове. Наш курятник загудел от удовольствия.

— Девочки, девочки, успокойтесь! Я приглашаю всех желающих, каждому найдется задание. Приходите завтра в актовЫй зал после уроков. Будем распределять роли для новогоднего утренника. Дедом Морозом будет Семенов Сергей. А роль Снегурочки пока вакантна, — Вероника Степановна заулыбалась во всю ширь своего немаленького рта.

Девчонки зашушукались: “Семенов будет!”

— Мальчики, обязательно приходите тоже. Нам нужны Волк и Медведь.

— А баран вам не нужен? Тут есть пара кандидатов.

— Или свинья... — подхватил сосед Рамазанова.

— Так, тишина на уроке! — повысил голос биолог. Он был всегда строг и угрюм. — Вероника Степановна, спасибо за объявление. Пожалуй, нам стоит продолжить урок.

На перемене весь женский состав обсуждал “Сереженьку”. Волны любви, как пёстрые ленты, расплзались от их компании. Нашел бы этого парня — пожал ему руку, честное слово! Вдруг тема разговора переменилась.

— А Ступакова-то у нас в актрисы собралась!

— Да ее детям показывать нельзя!

— Ну что вы, девочки, может быть, в новогоднем спектакле надо сыграть чучело.

— Да-да, кто-то ведь должен исполнять самую ответственную роль, — загалдела компания. — Ей и гримироваться не надо!

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Раздался взрыв хохота. Но Надя и бровью не повела. Открыв тетрадь, она принялась рисовать.

— Сань, слушай, а че за проблемы со Ступаковой? Чем она всем насолила? — решил выяснить я.

— Да кто с ней общаться будет после того, что она сделала? Она же ненормальная. У нее давно кукушечку сорвало.

— В смысле? Что она сделала?

— Ну, с девчонками она давно не ладит. Я уж и не помню, чего они там не поделили в самом начале. В общем, Вика с Оксанкой как-то решили над ней приколоться. Заперли ее после физры в раздевалке, той, что подальше, на втором этаже. Ну, и оставили ее там... на ночь, короче, оставили.

— Ага...

— Да не говори! На самом деле, сами виноваты. В этих бабских терках не разберешься, кто прав, кто виноват. Ну вот, Ступакова просидела в раздевалке где-то до полуночи, может и дольше. Родители ее уже милицию вызвали. Они тут всю школу на уши поставили. А эта хоть бы закричала или в дверь стучала. Нет, она там своими делишками занималась... Когда дверь в раздевалку открыли, она стены разрисовывала, — Воробей покачал головой для убедительности. — Тимон, ты бы видел эти рисунки...

— И что там?

— Блин, такой жести я в жизни не видел... Там даже милиционера на входе поставили, чтобы дети не смотрели. Только мы с пацанами по пожарной лестнице забрались и через окно подглядели.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Ну, так что там было?

— Да полный капец там был, вот что! Она всех девчонок нарисовала...

Воробей выпучил глаза и выпалил:

— Мертвыми...

— Мертвыми?

— Ну, вот так... Помню, Вику она нарисовала с веревкой на горле и языком... И все, как настоящие... Жесть, короче!

— А она точно этих девчонок рисовала?

— Да, конечно! Ты знаешь, как она рисует?!

— Да, видел уже... — буркнул я.

— Эта Ступакова ненормальная! Что у нее там в голове творится?... Ее тогда чуть из школы не выгнали.

— Ну, никто не заставлял запирать ее в раздевалке...

— Да про это даже не вспомнили потом. Ее родоки извинялись, извинялись... ремонт в раздевалке сделали за свой счет. Кое-как замяли. Если бы отец Вики узнал...

Начался урок, и больше я о Наде не спрашивал.

Весь день я порывался осуществить свой план, но осмелился подойти к ней, только когда закончился последний урок.

— Нам надо поговорить.

— Думаешь, стоит?

— Да, — я протянул ей альбом. Надя молча спрятала его в сумку.

— Не понимаю, зачем ты мне его дала. Рисунки, кажется, хорошие, но меня это не

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

интересует, — сказал я небрежно и громко, чтобы слышал класс.

— Я в этом не разбираюсь, — продолжал я. — Не знаю, что ты там себе нафантазировала... В общем, это была неплохая попытка обратить на себя внимание. Но, знаешь, ты мне не очень нравишься... — теперь уже все, кто был в классе, с интересом наблюдали устроенное мной бесплатное представление.

Надя выглядела так, словно ее ударили. Пятна заалели на ее шее и щеках. Мне стало ужасно, невыносимо стыдно! Нельзя так обижать ее, но это был единственный способ отпугнуть упрямую девчонку навсегда. И тогда я нанес последний, самый гнусный удар:

— Эй, ну, ты не расстраивайся. Я не виноват, что ты в меня...

— Что!? — слезы брызнули из ее глаз. — Ты дурак! — Она рванула прочь. Я спокойно посмотрел ей вслед и оглядел присутствующих. Все тарасились на меня. Хмыкнув, я закинул на плечо сумку и покинул класс.

Я готов был умереть, провалиться в ад и гореть там вечно.

После этого позорного разговора я промаялся весь вечер. Чувство стыда жгло и разъедало изнутри. Мутило, как после удара под дых. Я без толку блуждал по холодному заснеженному парку, тому самому, где две недели назад увидел Надю в хлопьях падающего снега. Она показалась мне тогда такой нежной, ранимой... С тех пор снег шел каждый день, и весь парк превратился в огромный сугроб. Лишь расчищенные дорожки чернели местами.

Я все размышлял и прокручивал в голове события, связанные с Надей. Почему она все еще учится в этой школе? Неужели нельзя перевестись? Ее отторгают, словно чужеродный орган. А она каждый день возвращается в класс, как на битву. И я со своими обьявлением... Гадство!

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Ведь, она наверняка надеялась на меня. Во всяком случае, вряд ли ожидала, что я тут же приму условия игры класса. А я повел себя, как полная скотина! И это после того, как она неделю не отходила от моей постели. Ведь именно ее сострадание и непонятно откуда взявшиеся дружеские чувства насытили меня и вернули в сознание. Но в конце концов, разве не о ней я забочусь?

Я очутился на краю дорожки, потоптался немного, оставляя вмятины на снегу. Потом нагнулся, зачерпнул колючего снега и смял его в твердую ледышку. Бросок, в который я вложил все раздражение и злость, заставил снежок улететь куда-то в темноту парковых деревьев, за пределы светового круга, созданного последним фонарем.

В самом деле, ну почему я должен волноваться за нее? Пусть волнуются ее родители. У нее они есть, в отличие от некоторых. А если ей нужен друг, то я меньше всего подхожу для этой роли. Волки с овцами не дружат. Она решила, что все знает обо мне! Удивить хотела, дурёха. Что она может знать, если я и сам-то не до конца знаю? Наверное, думает, что я супермен какой-нибудь, и что весело мне от всего этого.

А знает она, что мне больно каждый раз, когда со мной творится эта чертовщина?

Что я, случается, не могу себя контролировать?

Что меня мучает голод, нестерпимый, изнуряющий...

Что я могу высосать жизненные силы из человека? Опустошить его?! Убить!

Я злобно пнул урну, и та со стоном перевернулась.

Она думает, что несчастна, что одинока. А я бы с радостью поменялся с ней местами, просто чтобы стать нормальным. Чтоб как все стать!

Мне-то где искать ответы на вопросы? Мне кто-нибудь объяснял, что со мной

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

происходит? Почему я такой? У неё, по крайней мере, есть кого спрашивать. Есть родители, учителя. Да она может просто пойти в библиотеку, взять учебник физиологии и разобраться, что у нее внутри, и как это работает. А мне никто не расскажет, как работает мой организм. Про таких, как я, ни в одной серьезной книге не написано.

В прошлом году всем детдомовским делали флюорографию. Врач сказал, что у меня отличные здоровые легкие. То есть ему мои легкие показались вполне нормальными, такими же, как у всех людей. И сердце у меня есть. Во всяком случае, я слышу, как оно бьется. А еще я чувствую, какой оно формы, какого цвета, размера, плотности... И вот это точно не нормально! Ведь не может обычный человек чувствовать цвет своих глаз или форму носа... Он чувствует, что у него есть глаза и нос, но формы и цвета он не чувствует. Я это выяснял. А я, черт возьми, ощущаю каждый волос на теле! Покажите мне хоть одну книгу, где об этом пишут!

Все, что я читал о существах, питающихся энергией, лишь нелепые страшилки и откровенный бред. Если кому-то хочется называть меня демоном, пожалуйста! Вот только в преисподнюю мне спускаться не доводилось, и с сатаной мы за ручку не здоровались. Копыт и хвоста у меня нет. Младенцев по ночам я не ворую и юных дев во сне не растлеваю. Хотя, если какой-нибудь юной деве приспичит меня растлить, я, пожалуй, не откажусь. Быть хранителем кладов и сокровищ тоже было бы неплохо! Но нет, увы... Сплошные домыслы и суеверия.

А про энергию я вообще молчу! Никто из людей даже приблизительно не представляет, каким я вижу этот мир. То, что для меня абсолютно реально, к чему я могу прикоснуться, почувствовать запах, увидеть цвет, ощутить вкус — для людей просто не

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

существует. Мне иногда кажется, что я сумасшедший, который все придумал, а на самом деле никакой энергии нет. Вот только не придумал я... Иначе эта дура не заметила бы, как я меняюсь. Дотошная такая!

Она человек, вот и пусть ищет помощи у людей. Хватит с меня. Пора возвращаться в Никитский.

Я вышел из парка и быстрым шагом направился по уже знакомому проспекту. Навстречу попалась лишь пара прохожих. Ранний мороз всех разогнал по домам.

Пустынные улицы настораживали.

Вдруг что-то мелькнуло в зеркальной витрине. Я остановился и огляделся. Никого. Бродячие собаки, и те попрятались. Я ругнулся и пошел дальше, ускорив шаг.

Улицы Зауралья уныло смотрели на меня темными окнами домов. Антураж прямо для депрессивного клипа. Я уже начал представлять мрачного вокалиста в косухе, как краем глаза опять заметил какое-то движение.

Я остановился и пару минут разглядывал модельные туфли, зимние сапоги и резиновые шлепанцы, отражающиеся в зеркалах. Я изучил витрину вдоль и поперек, но так и не увидел ничего подозрительного.

Я собрался продолжить путь, как вдруг совершенно ясно увидел в одном из зеркал Надю. Секунду она презрительно смотрела на меня, а потом растворилась в воздухе.

Дико озираясь по сторонам, я ничего не мог понять — Нади нигде не было. Как она сумела так быстро убежать? Улица прямая — дома один за другим в ряд, тротуар и сразу проезжая часть — здесь негде спрятаться. Нет ни кустов, ни деревьев, ларьки — и те далеко. До ближайшей подворотни метров пятьдесят, не меньше. И потом, она не убегала, она просто

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

растворилась...

В следующую секунду я уже сам себе не верил. Должно быть, у меня галлюцинации. До чего доводят глупые мысли о всяких девчонках! Стало не по себе и я быстро зашагал вперед, не глядя больше по сторонам. Детский дом был совсем близко. Вот оно — обледенелое крыльцо, а за ним светлый холл, и Юрий Михайлович поливает свою герань, беседуя о чем-то с поварихой Верочкой.

Глава 13

Нади не было в школе вторую неделю. Сначала никто не заметил, но потом учителя стали интересоваться, куда же пропала тихая девочка, сидевшая за второй партой в среднем ряду. Ученики не знали, и тогда классный руководитель позвонила домой Ступаковым.

— Ребята, новость печальная, — объявили на уроке. — Надя Ступакова серьезно больна. Ее родители были немногословны. Мы знаем лишь, что в ближайшее время, а возможно, и в ближайшие несколько месяцев Надя в школе не появится. Девочка в коме.

Класс молчал.

— А можно ее навестить? — будто со стороны услышал я свой голос.

— Э... Я даже не знаю, будет ли в этом какой-то смысл... А впрочем... Почему бы и нет. Тимофей, подойди ко мне в учительскую. Я дам тебе номер телефона родителей Нади.

На перемене я долго топтался возле двери в учительскую. Может, ну его? Мало ли, вырвалось... Все и забыли уже. Но чувство вины опять больно кольнуло изнутри. Наконец, я решился, постучал и вошел в учительский кабинет.

...

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Сидя на потрепанном диване в гостиной Никитского, я крутил в руке клочок бумаги. Шесть цифр на обрывке листка в клеточку не давали покоя. Звонить не хотелось, но ведь завтра в школе обязательно спросят. В конце концов, просто поинтересуюсь, как Надя себя чувствует, и положу трубку. Больше не откладывая, я встал и направился к вахте.

— Баб Кать, я позвоню?

— Кому это ты названивать собираешься? — недовольно осведомилась старая вахтерша.

— Одноклассница заболела.

— Знаем мы ваших одноклассниц... Звони, только недолго.

Набрать номер получилось только с третьей попытки. В трубке слышались длинные гудки. Сердце бешено колотилось.

— Да, слушаю.

Я молчал, позабыв все слова.

— Алло?! — в женском голосе слышалось раздражение.

— Э...это Тимофей. Я из школы... я друг Нади.

— Что за друг?

— Мы учимся в одном классе.

— Друг из класса? — недоверчиво спросил голос. — Ну и что же тебе, друг из класса?

— Я хотел спросить, как там Надя?

— Надя в больнице.

Я чувствовал, что нужно спросить еще хоть о чем-нибудь.

— Я бы хотел ее навестить, если можно... — Нет, нет, нет! Откажи мне, пожалуйста...

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Можно, — ответила женщина после короткой паузы, — но боюсь, развлечь ее своим визитом ты не сможешь.

— Да, я знаю. И все же, я бы хотел приехать. — Боже, что я несу?

— Тимофей, так, кажется, тебя зовут? Я вспоминаю теперь, что Надя как-то говорила о тебе. Она навещала тебя, когда ты болел. Так?

— Да. Я тоже тогда не мог ни с кем разговаривать.

— Что ж, приходи завтра в первой половине дня.

Женщина дала адрес и повесила трубку. Я уставился на телефон, не веря, что сам решился на это.

И зачем я в это ввязался?..

...

Утром в столовой я попросил у поварихи яблоко. Не хотел идти к Наде с пустыми руками. Наверное, это глупо — нести яблоки лежащему в коме, но ничего другого я придумать не смог.

Добирался на трамвае. Субботним утром в вагонах было непривычно пусто. Давка и сутолока рабочих дней остались позади, и заиндевелые вагоны медленно тянулись по рельсам, надолго задумываясь на перекрестках, словно и у них сегодня был выходной, и можно просто прогуляться по заснеженному городу, захватив с собой пару попутчиков от скуки. Снег валил так густо, что за окнами ни зги не было видно. Наде наверняка понравилась бы такая погода.

— Областная Клиническая, на выход! — прокричала кондуктор.

Я спрыгнул с подножки и тут же увидел высокое здание больницы из белого кирпича.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Пересек парковку, потоптался на крыльце, сбивая налипший снег с обуви. Я волновался, как перед контрольной, и каждое промедление только усиливало щемящую тоску в груди. В конце концов я взялся за ручки дверей. Пора покончить с этим.

В больнице уныло пахло хлоркой. Старушка гардеробщица приняла мои вещи, выдала огромный потрепанный халат, и я, не найдя лифта, поднялся по широкой лестнице на третий этаж. Подойдя к палате номер восемь, я заглянул в дверное окно. Там темноволосая женщина сидела на краю кровати. Она все поправляла что-то: то подушку, то одеяло. Вдруг меня тронули за плечо.

Передо мной стоял высокий широкоплечий мужчина со светлыми волосами и большими серыми глазами, прямо как у Нади. Он бережно держал в руках длинный прямоугольный предмет в оберточной бумаге. Предмет пару раз пытался выскользнуть из его рук, и мужчина каждый раз возвращал его на место.

— А ну-ка, помоги, — сказал он, указывая взглядом на дверь палаты.

Я открыл дверь. Мужчина втиснулся в проход, раскачиваясь и по-медвежьки переступая с ноги на ногу. Он был так напряжен, стараясь не уронить свою ношу, что я поспешил пропустить его вперед и шмыгнул в палату следом.

— Настя, — обратился он к женщине на кровати. Та обернулась. Она была очень миловидной, с тонкими и выразительными чертами лица. Ее карие глаза покраснели и слезились, черная прядь волос падала на висок.

— Вот, смотри, притащил! Не хотели пускать в отделение, представляешь? Сказал, что это в приемную главврача, — он прислонил сверток к стене и подпер для надежности стулом.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Подойдя к кровати, он тихо спросил:

— Ну как вы?

— Без изменений, — отозвалась женщина бесцветным голосом.

— Совсем никаких реакций?

— Никаких.

— Настя, хочешь, я разверну его прямо сейчас? — мужчина присел на корточки и взял женщину за руку. — Можем поставить его здесь, рядом с ней. Кто знает, может, вернется...

— Не сейчас, Стас. Позже. Кто это с тобой? — меня наконец заметили.

Неловко быть свидетелем чужих разговоров.

— Да вот, парнишка какой-то, — отозвался мужчина.

— Ты, наверное, Тимофей, — вспомнила женщина. — Друг из школы?

— Интересно, — мужчина поднялся и посмотрел на меня. — Значит, друг из школы?

— Э...да, Тим... ну, то есть друг. Здравствуйте.

Женщина встала, подошла ко мне, и с вымученной улыбкой сказала:

— Здравствуй, Тимофей. Очень мило, что ты решил навестить Надю. Хочешь подойти поближе?

— М... Можно, — сказал я неуверенно.

— Не бойся. Она просто спит, — женщина приобняла меня за плечи и подвела к кровати.

Надя совсем не выглядела больной. Она лежала с закрытыми глазами и действительно могла показаться спящей, если бы не капельница рядом с кроватью. Прозрачная жидкость медленно сочилась из пластикового мешочка и стекала по длинной трубке к ее руке. Надина

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

мама поймала мой взгляд.

— Это просто питание. Надя сейчас не может кушать сама.

— Кстати о еде, Настя. Думаю, тебе пора пойти пообедать. А я подежурю здесь с Тимофеем вместо тебя.

— Хорошо. Можно тебя на пару слов?

Они вышли в коридор, оставив меня наедине с Надей. Я почувствовал себя очень неуютно. Как же она провела у моей постели целую неделю? А я даже ехать не хотел. Сволочь!

Я вытащил из кармана яблоко и положил его на тумбочку у изголовья. В школе я избегал смотреть на Надю, теперь можно не таиться.

Сейчас, лёжа на больничной койке, она выглядит даже лучше, чем я ее помню. В классе она была абсолютным воплощением неловкости и угловатости, всегда напряжена, словно внутри у нее сжалась пружина. Теперь же лицо спокойное и расслабленное, черты мягкие и нежные. Волосы разметаны по подушке. Я помню их неизменно собранными в жидкий неряшливый хвостик на затылке. На самом деле, они совсем не жидкие, просто очень тонкие, как нити шелка. А губы розовые, слегка прозрачные. Верхняя губа чуть больше нижней. Я вспомнил, как она, обращаясь к кому-то, часто поджимала и покусывала губы, и ее лицо становилось по-детски забавным. Но никто этого, кажется, не замечал.

В коридоре слышались приглушенные рыдания, и я вдруг осознал, что сжимаю Надину руку. Я тут же отпустил ее. Она безвольно скользнула и улеглась на белую простынь.

— Боже! Я во всем виновата, только я! Но почему она унаследовала это проклятье!

— Не переживай о том, чего нельзя изменить. Сегодня мы поставим в палате зеркало,

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

может быть, она скоро вернется.

— Ну, как она вернется, Стас?! Ты подумай, она ведь даже не знает, что произошло!

Надо было давно ей все рассказать. Я все ждала момента, вот и дождалась...

— Ну, не надо, успокойся. Все будет хорошо, не надо. Мы вытащим ее оттуда. Я обещаю.

— Как ты можешь обещать?

— Я верю.

— Ах, он верит, посмотрите на него.

— Послушай, тебе надо поесть и успокоиться. Давай, иди уже. Мы должны верить.

Она вернется.

Разговор прервался, и через пару секунд дверь в палату открылась, впуская Надиного папу.

— Ну что, Тимофей, ты тут заскучал? Да, я не представился еще. Можешь звать меня Стасом.

Он протянул мне свою большую руку.

Глава 14

С того первого визита я стал навещать Надю каждую субботу, а иногда и в будний день вечером заезжал.

Сменял ненадолго ее печальных родителей, давая им возможность немного развеяться или сходить на обед. Только они покидали палату, я садился возле кровати, брал Надю за руку и заводил свой долгий монолог, неизменно начиная школьными новостями и заканчивая

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

просто мыслями вслух.

— В школе все, как заполошные, готовятся к Новому году, как будто это невесть какое событие. Вчера ёлку поставили в актовом зале. Девчонки ходили наряжать, говорят, красивая. Как я не отбрыкивался, и меня захороводили. Выдвинули на роль Волка в спектакле для первоклашек. Говорят, я фактурный... Ты слово такое слышала? Откопали ведь где-то. Я сначала отпирался, а потом подумал, почему бы и нет. Тем более, что нас с трудов на репетиции отпускают. Как такую халяву пропустить можно? Мы там в основном ржем и подкалываем Веронику Степановну. А она корчит из себя Шекспира, не меньше. Написала в этом году две пьесы для школьных новогодних постановок. Ходит серьезная, всеми командует, и так смешно сердится, что мы всем классом угораем. Потом, правда, и сама смеется. Забавная она. Жаль, что уроки у нас не ведет. Там, наверное, весело. Знаешь, а сегодня снег прямо стеной. На остановку вышел, больницы почти не видно. Только ближайший угол здания и часть парковки виднеется. В парке сугробы скоро мне по пояс будут. На днях хотел пройтись по той аллее, помнишь, там, где фонари в ряд. И не смог, представляешь? Дорожки не всегда расчищают. Сашка все по Вике сохнет. Каждый день мне о ней триндит. Вчера опять ее до дома провожал. Это он так называет. На самом деле, просто крадется за ней издалека, подойти боится. А та делает вид, что не замечает. Вообще не понимаю, что он в ней нашел. Сашка ведь интересный парень, глубокий, начитанный, и добрый, каких мало. Жаль его... А она симпатичная, конечно, даже очень. Но ведь пустышка совсем. Я видел ее как-то на улице с Митькой кудрявым. Идут, за ручки держатся, хихикают. Ммм... думаю, как это я пропустил. Пошел за ними, подкрался поближе, и ничего, полный ноль, представляешь? Вот зачем, спрашивается? И во мне только аппетит разбудили.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Пришлось потом болтаться по морозу три часа, пока не нашел другую парочку. Подостудил их. Они поругались и разбежались. Но, думаю, опять сойдутся. Я ведь так, немножко только, — я выпустил Надину руку и поправил ей подушку. — Не знаешь, зачем твой отец сюда это зеркало притащил? Здоровое такое. Врачи на него косо смотрят, просят убрать. Но твои даже слышать не хотят. Странные они у тебя. Да и ты тоже, если честно, — я улыбнулся спящей Наде. — Мне скоро уходить. По математике опять задали столько, что не сделать за раз. Вот дождусь твоих и пойду. Хочу только спросить у них разрешения для Юрия Михайловича навестить тебя. Он все время о тебе спрашивает. В следующий раз придется взять его с собой. Иначе не отстанет.

Я крепко сжал Надину ладонь.

— Вот еще что хотел сказать... Ты, конечно, не услышишь, но... Я должен извиниться за все, что наговорил тебе тогда... Я вел себя, как полный урод, но если бы ты знала... То поняла бы, что у меня нет другого выхода. Я ничего не могу изменить в своей природе. Поэтому... В общем, просто прости...

В коридоре послышались шаги, и через несколько секунд в палату вошли Надины родители. Я засобирался уходить.

— Торопишься? — спросила Настя.

— Да, уроков много задают.

— Спасибо, что разговариваешь с ней. Это полезно. Может быть, она услышит и вернется... Иногда люди в коме могут слышать, о чем с ними говорят.

— Может быть, — осторожно отозвался я.

Я попрощался с родителями Нади и направился к выходу. Гардеробщица, тяжело передвигая отёчными ногами, подала мне куртку. Выудив из рукава шапку, варежки и шарф, я оделся и, кинув взгляд в зеркало напротив, шагнул к выходу. И резко остановился.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Дыхание перехватило, а по коже пробежал холодок. Я медленно выдохнул и так же медленно вернулся к зеркалу.

На меня недоуменно таращился мальчишка в потрепанном пуховике.

Но я готов поклясться, что мгновение назад в зеркальном отражении на меня смотрели до боли знакомые глаза.

— Потерял что-то, внучек? — заботливо осведомилась гардеробщица.

— Да не... — я развернулся и оглядел гардеробную. — Кажется, все на месте.

Я попятился к выходу, не отводя от зеркала глаз.

Как дурак, спиной вперед, я покинул больницу.

Меня ужасно смутило это происшествие. Неужели галлюцинации? В последнее время я часто ловил себя на мысли, что ощущаю рядом чье-то присутствие. Будь то школьная столовая, актовый зал, или общий холл в Никитском, мне казалось, что на меня кто-то смотрит нагло и беззастенчиво, будучи уверенным, что я его не вижу.

Теперь я шел к трамвайной остановке, все время оглядываясь в поисках тайного преследователя.

Вечерело. Небо тускнело с каждой минутой. Снег продолжал падать, но уже не так густо, как днем. Под козырьком трамвайной остановки не было ни души. Стоило мне прислониться к рекламному щиту, как из-за поворота послышался звон рельсов, а через несколько мгновений показался трамвай, весь окутанный мягким желтым светом, льющим из окон. Он лениво полз к остановке, пошатываясь, словно навеселе. Зашуршали тормоза, и трамвай остановился. Хрипло заскрежетали промерзшие двери, приглашая внутрь. Я запрыгнул на ступеньки, и трамвай, крякнув створками, пополз дальше по маршруту.

Я прошел вперед и сел на сиденье за водителем. Несколько случайных попутчиков молча смотрели в окно.

Мой взгляд прошелся по приборной панели, задержался на лобовом стекле и уперся в круглое зеркало заднего вида. Там отражалась кривая реальность в мутных изгибах фигур.

Я стал лениво разглядывать пассажиров.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Старый дедок в аккуратном черном пальто и квадратной меховой шапке.

Впереди него женщина с большой авоськой на коленях.

Трамвай притормозил и впустил новых пассажиров. Парень лет двадцати в толстом круглом пуховике прислонился у окна. Молодая женщина в пушистой шапке прошла назад и села в конце вагона.

В заднюю дверь тоже вошел кто-то в светлом и теперь продвигался в начало трамвая. В следующую секунду я увидел девочку, одетую совершенно по-летнему. На ней было простое белое платье в мелкий разноцветный горошек, а на ногах мягкие домашние туфли. Она пересекла салон и села на сиденье позади меня. По коже пробежали мурашки.

С губ сорвался нелепый вопрос: “Надя, что ты тут делаешь?!”

Я быстро оглянулся, но сзади никого не было, кроме моих безучастных попутчиков. Закружилась голова.

Я вновь уставился в зеркало. Надя была на месте. Она сидела у меня за спиной и насмешливо улыбалась.

Я оглянулся, кажется, раз десять подряд, но наваждение не пропадало. Она была все там же, молчала и улыбалась.

Меня тряхнуло — трамвай остановился. Не обращая внимания на мое смятение, Надя неторопливо встала и вышла из вагона в зимний город.

Я тут же вскочил, чтобы побежать за ней, но это оказалось невозможным. Надя существовала исключительно в зеркальном отражении или, может быть, в моем воображении?

Как куль, я повалился на сидение. Стало вдруг очень жарко, и я сорвал шапку. Теребя ее в руках, я опять вскочил и, шатаясь, зашагал назад по проходу. Некоторые пассажиры уже начали косо поглядывать в мою сторону.

Надо взять себя в руки. Но как же так! Я ее видел! Видел!

Что это значит? Я опять вижу то, чего не видят другие? Может быть, это какая-то новая способность? Может быть, теперь я начну видеть повсюду души умерших людей? Но

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

она не умерла, она только в коме. Как она оказалась в зеркале? Я вижу ее повсюду...

Не помню, как я добрался до Никитского.

Отшатнувшись от огромного зеркала в холле, я поспешил в свою комнату.

Глава 15

В актовом зале пахло елкой и шоколадными конфетами. Третий по счету и последний утренник для малышей мы отыграли. Было весело, и я совсем забылся.

Спектакль был по сказке “Теремок”, но с небольшими изменениями. Вероника Степановна, наш художественный руководитель, добавила в сценарий забавные диалоги, так что мелюзга визжала от восторга. Мы дружно звали Деда Мороза и минут десять орали “Елочка, зажгись!”. Чуть глотки не сорвали. А все потому, что ответственный за свет трудовик последние несколько дней ходил на бровях. У него, видите ли, католическое Рождество. И не поспоришь, он у нас немец. В конец-концов свет зажгли, и началась канитель вокруг елки.

Сначала собирали мелюзгу по парам. То еще занятие. Пока одних строишь, другие разбегаются в неизвестном направлении. Наконец, завели хоровод и полчаса нарезали круги вокруг елки. Теперь “В лесу родилась елочка” мне еще неделю будет снится.

Потом по сценарию Волк и Медведь должны были затеять небольшую драку за подарки. И Деня так вошел в роль, что со всей дури зарядил мне в нос. Ну, я тоже кое-что в актерском мастерстве понимаю...

Снегурочке все же удалось примирить увлекшихся Волка и Медведя, и мы получили по огромной бугафорской конфете.

Всякий раз перед спектаклем Вероника Степановна непременно напоминала нам не забыть вернуть в костюмерную эти самые конфеты. А мы с Денисом шутили, что после последнего спектакля их обязательно съедим. Деда Мороза играл тот самый Семенов Сергей, о котором грезили почти все наши девочки. Уж я-то знал наверняка. Высокий и

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

широкоплечий парень из выпускного класса, только он мог донести мешок с подарками, да и то не без нашей помощи. А на роль Снегурочки выбрали хрупкую и белокурую Леру с нашей параллели. Она была просто вне конкуренции со своей косою толщиной в руку, доходящей ей почти до колен.

Из-за нее-то в нос мне и прилетело. Деня, видимо, счел свой грушевидный нарост не столь изящным, вот и решил уравнивать ставки.

Гримеркой нам служила каморка за актовым залом. Она была очень тесной, так что переодеваться приходилось по очереди, по два-три человека.

Девчонки убежали в гримерку первыми, а нас заставили подметать засыпанный конфетти пол в зале. Все старались покончить с этим как можно быстрее и начать свои новогодние каникулы. А я не особо торопился. Было немного грустно оттого, что всех этих ребят дома ждали родители, подарки, о которых они давно мечтали, разнаряженная елка, куча вкусных новогодних салатов, или что они там предпочитают есть на праздники.

У нас в Никитском в холле стояла искусственная елка, украшенная старыми поблекшими игрушками. Подарки обычно дарили всем одинаковые. Что-нибудь для школы и набор шоколадных конфет-ассорти.

А в новогоднюю ночь мы наверняка будем сидеть в общем холле и смотреть телевизор с парой унылых воспитателей. А унылыми они будут обязательно, так как их в этот всеобщий праздник оторвут от семьи или веселой компании и заставят дежурить с кучкой никому не нужных пацанов.

Поэтому я не торопился завершать свой настоящий новогодний праздник, который прямо сейчас подходил к концу. Я постоял еще немного в актовом зале, обошел елку, поправил на ней цветную гирлянду с надписью “Счастливого 1997 года!” и только после этого направился в гримерку. Там я застал лишь Дениса. Остальных унес новогодний буран.

Мой напарник полностью одетый, с сумкой на плече тоже был готов слинять. Он отдал мне ключи, пробурчал пожелание веселого Нового года и убежал. Я остался один.

Окон в гримерке не было, кроме одного — для видеопроектора. Мы притащили сюда

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

пару лавок, чтобы было где присесть и сложить вещи. На стене висело небольшое зеркало, а на пыльной полке, рядом с забытым кем-то барахлом, стояла старая настольная лампа. Она была просто необходима, когда мы гримировались в потемках.

Стадив верхнюю часть костюма, я включил лампу и начал стирать с лица грим остатками ваты и кремом, забытым кем-то из девочек. Ватный тампон давно превратился в серую жирную массу, а я все не решался заглянуть в зеркало.

В последнее время я избегал любых отражающих предметов. Но смывать грим вслепую совсем никуда не годилось.

Ну ладно. Неделя прошла тихо, никаких девчонок из потустороннего мира. В конце концов, может я и привыкну к этой новой сверхспособности. Или как это называть?..

Я наконец посмотрел на свое отражение. Грязные разводы живописными пятнами покрывали лоб, щеки и даже уши. Темные круги вокруг глаз напоминали маску Зорро. Я поиграл бровями, сморщил нос и скосил левый глаз. Сдавайтесь, негодяи!

Из хлама в углу я вытащил сломанную указку, отвел в сторону левую руку и сделал резкий выпад, тыча воображаемой шпагой в своего противника в отражении. Рассекая воздух указкой, я воскликнул:

— Защищайтесь, сударь! — отпрыгнул назад и вскочил на лавку. — Ах, так! А что вы скажете на это? — теперь я прыгнул вперед и уколол типа из зеркала в плечо. — Ну, что же вы, испугались? Ага!

— Сам ты испугался, — вдруг услышал я голос.

От неожиданности я выронил из рук указку и попятился назад. Как назло, под ноги попала лавка, и я с грохотом свалился на пыльный пол. В спину что-то больно ужалило, а сверху припечатало деревянной шваброй. Кто-то залиvisto расхохотался.

— Кто здесь? — выдавил я из себя.

— Я здесь.

— Кто, я?

— Ты идиот, а я Надя.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Я тебя не вижу.

— Конечно, ты меня не видишь! А встать и посмотреть у тебя ума не хватает. Я же говорю — идиот.

Я медленно встал и заставил себя посмотреть в зеркало.

Она была там. Абсолютно реальная, все в том же белом платье в цветной горошек.

— Что ты там делаешь?

— Ничего я не делаю. Смотрю, как ты дурачишься тут.

— Ты на самом деле там, или это мне кажется?

— Нет, тебе не кажется, но ты идиот, — Надя продолжала смеяться.

— Ладно, хватит обзывать, — кажется, я покраснел.

— Ну, а что ты стоишь, как замороженный, и трясешься от страха?

— Посмотрел бы я на тебя в такой ситуации.

Я замолчал, разглядывая ее отражение.

— Как это возможно? — мой голос предательски дрогнул. — Это фокус какой-то?

— Я не знаю. Просто я здесь, и мне тут нравится. Не нужно каждый день ходить в школу и видеть всех вас — придурков. Я могу попасть куда угодно, ну, или почти куда угодно.

— Но ты в больнице! Я видел тебя всего пару дней назад. Ты была в коме.

— Я уже давно здесь, и совсем я не в коме.

— Я был в больнице сто раз, и ты все время была там. Ты лежишь неподвижно на кровати, к тебе присоединен аппарат искусственного питания. Я брал тебя за руку, но ты ничего не чувствуешь.

— Ты брал меня за руку?

— Ну, да!

— А зачем?

— Ну, просто... — я не знал, что ответить. — Ну, так наверно все делают, когда пытаются общаться с коматозниками.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Я не коматозник!

— Ага, ты живее всех живых. Только вот я тебя что-то не вижу в этой комнате. Я вообще не понимаю, как это возможно. Может быть, я сам с собой разговариваю?

— Нет, ты со мной разговариваешь.

— С людьми в зеркалах только ненормальные разговаривают.

— Я уже давно заметила, что ты один из них.

Ого! Неплохо для приведения.

— А ты вообще как туда попала? — я подошел поближе к отражению.

— Не знаю. Просто захотела и ушла от вас всех. Вы меня допекли!

— Не понял. Как ушла? Куда ты ушла?

— Да я и сама толком не представляю... — голос девчонки наконец смягчился. — Просто это само собой получилось. Я была дома. В тот вечер я очень расстроилась. В школе все было просто ужасно! Ну, ты и сам знаешь... — она посмотрела на меня, и я отвел взгляд.

— В общем, случилось так, что я очень долго смотрела в зеркало, — продолжала она. — У нас в родительской спальне есть большое зеркало, почти с мой рост. Я рассматривала свое отражение и мечтала... ну, это глупо, наверно... В общем, мне всегда хотелось, чтобы за зеркалом был параллельный мир. Чтобы этот мир был похож на наш, но в то же время был другим. Как бы это сказать... Чтобы мир там был перевернутым. Чтобы он был добрее и чище. Чтобы там все было лучше, чем здесь. Мне так хотелось попасть туда, в зазеркалье, убежать от всех! Тогда я представила, как делаю шаг вперед и оказываюсь там. А потом шагнула и... оказалась! — Надя вся светилась. — Я не могла поверить, что мой зазеркальный мир существует! Ты не представляешь, как это здорово! Здесь все совсем по-другому.

Я помолчал, разглядывая ее радостное лицо.

— Ты говоришь, там все по-другому. А как по-другому?

Вдруг закрипела дверь, и в каморку ввалилась недовольная Вероника Степановна.

— Я уже целый час жду, когда мне ключи вернут! А ты еще даже грим не смыл!

— Я сейчас. Уже скоро.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Даю тебе десять минут. Жду в коридоре, — строго сказала она и захлопнула дверь.
Я посмотрел в зеркало — кроме меня там теперь никого не было.

Глава 16

Новогодняя ночь прошла так, как я и ожидал. На моей памяти их было достаточно, чтобы перестать верить в волшебство.

Общий ужин в столовой, где по случаю праздника была селедка под шубой и картошка с курицей. А потом, как водится, “Голубой огонек”.

Я забрался с ногами в потертое кресло и в мерцающем свете телевизора стал размышлять, крутя в руках круглое карманное зеркало.

Я то и дело вглядывался в него, ища несоответствия в отражении. С того случая в каморке я много думал о Наде. Все пытался найти рациональное объяснение происходящего.

Ведь возможно же с научной точки зрения существование параллельных миров? Как в Хрониках Амбера, например. Есть мир основной, а есть его отражения, и вот Надя попала в одно из таких отражений.

Интересно.

А если она какой-нибудь предмет в той вселенной уронит, в этой он тоже на пол грохнется? Интересно, а в ее зазеркальном мире есть только то, что отражается, или что-то, чего в нашем мире нет? А в ее параллельной вселенной живут отражения окружающих меня людей? Может быть, с той стороны все тот же серый Зауральск? Только там он совсем не серый, а очень даже солнечный, чистый и многоцветный. Может быть, она там и в школу ходит, только учится на отлично, и друзей у нее там полно... Вдруг, с той стороны, Вика ее лучшая подруга?

А как, интересно, выглядит президент Зазеркалья? А, может, Надя и есть президент?

Я хохотнул, представив ее в деловом костюме. Этот год прошел тяжело в нашей Зазеркалии, — говорит Надя-президент своим зазеркальным гражданам, — но следующий

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

будет лучше. Вырастет урожай зазеркальной кукурузы...

Я громко рассмеялся.

— Т-ссс! — шикнул кто-то.

Черт, но почему Надя из отражения так непохожа на себя здешнюю? Выглядит такой самоуверенной и дерзкой. В школе она всегда была слишком тихой. Хотя, застенчивой я бы ее не назвал. В ней есть что-то... дикое, что ли. Неужели она и вправду нарисовала тех девчонок мертвыми? Мутная история.

Полночи я терзался мыслями, и сам не заметил, как заснул прямо в кресле.

Возвращение в реальность далось нелегко. Спину ломило, и ноги затекли так, что я их не чувствовал.

Зажмурившись и постанывая, я выбрался из кресла и поплелся в душ.

Даже стоя под струями воды, я никак не мог отпустить мысль о Наде. Надо окончательно убедиться, что она все еще в больнице. Поеду прямо сейчас! У всего есть причины, и тайну фокуса с зеркалом я раскрою, чего бы мне это не стоило.

На трамвайной остановке я встретил лишь пару Снегурочек подшофе и Деда Мороза вдрабадан. Снегурочки, с размазанной по щекам косметикой, чему-то все время смеялись, опасно покачиваясь из стороны в сторону.

Новогоднему трио понадобилось минут пять, чтобы втиснуться в вагон.

Внутри веселье продолжилось. Размахивая пустым мешком для подарков, Дед Мороз сначала распевал песни, рассказывающие о его криминальном прошлом, а потом начал требовать встать на стульчик и прочитать ему стишок. Снегурочки покатывались со смеху и вяло пытались урезонить распоясавшегося Деда Мороза.

Наконец, он заметил меня и, шатаясь, словно от шторма в Атлантическом океане, начал пробираться в мою сторону. К счастью, следующей остановкой была Областная клиническая больница, и я поспешил наружу. Деда Мороза не на шутку расстроила потеря клиента. Из уходящего трамвая слышались вопли об упущенных подарках для маленьких ребят, которые хорошо себя вели в этом году.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

В холле больницы было особенно тихо. Старушка гардеробщица удивленно посмотрела на меня поверх очков, крикнула, отложила вязание и вперевалку пошла за халатом.

— С Новым годом вас, — сказал я тихо.

— И тебя, - буркнула та.

На третьем этаже было все так же пустынно. Лишь в конце коридора стояла пара.

Я сразу узнал родителей Нади и направился к ним. Стас что-то тихо нашептывал Насте, поглаживая ее по волосам. Она же вся словно сжалась. Я увидел ее вздрагивающие плечи, и в следующее мгновение почувствовал жар в груди.

Воздух в легких вдруг превратился в огненную лаву. Я силился выдохнуть, но не мог. В висках пульсировало и билось с нарастающей силой “НЕТ! НЕТ! НЕТ!”. Я покачнулся, оперся о стену и смог выдавить из себя лишь пару слов:

— Что? Что с Надей!?

Стас обернулся. Его переносицу прорезала глубокая морщина.

— Зеркало украли, — коротко ответил он.

— Зеркало? — в голове все плыло и путалось.

Настя резко обернулась и дико посмотрела на меня.

— Ты не понимаешь... Это конец! — с ее подбородка капали слезы. Стас обнял жену за плечи и прислонил к себе.

— Не обращай внимания, Тимофей. Иди, посиди с Надей. Все образуется. Это нервы.

Я рванул к палате, но войти решил не сразу. Все еще боялся, что столкнусь там с чем-то ужасным, непоправимым. Внутри все закипело от злости. Они напугали меня до смерти! Спятели все, что ли? Опять зеркало!? Я думал, она умерла... Какое мне дело до зеркала! Причем тут вообще все эти зеркала? Я распахнул дверь и вошёл.

Внутри было как всегда. Надя лежала на кровати. Ее щеки были слегка розовыми. Одеяло на груди ровно поднималось и опускалось. Я прикоснулся к ее руке, все такой же безвольной, но теплой.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Из коридора послышались громкие голоса:

— Стас, они разобьют зеркало!

— Ты не можешь знать, не придумывай. Зачем им разбивать зеркало? Они бы его здесь разбили и ушли.

— Боже, она еще ребенок! Чего они хотят? Что она может?

— Уроды! Знать бы кто...

— Ты должен, ты обязан найти! — Настя почти кричала.

— Успокойся! Настя, хватит, возьми себя в руки, наконец! Так мы ей не поможем.

Я вдруг почувствовал себя бесконечно уставшим. Я не понимал, что происходит, но мне стало абсолютно все равно. Мне надоело разгадывать эти нелепые загадки. С меня достаточно тех тайн, что самому приходится хранить. Мне только четырнадцать, и я просто хочу быть ребенком! Обычным ребенком... Зачем мне все это? Мне не нужны проблемы, запутанные истории, несчастные девчонки!

Я выскочил из палаты и, не прощаясь с родителями Нади, уверенно зашагал к лестнице. Заметив в углу коридора мусорное ведро, я с силой зашвырнул туда свое карманное зеркало, с которым не расставался последние несколько дней. Оно звонко брякнуло, со звоном разлетаясь у меня за спиной.

Глава 17

Тяжелое небо уныло висело над городом. С утра потеплело, и я вдохнул полной грудью влажный тягучий воздух.

Я решил, что в Никитском сейчас делать нечего. Ребята что-то говорили про елку и ледовый городок с огромной горкой в центре города. Почему бы не пойти туда в конце концов? Все равно заняться нечем. А там, в толпе, наверняка найдутся влюбленные парочки, и мне будет чем подкрепиться. Может и с горки прокачусь. Надо только раздобыть санки.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Я свернул в сторону Большого проспекта и зашагал вдоль витрин, украшенных цветными гирляндами и белыми снежинками, вырезанными из салфеток.

Настоящие санки на дороге не валяются, но сгодилась бы любая картонка или кусок фанеры. Я огляделся в поисках достойной альтернативы. Ничего такого не было и в помине.

Не попытать ли счастья в продуктовом магазине? Как раз его я заметил на углу, где в Большой проспект вливалась соседняя улица.

Мне повезло. Несмотря на праздничный день, магазин был открыт. У входа образовался небольшой затор. Кто-то жаловался на то, что у нас все не как у нормальных людей, а кто-то смеялся, стараясь протиснуться между идущими навстречу. меховые шубы терлись друг о друга, то и дело глухо потрескивая разрядами электричества.

Я прошмыгнул внутрь, и меня обдало потоком прелого воздуха с запахом несвежих овощей.

Стянув шапку и шарф, я сунул их подмышку и направился к отделу с фруктами. За прилавком стояла грузная дама в белом халате и длинном колпаке, который возвышался над ее головой, как верхушка айсберга.

— Здрасьте! А у вас коробки пустые есть? — спросил я как можно более дружелюбно. Я почувствовал, как стал изменяться. Глаза залучились, а щеки порозовели. Дама обратила на меня свой недобрый взгляд, но тут же подобрела.

— Ах ты, мой пряничек! И все-то вы ходите со своими коробками, туда-сюда, — проворчала она добродушно. — В детском магазине ледянки продаются, шел бы туда.

— Тетенька, у меня денег нет.

— Ну, так у родителей попроси. Что, на ледянки тебе не наскребут?

Вместо ответа я улыбнулся шире и захолопал ресницами, которые, кажется, за эту минуту выросли на полсантиметра.

— Эх, и что с вами делать! Сейчас посмотрю на складе, — длинный колпак поплыл вглубь прилавка, крича на ходу, — Нина, коробки картонные еще есть?

Из двери склада послышалось злобное:

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Эти дети меня уже достали! Сколько можно, фрукты некуда складывать. Пускай отваливают!

Я поёжился.

— А сейчас мы апельсины пересыпем, и будет тебе коробка, — сказала продавщица тихо, словно партизан, готовящий диверсию. — Ну вот, держи.

— Спасибо, тетенька! — и я побежал к выходу, держа трофей подмышкой.

На улице я разогнул края коробки, оторвал все лишнее и кинул в урну у входа. Ледянки были готовы, и я понесся через дорогу на площадь к ледовому городку.

Ёлка на площади была украшена большими шарами, в которых отражались разноцветные огни гирлянды. Рядом возвышались две огромные ледяные скульптуры: Дед Мороз в красном кафтане с посохом в руках, и рядом немного поменьше — Снегурочка в голубом наряде с желтыми проплешинами внизу. Народу вокруг была уйма. И дети, и взрослые сновали туда-сюда, находя себе развлечения по вкусу. Не успел я оглядеться и принюхаться, как услышал знакомый голос.

— Тимка! Тимофей! — навстречу шел Сашка в компании незнакомых ребят примерно моего возраста.

— Воробей, и ты тут! — обрадовался я.

— А где мне еще быть в такую теплынь первого января, — Сашка излучал чистую радость. — О, у тебя тоже детство в одном месте заиграло? — он кивнул на кусок картона у меня подмышкой.

— Ну да... решил вот прокатиться пару раз.

Я уже был готов выкинуть картонку и провалиться со стыда.

— А правда, идемте кататься! — неожиданно предложил Сашка.

Ребята одобрительно зашумели, и мы помчались на ледяную гору распугивать мелюзгу.

Вокруг все галдело, визжало, смеялось и кричало. Каждый пробегающий мимо ребенок был сгустком позитивной энергии. Каждый кусочек снега был окутан чистой

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

радостью. У меня закружилась голова.

Целый час мы бегали по замкнутому кругу: поднимались на вершину горы и слетали вниз, то стоя на ногах, то сидя, то паровозом, зацепившись друг за друга. В конце ледяного настила постоянно образовывалась куча-мала. Кто-то пытался встать, но его тут же сбивали спускающиеся с горы следом. Вся эта свалка весело шумела, барахталась в снегу, и было не разобрать чьих-то ног и рук. Терялись шапки и варежки, но было безумно весело.

— Эй, пацаны, а пойдёте в кафе есть мороженое? — весело предложил кто-то, когда мы собрались, чтобы отдышаться. Идея всем понравилась, и ребята направились в сторону Большого проспекта.

Я растерянно замер. Денег у меня не было. И, стыдно признаться, но я никогда не ел мороженого в кафе. Не говоря уже о том, что мне редко хотелось есть в принципе. Воробей оглянулся и спросил с удивлением:

— Тимка, ты с нами?

— Я не знаю... У меня денег нет.

— Да ладно, дружище, я угощаю. Мне предки в честь праздника отвалили бабосов на карманные расходы. Так что я теперь богатый Буратино. Пошли, — и, не дав опомниться, он взял меня под руку и потащил в сторону дороги.

Это слово, “дружище”, так и вертелось у меня в голове, пока мы ждали, когда поредет поток машин на Большом проспекте.

“Дружище”.

Неужели опять я заманил невинную душу, чтобы сожрать изнутри и выкинуть за ненадобностью?

Шумной толпой мы ввалились в кафе.

— Э... Воробей, а можно, я просто сока выпью?

— Никаких соков! — категорично ответил он. — Мы пришли за мороженым.

Я сдался и заказал два шарика пломбира. Теперь осталось только найти, где присесть, но все столики в кафе были заняты. Оглянувшись по сторонам, мы заметили пару девчонок у

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

окна.

— Они целый стол занимают, пойдёте к ним!

Громко задвигав стульями, мы уселись рядом.

Девчонки сначала насупились, но мы были неотразимы. Воробей же меня удивил больше всех. В компании своих друзей он уверенно шутил, громко смеялся, и даже как будто стал выше ростом. Вот тебе и школьный тихоня.

Принесли мороженое в фигурных вазочках. Выглядело оно замечательно, но есть мне сейчас совсем не хотелось. Вдруг я почувствовал легкий толчок, и следом за ним тонкий ручеек энергии — нежное и очень приятное чувство. Со мной это было впервые. Я никогда еще не присутствовал при зарождении любви. Как мало времени нужно порой для появления этой сложной субстанции. Щелчок пальцев, и вот она. И уже весь мир переменялся. Но кто? Ничего не было еще пять минут назад. И вдруг такое чистое, прямо-таки прозрачное чувство. Я даже облизнулся от удовольствия.

— Эй, что с тобой? — спросил сосед справа.

— Так вкусно, — ответил я не задумываясь.

— Да ты даже не попробовал еще. А рожка прям светится, — отозвался Сашка, разглядывая меня.

Вот черт!

— Да это мороженое выглядит так замечательно, что слюни бегут — и я тут же зачерпнул как можно больше и запихал в рот. Зубы пронзило холодом, и я сморщился. Все вокруг засмеялись.

— Ну, ты и придурок! Кто ж так мороженое жрет?

Я засмеялся со всеми, а сам осторожно оглядел компанию. Напротив Воробья сидела белокурая девочка с темно-кариими глазами. Очень симпатичная девчонка. Держалась она скромно, но чувствовалась в ней какая-то внутренняя независимость и достоинство. Леся, так ее звали, совсем не смотрела на Сашку и ничем себя не выдавала, но меня провести невозможно. Волны энергии густой эссенцией тянулись и обволакивали моего друга.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Галдеж за нашим столиком, тем временем, набирал силу. Я улучил момент и тихонько обратился к Сашке:

— Слушай, Воробей, а она на тебя смотрит.

— Кто?

— Да не пялься ты так! Чё ты заерзал? Сиди смирно.

— Ну кто?

— Леся. Она с тебя глаз не сводит.

— Ничё она не смотрит.

— А я говорю, смотрит. Ты отворачиваешься, а она сразу зырк.

— Да ну тебя.

— Дурак, лови момент!

— Отвянь, сказал!

— Как хочешь, — я скривил насмешливую гримасу. Жуть как хотелось его поддеть.

— Э, ну че ты лыбишься-то. Сказал, хватит!

— Ладно, хватит, — посмотрим, как отреагирует наш ловелас.

Глава 18

Я стоял перед зеркалом в ванной и, вяло ковыряясь зубной щеткой во рту, вспоминал все счастье сегодняшнего дня. Давно такого не было.

Мне казалось теперь, что день этот начался именно в тот момент, когда я пришел в ледовый городок и встретил Сашку.

Я разделся и, прихватив купальные принадлежности, отправился мыться. Душевая у нас была общая, одна на целый этаж, где жили только мальчишки. Несколько душевых кабинок без дверей, лавки вдоль общей перегородки, стены покрыты белой кафельной плиткой. Справа от входа — несколько умывальников и зеркало вдоль всей стены.

В душевой никого не было, что редко случалось в этот час. Пользуясь тем, что сегодня никто не подгоняет, я долго стоял под тугими горячими струями, упершись руками в кафель

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

стены и чувствуя, как расслабляются мышцы. Наконец, почти заснув от накотившей вдруг усталости, я вышел из кабинки и обмотался вокруг пояса старым махровым полотенцем. За перегородкой пацан из соседней комнаты складывал в полиэтиленовый пакет купальные принадлежности. Через минуту он вышел, громко хлопнув дверью. Я подошел к умывальнику, выдавил немного пасты на зубную щетку и начал лениво чистить зубы, прохаживаясь вдоль ряда умывальников.

— Привет!

Я вздрогнул. Сонливость как ветром сдуло.

Неужели снова?

Я сплюнул в умывальник, подхватил с лавки вещи и метнулся к выходу.

Я не сумасшедший и с отражениями не разговариваю.

Я с силой дернул ручку, но дверь не поддалась.

Что за черт?! Заперли меня, что ли?

— Куда ты собрался, я только пришла.

— Отстань!

— Эм... может прикроешься?

Теперь она еще и пялится на меня!

Я рванул за перегородку.

Натягивая поскорее штаны и футболку, я крикнул:

— Какого черта ты меня преследуешь?!

— А какого черта ты все время так реагируешь? Я ведь не привидение.

Мне стало стыдно. В самом деле, чего я от нее все время бегаю? Я вышел из-за перегородки.

Надя была в отражении и только там, в очередной раз поражая нереальностью происходящего. Медленно ступая босыми ногами по холодному кафелю пола, я приблизился к зеркалу. Адреналин остервенело пульсировал в висках.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Я подошел почти вплотную и, преодолевая себя, коснулся ладонью того места, где отражалась Надя. Ладонь скользнула по гладкой прохладной поверхности, не обнаружив ничего странного. Однако, странное было прямо перед глазами. Неожиданно Надя тоже протянула руку и дотронулась кончиками пальцев до моей застывшей в воздухе ладони. Сердце забило о ребра, как мячик о стенку, гулко отдаваясь в ушах.

— Ты чувствуешь? — восторженно отозвалась она.

— Уфф... — выдавил я из себя.

— Это здорово! — не унималась она. — Я тоже чувствую! Сначала ничего не получалось, но теперь я могу даже двигать вещи.

— Это ты заперла дверь?

— Ну, а что оставалось делать? Ты хотел удрать.

— Черт!... Как ты это делаешь?

Надя поправила волосы и самодовольно посмотрела на меня.

— Зеркала, они как прозрачные двери. Ты можешь войти в любую.

— Вот так, значит, все просто?

— В нашем мире все ясно. — проигнорировала мой вопрос Надя, — Ты понимаешь где верх, где низ, право и лево. Но за отражениями целый мир, другая реальность! Это трудно объяснить и еще труднее представить, если никогда не видел. Там постоянно что-то движется, меняется, появляется что-то новое, чего я раньше не замечала. Представь себе, ты можешь идти вперед, и оказаться сзади, идти вверх, и оказаться внизу, ты можешь ступить в пустоту, и почувствовать твердую опору под ногами.

— Ага... — промямлил я, — Что-то типа... зеркального лабиринта?

— Не совсем. В зеркальном лабиринте есть правила. В этом мире правил нет. Ты как бы... сам их устанавливаешь.

— Да, звучит неплохо.

— А то! Я даже не знаю, с чем это можно сравнить. Здесь я абсолютно свободна.

— И ты совсем не хочешь вернуться к нормальной жизни?

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— А зачем? Какой ты глупый, — она рассмеялась. — Первый раз в жизни со мной происходит что-то волшебное, невероятное. Если я научусь управлять собой, то смогу сделать здесь что угодно! Это мой мир.

— Управлять собой не так уж и легко, — уж мне ли не знать.

— Ну... Пока я справляюсь.

— Но ты же там совсем одна. И что насчет твоих родителей?

— Ну, чуть-чуть скучаю. Зато теперь я могу разговаривать с тобой. — Она улыбнулась. — А еще я могу путешествовать. Не представляешь, как хорошо в Риме в это время года!

Это безумие какое-то...

— Очень... интересно. А другие люди могут тебя видеть?

— Да. Если я захочу.

— То есть ты можешь быть невидимкой?

— Представь себе, да, — гордо заключила она.

— Невероятно! И ты можешь двигать вещи?

— Да, — весело откликнулась она, нагнулась, подхватила валявшуюся на полу зубную щетку и начала размахивать ею прямо перед моим носом. В отражении все так и было. Однако, в моем реальном мире щетка, как безумная, прыгала в воздухе у меня перед лицом. Я пошарил вокруг нее рукой. Ничего. Щетка продолжала вычерчивать круги и восьмерки в воздухе сама по себе.

— Ладно, верю, — прохрипел я. — Положи ее, пожалуйста.

Щетка послушно проплыла в сторону зеркала и опустилась на край раковины.

— Послушай, мне надо все это как-то переварить... Слишком много впечатлений.

— Ты хочешь уйти?

— Да, но обещаю, в следующий раз я не убегу.

Надя улыбнулась.

— Тогда увидимся завтра?

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Конечно, если ты хочешь.

— До завтра. Я найду тебя, — деловито заключила она, и ее отражение растворилось в воздухе.

— Твою ж! — я шарахнулся.

— Извини, не хотела тебя пугать, — услышал я голос из ниоткуда.

— Да это... Без проблем.

— Все, ухожу. Пока.

Придя в свою комнату, я улегся на кровать, но сразу заснуть не получилось. Самые разные мысли хороводили в голове. Несколько раз провалившись в полудрему, я вздрагивал и просыпался от малейшего шороха.

Когда ночь, наконец, принесла беспокойный сон, я оказался в зеркальном лабиринте. Меня преследовала зубная щетка, и я, как безумный, метался в поисках выхода. А в отражениях корчились рожи, загоняя в новые и новые тупики.

Глава 19

Я открыл глаза и с облегчением выдохнул. Солнечный луч, проложивший дорогу из ночных кошмаров, подмигивал из полузадернутых штор. Я сел и с минуту растирал виски, закручивая в них невидимые спирали. Мало-помалу звон в голове утих. Я выполз из-под одеяла, подошел к окну и раздвинул шторы. Солнце светило пронзительно ярко. Голубое небо лишь местами подернуто легкой дымкой. Прозрачный воздух слегка дрожал. Термометр за окном показывал минус двадцать девять. Редкие прохожие передвигались быстро, как муравьи, прижимая к губам варежки. По такой погоде остается лишь скучать у телевизора. Я невесело посмотрел на свой гардероб.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Зимняя куртка и сапоги годятся только, чтобы короткими перебежками добраться до школы. Ледовый городок сегодня отменяется. Да и вряд ли там будет так же весело, как вчера.

Я бросил взгляд на будильник. Маленькая стрелка почти доползла до десяти. Я поплелся к стенному шкафу, выудил старый тренировочный костюм и начал одеваться. Мои соседи по комнате уже ушли на завтрак, и мне тоже стоит поторопиться, если не хочу опять его пропустить. Честно говоря, именно этого больше всего хотелось. Не знаю точно, когда это началось. В какой-то момент я почувствовал, что мне не нравится обычная человеческая еда. В детстве, помнится, я уплетал за обе щеки. Но чем старше становился, тем реже мне хотелось есть. В обычном понимании этого слова.

Наверное, когда я окончательно повзрелею, необходимость в человеческой пище пропадет совсем. Ну к тому-то времени я уже покину детский дом, и мне не придется больше притворяться человеком.

Но пока этот день не настал, я заставляю себя проглотить еще немного тошнотворного варева на завтрак.

Я умылся, почистил зубы и уже собирался выходить, когда услышал знакомое:

— Привет. А ты сегодня опять выглядишь как-то по-другому.

Как же я забыл про зеркало над умывальником! Завесить его, что ли?

— Привет, — я сделал вид, что не удивился ее появлению. — А ты совсем не меняешься, всегда одинаковая.

— Да, точно. Здесь я никак не могу измениться. И мне уже порядком надоело домашнее платье, — она потянула кончики подола в стороны и оглядела себя. — Если бы

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

знала, оделась бы посимпатичнее, — она улыбнулась и тут же отчего-то смутилась. — А у тебя глаза сегодня зеленые. А вчера были серые...

— Здесь, наверно, освещение такое, — я отвел взгляд в сторону. Лучше бы мы еще поговорили о платье.

— Ты опять запираешься? — она подошла ближе и уставилась на меня. — С самого начала ты избегаешь разговоров о себе и постоянно врешь. Какого цвета у тебя глаза?

— Зеленого. Ты же сама сказала.

— Неправда! Отвечай, какого цвета у тебя глаза?

Я почувствовал усталость. Надоело оправдываться, скрываться, хитрить... А в самом деле, какого цвета у меня глаза?

— Я не знаю, — бросил я ей в лицо. — А какого цвета ты хочешь, чтобы они были?

— Что это значит?

— Отвечай и увидишь! — я подошел вплотную к зеркалу, словно желая вызвать ее на поединок.

— Мне нравятся синие, — растерянно ответила Надя.

Я сделал над собой усилие. Обычно я интуитивно знал, какой эффект нужен. Тело откликалось само. Но тут все было сложнее. Надя была в отражении, и я ее не чувствовал. Поэтому пришлось фантазировать. Я представил себе ярчайший ультрамарин и плеснул его в радужку глаза. Добавил темно-синие, переходящие в черный, прожилки, лучиками разбегающиеся от зрачка, и такую же темно-синюю каёмку радужки. А еще сделал так, чтобы глаза казались влажными, а белки чуть прозрачными. Я не знал, получилось ли то, что ожидала Надя, но эффект был сильным. Она ошарашенно смотрела на меня.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Как ты это делаешь?

— Легко, — соврал я. — Так же, как ты появляешься в отражении.

— Но как это возможно?

— Это ты у меня спрашиваешь?

— Тут совсем другое!

— А, ну да, путешествовать по зеркальным отражениям, пока твое тело лежит в коме — это нормально.

— Как бы я хотела уметь менять свою внешность! Ты можешь стать самым красивым человеком на земле, если захочешь.

— Я бы предпочел быть обычным человеком.

— И ты можешь превратиться в кого угодно?

— Нет, конечно. У всего есть пределы. Ну и потом, это непросто.

— Тебе больно, когда ты меняешься?

— Немного... Нужна энергия... Все непросто.

— Энергия? Это как? Ты должен хорошо питаться, чтобы получалось менять внешность, как ты хочешь?

— В общем, да. Но все не так, как ты думаешь.

Этот разговор давно пора прекратить. Я еще ни с кем не был настолько откровенным.

— Ты задаешь слишком много вопросов. И вообще, я на завтрак опаздываю.

— Да, извини. Я не хотела тебя задерживать. Увидимся позже, — ее глаза светились от восторга. — Но это так здорово!

— Ага, — буркнул я и выскользнул в коридор.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Вернувшись после завтрака, я думал застать Надю на том же месте, но в отражении никого не было. Я тихо позвал ее, но ничего не услышал в ответ. “Тем лучше”, — сказал я себе, а на душе отчего-то стало тоскливо. Шаркая тапочками, я поплелся в общий холл к телевизору, вокруг которого сидели несколько таких же горемык, как и я.

Глава 20

Она не появлялась третий день, и я не находил себе места. “Увидимся позже” — это когда? Насколько позже? Я ведь понятия не имею, что с ней происходит по ту сторону зеркала.

Вдруг она заплутала в своем загадочном мире и никогда уже не найдет выхода? Когда я был совсем маленьким и жил в другом городе, нашу группу водили в луна-парк, и там был лабиринт. Мы тогда с мальчишками бегали от зеркала к зеркалу, корчили рожи и смеялись друг над другом. В том лабиринте трудно было потеряться. Но в какую-то минуту мне стало не по себе. Я увидел себя, размноженного в сотни раз, отражающимся в бесконечность. Мне показалось, что это уже не я, а какой-то другой мальчик стоит там и строго наблюдает за всем происходящим. И этот кто-то живет и действует независимо, по своим правилам. Мне стало жутко от мысли, что тот мальчик, смотрящий издалека, может сейчас подмигнуть мне укрادкой, и только я замечу это.

Но что если Надя уже давно вернулась в свое тело? Нужно немедленно узнать. Я направился к вахте, где стоял общий телефон. Трубку подняла Надина мама.

— Здравствуйте... — с запинкой начал я.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Тимофей! — радостно воскликнула она. — Здравствуй! Как хорошо, что ты позвонил. Мы ведь не знаем твоего номера. Тимофей, ты извини нас, пожалуйста. В прошлый раз я была немного не в себе... Меня сейчас легко расстроить. Ты понимаешь... И это зеркало, ну кому оно могло понадобиться. В общем, я надеюсь, что мы не обидели тебя.

— Ну что вы! На самом деле, это вы меня простите.

— Нет-нет, тебе не за что извиняться! Ты приедешь ещё навестить Надю?

Значит, ничего не изменилось.

— Конечно, я приеду.

— Спасибо тебе. Ты очень нам помогаешь.

Мы поболтали еще пару минут, обменялись новогодними поздравлениями и распрощались.

И что дальше? Где носит эту глупую девчонку?

Я вернулся в комнату и начал ходить кругами. Зеркало, про которое все время твердят Надины родители... Уверен, это какое-то очень важное зеркало. Но в чем его уникальность? Ведь Надя сказала, что она может проникнуть в любое. Что же особенного в этом конкретном зеркале? Такого особенного, что Надина мама рыдала, как на похоронах, когда его украли.

— Ну, куда ты пропала?! — выкрикнул я, обращаясь к пустому зеркалу над умывальником. Во мне кипела злость.

— С кем ты разговариваешь?

В комнату вошли Игорь и Кирилл — мои соседи. Они были младше на два года и обычно особого интереса ко мне не проявляли.

— Чего вам, мелюзга? — спросил я с презрением.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Чеконушка с погремушкой, — поворчал Игорь, подхватил с тумбочки книжку и плюхнулся на свою кровать.

В комнате повисла неприятная тишина, и я решил сбежать. Я натянул двое штанов, две кофты, шарф до ушей. Перебрав в голове ближайшие магазины и выбрав цель, я выскользнул из комнаты. Стоило открыть дверь, как глаза заслезились, а в носу защипало. Я прижал варежки ко рту и побежал в сторону Большого проспекта.

Глава 21

Закончились зимние каникулы, началась школа.

Как обычно, по пути я встречал Воробья, и дорога казалась не такой скучной. Как всегда я попытался направить разговор в нужное мне русло.

— И что, все это время ты не встречал Вику?

— Не надо мне про Вику.

— Не надо про Вику?! Ты не заболел?

Вот черт! Похоже, Вика уже не актуальна. Странно, ведь я все еще чувствую, что он влюблен. В кого тогда?

— Нет, — ответил он сухо. — Я выздоровел.

— Не, Воробей, что-то ты темнишь.

Ошибиться невозможно. Он влюблен, как никогда раньше! Я остановился, дернул его за рукав и посмотрел прямо в глаза.

— Выкладывай, — потребовал я.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Давай потом. Я не могу сейчас о ней говорить... это... в общем, потом.

Не, друг, так не пойдет.

— Кто!?

— Ну, вот представь себе, что есть у тебя любимый велосипед. Он тебе нравится, и ты им доволен. Но однажды тебе дарят новый, с десятью скоростями и всеми причиндалами...

— Ты сейчас вообще о чём?

— Ну... Помнишь девчонку из кафе?

— О-оо, я так и знал!

— Все-то он знает...

— Дружище, ты просто молодец!

Не знаю, почему я так воодушевился. Ведь это мне совсем невыгодно: Вика рядом каждый день, а он втрескался в кого-то на стороне. Но я был счастлив за него. Я чувствовал, насколько он захвачен своей любовью.

— И когда только ты успел?

— Тогда же и успел. Попросил номер телефона, она дала. На следующий день позвонил, встретились... Ну и вот, делов-то.

— Нифига себе, как у него все просто! Ты прямо сердцеед!

— Да я подумал, чего я теряю? Она мне и не особо понравилась... тогда. Если бы не ты, я и внимания не обратил бы.

— Ну, а сейчас что?

— Она классная! Самая классная из всех, кого я знаю.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Сашка глубоко вздохнул и покраснел. Вокруг него забурлила, заискрилась энергия. Она шла потоками из солнечного сплетения, из глаз и затылка. Я чуть язык не проглотил. Удержаться было невозможно. Я потянул энергию и забрал немного себе. Сашка задышал ровнее и продолжил:

— С ней как-то просто все... Когда я что-то рассказываю, она слушает, не перебивает и не говорит, что это ерунда, и неинтересно. С ней вообще о чем угодно можно поговорить и не бояться показаться идиотом. Если мы идем в кафе, она не заказывает все самое дорогое, лишь бы только у меня не хватило денег, и можно было поиздеваться.

— Это ты ее сейчас с Викой сравниваешь?

— Ну да... Больше-то не с кем. Но она настолько другая... Я даже и не думал, что такие бывают! Я думал, они все одинаковые: сами не знают, чего хотят, и постоянно что-то требуют. А эта ничего не требует, не говорит, каким я должен быть или не должен. И она радуется, все время чему-то радуется! Бродячего кота встретит — радуется, снег пошел — радуется, я позвоню и прямо чувствую, как она в трубку мне улыбается. Какая-то необыкновенная!

— Тебя послушать, так да.

А мне опять Надя вспомнилась. Она тоже снегу радовалась. Где она сейчас?

— Ко мне тут Вика на днях заходила, — продолжал Сашка.

— Вика? К тебе?

— Да, бывает у нее такое. Иногда по полгода со мной не разговаривает, а потом придет, как ни в чем не бывало, и начинает заливать про то, какая она несчастная, и вокруг одни придурки, про то, что папочка за нее уже все решил, и как ей жить и кем быть. Все в

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

таком духе. А я сочувствовать должен, понимаешь? В этот раз у нее очередной приступ жалости к себе случился. Мать укатила на курорт за границу и с собой не взяла. Отец чего-то там не купил. А я сижу, слушаю этот бред и думаю: “Как ты достала меня своим нытьем, стерва!” Выпроводил ее, она расплакалась в дверях. А мне, вот хоть ты тресни, вообще не жаль. А раньше ведь мог сидеть и часами слушать... Какой же я был кретин!

— Да нет, совсем ты не кретин.

— Еще какой!

— Кретины никогда не думают, что они кретины.

Сашка только пожал плечами.

— Да забудь ты про нее! Ну, а с Лесей вы уже?...

— Что?

— Ну что, что... Целовались вы уже?

Сашка выдохнул и опять покраснел.

— Почти.

— Это как?

— В щеку.

— Да это никак! И че ты тупишь?

Сашка засопел.

— Да боюсь я... боюсь испортить все.

— Ты ей нравишься или как?

— Вроде да...

— Ну, вот и не тупи!

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Думаешь?

— Конечно! Хм... Но ты, однако, извращенец!

— Чего это?

— Велосипед с десятью скоростями...

Сашка засмеялся и неловко пнул ледышку под ногами.

...

Мы подошли к школьному крыльцу, постучали ногами о мерзлые ступени и вошли внутрь.

В школе, как обычно, было жарко натоплено. Пяти минут в очереди в раздевалку хватило, чтобы порядочно вспотеть. Посмотрев на меня, Воробей ухмыльнулся и взъерошил мою челку:

— Взрыв на макаронной фабрике. А тебе идет.

Раздался звонок, и мы помчались на второй этаж к кабинету географии. Фифа стояла у дверей. Она посмотрела на меня, широко улыбнулась и пропустила нашу запыхавшуюся парочку в класс.

Начался урок. Все как обычно: Атлантические океаны, Африки и Евразии.

Я посмотрел по сторонам. Убедившись, что все взгляды устремлены на географичку, достал купленное на днях карманное зеркало и потянул за язычок чехла, ожидая в очередной раз увидеть свою недовольную физиономию. Вместо этого на меня в упор смотрела она.

— Ты?! — выпалил я во весь голос. Класс притих. Я поднял глаза и ошалело огляделся. Вдруг тишина взорвалась брызгами неудержимого смеха, и я понял, насколько глупо сейчас выгляжу: кричащий на собственное отражение с выпученными глазами и

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

бардаком на голове. Я вздрогнул всем телом, чем окончательно сразил своих одноклассников и географичку.

Несколько минут в классе был полный хаос. Неуправляемый смех заразил всех без исключения. Наконец, Фифа, поймав слезинку в уголке глаза, процокала к задней парте и мягко высвободила зеркало из моих рук.

— Подумай о театральном училище, дорогой, — выдавила она из себя, все еще не в состоянии унять смех. — Зеркало заберешь после урока. Ребята, давайте все успокоимся! — но голос Фифы звучал совсем неубедительно, так что понадобилось еще минут десять, чтобы собрать по кусочкам развалившуюся дисциплину. Тут и я стал смеяться, осознав, что с Надей все в порядке.

Кое-как дотерпев до перемены, я бросился к учительскому столу, схватил зеркало и выскочил из класса. Я очень надеялся, что Надя все еще там, и я смогу с ней поговорить. Какого черта она так долго пряталась? Я звал ее каждый день. На секунду опять возникла мысль, что все это только мои галлюцинации. Может быть, она потому и не боится появляться, так как знает, что никто кроме меня ее не видит? Может быть, ее цель — разоблачить меня? Если уж не рассказать всем, что я вампир, то хоть выставить сумасшедшим. Но если она выдумка, плод моего воображения, что же тогда получается? Это я сам себя разоблачить хочу? Так устал скрываться, что придумал злобное привидение, этакую страшилку, и сам себя подставляю? И как это проверить? Как доказать себе, что я не сумасшедший? Попросить кого-нибудь посмотреть в зеркало и спросить, видит ли он там Надю, просто невыносимо! Какой-то замкнутый круг получается.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Я сломя голову несся по коридору, натыкаясь на всех подряд. Я бежал к дальней лестнице, ведущей в кабинет труда. Обычно там никого нет. А если забраться на третий этаж, то возле выхода на чердак уж точно никто не встретится. Нет, не может быть, что я сумасшедший! А как же тогда Надины родители? Их недомолвки и странное поведение с зеркалом...

Забравшись на лестницу, ведущую на чердак, я достал футляр и вновь потянул язычок, извлекая зеркало наружу. Опять никого, кроме, конечно же, меня.

— Ты где? — позвал я. — Сейчас же выходи!

И она появилась. Постепенно проявилась прямо у поверхности, затмевая мое собственное отражение.

— Привет.

— Где ты пропадала?

— А где же “здравствуй”, “рад тебя видеть”?

— Я был рад тебя видеть восемь дней назад. А теперь ты мне должна объяснить, где пропадала все это время. Я себе места не находил! Сказала, увидимся позже. А позже — это может быть через год, по-твоему? Что мне надо было думать?

— Так ты меня ждал?

— Конечно ждал... — выпалил я и осекся, понимая, что выгляжу еще глупее, чем тогда, на уроке. Теперь я и сам не знал, почему так обижен, и за что сержусь на нее. Кажется, она ничего мне не обещала.

Как будто подтверждая мои слова, Надя сказала:

— Но ведь я не обещала, что приду в тот же день.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Я почувствовал, что краснею.

— Ой, а ты опять меняешься, — она засмеялась, приводя меня в еще большее смятение.

Я не знал, что ответить. Все было очень странно. Я сам был странным, но не в том смысле, конечно, что я в принципе странный. Просто в эту минуту я себя не узнавал. Да что я несу?

Только сейчас я сообразил, что, убегая из класса, оставил там все свои вещи. Надеюсь, Воробей соберет учебники и не будет меня искать хотя бы какое-то время.

— Ты знаешь, — я постарался говорить как можно спокойнее, — мне нужно вернуться в класс. Я там вещи забыл. Так что я пойду...

— Ты обиделся?

— Да нет, я правда сумку оставил.

Я увидел, как Надя протягивает руку, и тут же почувствовал мягкое касание прохладных пальцев на щеке. Резкая боль электрическим разрядом ударила по главному нерву, но я и не поморщился, даже не моргнул. Я впал в ступор и, кажется, забыл, как дышать.

— Ты испугался?

Только не убирай руку!

— Ты подумал, что со мной что-то случилось?

Мир сузился до карманного зеркала. Ее пронзительные серые глаза тянут к себе. Губы медленно раскрываются, двигаются. Что-то зажглось в моей груди и подступило к горлу. Я тяжело выдохнул.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Тим? Тим, звонок.

— Звенит... и что?...

— Ты в порядке?

— В полном.

— Ты странный.

— Ты уже это говорила.

— Да... Прости, я не знала, что ты будешь ждать. И потом, я тебя найти не могла. Твое зеркальце, оно совсем маленькое. Слушай, отодвинься немного, а то в нем кроме тебя уже ничего не отражается. У меня так клаустрофобия начнется. — Надя ушла вглубь отражения, стала совсем крошечной.

И действительно, только сейчас я заметил, что почти вплотную держу его у лица.

— Извини, — я отодвинулся.

— А на урок ты не собираешься? — она подошла к чердачной лестнице и села на вторую ступеньку.

— Урок подождет. Где ты все-таки была? — я встряхнулся, стараясь прогнать дрожь.

— Я путешествовала. Всегда мечтала оказаться в экзотической стране, где не бывает зимы, где растут кокосовые пальмы и бананы. Чему улыбаешься?

— Я думал, ты снег любишь.

— Снег я тоже люблю, но снег я вижу каждый год. А пальм я не видела ни разу.

— Я бы хотел жить там, где все время лето.

— А я думаю, что скучала бы по снегу. Но сейчас его слишком много. Тем более, что я не по сезону одета.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Тебе холодно на улице?

— Нет, совсем нет. Но выгляжу я глупо в этом платье среди зимы.

— Ты отлично выглядишь.

— Нет, все-таки сегодня ты бьёшь все рекорды по странности.

— И что, ты видела пальмы?

— И пальмы, и море! — воодушевилась она. — Море — это самое замечательное, что существует на земле! Это такая сила... Ты сразу ощущаешь себя таким ничтожным, когда стоишь на огромном пустынном пляже и просто смотришь на волны.

— А где ты нашла зеркало на пустынном пляже?

— О, пришлось постараться! Я зашла в зеркальце мотоцикла. Какая-то пара приехала на пляж и бросила мотоцикл прямо у воды.

— Как интересно! А что ты еще видела?

— Водопад в джунглях, — отозвалась она. — Я забралась в брелок, который был прицеплен к рюкзаку девушки-туристки. Я путешествовала с ней и ее компанией пару дней. Веселые ребята! Плескались в водопаде, как дети.

— И ты с ними?

— Нет, я не умею плавать.

— А как же родители, они тебя не учили?

— У них вечно нет времени. Им некогда мной заниматься.

— И ты совсем не скучаешь по ним?

— Скучаю... Но если они увидят меня в зеркале, обязательно заставят вернуться.

— А ты можешь вернуться?

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Наверно, да, — она пожала плечами. — Я же как-то ушла в отражение, значит, смогу вернуться.

— Что для этого нужно?

— Я точно не знаю. Сейчас я не могу выйти. Я пробовала, но не получается. Думаю, я должна быть со своим телом. Ты же сам говорил, что мое тело в больнице, а я в коме, кажется. А ты хочешь, чтобы я вернулась? — она лукаво посмотрела на меня.

— Нет! — выпалил я и тут же пожалел. — Ну, как бы... конечно! Твои родители очень переживают. Я думаю, тебе стоит с ними повидаться, а потом можешь возвращаться назад в зеркало.

— Да, наверно, ты прав. Так будет лучше.

— Я обещал твоим родителям, что приеду навестить тебя... твоё тело... ну, то есть не знаю, как правильно сказать. В общем, я собираюсь поехать в больницу в эту субботу. Хочешь, я возьму с собой зеркало? Ты можешь попробовать вернуться в своё тело.

— Хорошо. Но до субботы ещё несколько дней. Я могу заглянуть к тебе раньше. Как насчет завтра после школы? Я хочу попробовать кое-что.

Кое-что...

— Что попробовать?

— Увидишь, — она прикусила нижнюю губу и стала похожа на шаловливого ребенка.

— Слушай, ты совсем опоздал на урок. Что у вас сейчас?

— Литература.

— Не думаю, что Ольга Николаевна будет сильно ругаться, если ты заявишься прямо сейчас.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Да, наверно. Ну, до завтра тогда?

— До завтра, — в отражении Надя поднялась по лестнице и скрылась за дверью на чердак. Неужели чердак открыт? Я тоже взобрался на лестницу и подергал дверь, но она не поддалась.

На урок русского я опоздал на десять минут.

— Извините, я опоздал.

— Входи, Тим, ничего страшного, — только и сказала Ольга Николаевна. Я удивился и прошел в конец класса к нашей с Сашкой парте. Тот сразу зашептал мне на ухо:

— Пришлось сказать, что у тебя живот заболел, и тебе нужно было срочно в туалет.

— Надеюсь, ты это не при всем классе обсуждал?

— Обижает, дружище! А че было-то?

— Да то и было.

Глава 22

Весь следующий день я безуспешно пытался сосредоточиться. Мысли заволкло туманом. Как во сне, перед глазами возникла Надя, идущая по широкому, уходящему за горизонт пляжу с ослепительно белым песком. Волны с грохотом разбивались где-то вдали и медленно крались к ее ступням широкими пенными языками. Время от времени им удавалось лизнуть ее тонкие щиколотки, но она шла не останавливаясь. Ее белое платье в горошек трепыхалось на ветру, и вся фигура Нади казалась призрачной. Именно тогда, под монотонный стрекот голоса математички, объясняющей новую тему, я понял, что со мной произошло.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Мысль настолько поразила очевидностью и простотой, что казалось невероятным, как я сразу этого не понял?

Просто немыслимо, я не заметил, как влюбился... Причем, влюбился не сегодня, и даже не вчера. Я полюбил ее гораздо раньше, именно в тот момент, когда она кружилась в густых хлопьях снега в зимнем парке под фонарем.

До сих пор я никого никогда не любил. Я был уверен, что просто не способен. Злость, страх, печаль, радость, удовольствие — любые эмоции, свойственные человеку, были доступны мне, но не эта. Ведь для меня любовь материальна. У нее есть вкус, уникальный, ни с чем несравнимый аромат, цвет и даже плотность. Она всегда теплая, иногда горячая. А если очень повезет, можно встретить влюбленного настолько сильно, что он кипит и, как гейзер, выбрасывает обжигающие сгустки энергии. Я никогда не думал о любви, как о чувстве, которое когда-нибудь смогу испытать. Хотя едой я тоже не привык ее называть. Любовь для меня всегда была источником физической силы, возможности себя контролировать, и, конечно, острого, притягательного удовольствия.

Будь я человеком, догадался бы сразу. Хотя с людьми все гораздо проще. Чуть в них зародилось чувство симпатии или самой малейшей влюбленности, они сразу начинают излучать энергию. Моя же энергия все время оставалась при мне. Уж я бы точно заметил, если бы вдруг начал расплескивать ее направо и налево. И несмотря на это, я абсолютно уверен, что люблю. Какая, к черту, математика, когда весь мир изменился!

Математичке в конце концов надоел мой безучастный вид и абсолютное равнодушие к ее замечаниям. Невнимание к предмету она никому не спускала. Я чувствовал, что она

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

присматривается ко мне последние несколько уроков. Все пытается понять, что я такое. Однако сегодня моя наглость так ее выбесила, что она решила больше не осторожничать.

Нет уж, со мной у тебя этот номер не пройдет!

Не успела паучиха подойти к моей парте, я встал, иронично улыбнулся ей и ушел из класса на глазах у изумленных одноклассников. Забрав куртку из гардероба, я оделся, вышел из школы и направился напрямиком в Никитский. Если воспиталка спросит, чего я так рано явился, просто скажу, что выгнали с урока. И ничего они мне не сделают.

Прошмыгнуть незаметно не получилось. Пересекая холл, я столкнулся не с кем-нибудь, а с самим директором. Юрий Михайлович навис надо мной, как гора.

— Что, Тимофей, так рано явился? Я тебя только к ночи ждал. Тут из школы звонили, говорят, ты довел учителя до нервного срыва, — ноздри директора нервно вздрагивали. — Объяснитесь, молодой человек!

Я вздохнул и принял самый благожелательный вид.

— Меня выгнали с урока.

— Нет, ты ушел с урока. Тебя никто не отпускал. В чем дело?

— Ну, дело в том, что математичке очень хочется, чтобы ее боялись... а я с крючка сорвался... Ее это очень злит. В этом все дело.

— Что значит, с крючка сорвался?

— Ну, я же говорю, ей надо, чтобы ее боялись, а я не боюсь. И она злится...

— Вот оно что? Дерзим, значит! Думаешь, ты особенный, и у тебя здесь привилегированное положение? — Юрий Михайлович осекся. Его пушистые брови соединились на переносице. — Так вот, — продолжал он, еще больше раздражаясь, — ты

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

наказан. Иди в свою комнату и занимайся математикой. Решишь все задачи к параграфу двадцать и двадцать один. Вечером я лично приду проверить. А завтра в школе отдашь тетрадь с решениями Наталье Георгиевне. Отправляйся.

Вот гадство! Какого рожна им всем от меня надо? И когда мне решать эти поганые уравнения, если Надя обещала прийти?

Я уныло кивнул и поплелся к себе.

К счастью, в комнате было пусто. Не переодеваясь, я плюхнулся за рабочий стол, достал учебник алгебры и со всей дури хлестанул им о столешницу. Потом все-таки решил открыть параграф и взвесить кучу навоза, которой меня придавило. Оказалось, все даже хуже, чем я думал. За параграфом номер двадцать шли пятнадцать задач, три из которых были отмечены значком повышенной сложности. Параграф двадцать один поверг меня в ступор. Это был новый, еще не пройденный материал на три страницы с заданием из семнадцати упражнений в конце. Я запустил пальцы в волосы и отчаянно поскреб затылок. Вундеркиндом я никогда не был, а потому решить все, что потребовала математичка, просто нереально, даже если я начну прямо сейчас и просижу за уроками до утра. Стоит ли вообще браться в таком случае? Ну, что они мне сделают? Переведут в другую школу? Зараза...

Я достал ручку и уставился в учебник.

Время тянулось мучительно долго. Мои потуги сосредоточиться на решении алгебраических уравнений неизменно заканчивались созерцанием дохлой мухи между оконными рамами. Она лежала в пыли кверху лапками, подрагивая, когда порывы ветра задували в щели. Этой твари было совершенно наплевать на мои переживания, для нее все давно закончилось. Мне же было так тошно, что хотелось лезть на стену. Сколько бы я не

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

старался, результат вряд ли изменится. Я все равно не успею сделать эти чертовы задания, и проблем не избежать.

Я записывал решение задачи номер десять, как вдруг почувствовал, что за мной кто-то наблюдает. Повернувшись, я встретился со своим отражением в зеркале, и тут только заметил Надю, уютно устроившуюся на соседнем стуле. Она с интересом заглядывала в мою тетрадь.

— Давно ты тут? — я заулыбался, чувствуя себя счастливым болваном.

— Да так, пару минут. Ты уроки делаешь?

— Наказание отрабатываю, — в подробности вдаваться не хотелось. Я быстро поднялся и подошел к зеркалу почти вплотную. — Привет. — Рука машинально взметнулась в знак приветствия. Идиотская улыбка никак не сходила с губ, хоть я и старался придать физиономии непринужденный вид. И кто мне внушил эту чушь про то, что вампиры всегда неотразимы? Более нелепо я никогда еще не выглядел. Но Надя, похоже, ничего не заметила.

— Привет, — хрустальными колокольчиком прозвучал голос, и она прикоснулась прохладными пальцами к моей ладони.

А потом ее ресницы дрогнули, и взгляд поплыл в сторону. Наши руки разлучились.

— Что за наказание?

— А, неважно! — отмахнулся я. — Лучше расскажи, где ты сегодня была.

— Я гуляла.

— Просто гуляла?

— Ну, не просто гуляла, я гуляла по Риму. Я видела Колизей!

— Здорово! Неужели и там было зеркало?

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Представь себе, — засмеялась она. — Там тучи туристов! А у любой девушки в сумочке обязательно найдется зеркальце. Правда, пришлось побегать.

— Если бы я попал в Колизей, я вышел бы на середину арены и заорал во все горло.

— И ничего бы у тебя не вышло.

— Это еще почему? Думаешь, я бы струсил?

— Ну, для этого много смелости не надо, — ухмыльнулась она. — Все покрытие арены давно прогнило, и теперь его просто нет. Там внизу обломки каменных стен и перекрытий. Это все, что осталось от подсобных помещений, где содержали хищников и хранили декорации для гладиаторских боев.

— Ммм... какое разочарование.

— Нисколько!

— У тебя очень интересная жизнь там, по ту сторону зеркала.

— Ну, есть вещи, которых здесь не найти, — она игриво прищурилась. — Вещи, по которым я действительно скучаю.

— Что, например?

— У тебя найдется лист бумаги и ручка?

— А зачем тебе?

На полке стояли школьные тетради. Я подошел и взял одну наугад, вырвал двойной лист, взял со стола ручку.

— Синяя сгодится?

— Да все равно, пусть будет синяя.

— И что? — растерялся я.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Положи их на стол.

— Хорошо. Зачем тебе? — я сдвинул свои учебники в сторону и положил ручку с листком посередине стола. В следующее мгновение ручка поднялась и зависла в воздухе. Листок бумаги на столе слегка повернулся.

— Сядь на стул. Там у окна.

— Зачем?

— Да что ты заладил, зачем да зачем! — в ее голосе звучало нетерпение. — Я хочу попробовать порисовать — вот зачем.

Я послушно придвинул стул к окну и сел.

— И что мне делать теперь? — я неуютно заерзал на стуле.

— Просто сиди и все, — ручка уже порхала над бумагой.

Как бы не зашел кто-нибудь...

— Мне не двигаться? Или принять какую-то позу?

— Нет, необязательно. Можешь шевелиться и говорить, это не мешает. Расскажи, как тебе живется в детском доме?

— Да нормально живется, — пожал я плечами. — Обычно.

— Просто... У вас тут все такое... убогое, — ручка вдруг зависла над столом. Надя, спохватившись, посмотрела на меня.

— Да нет, ты права, — я оглядел нашу комнату. Три железных кровати со скрипучими сетками вдоль стен. Кровать Кирилла была настолько старая, что сетка под его тяжестью провисала почти до пола, так что пришлось подложить под нее старую деревянную дверь. Теперь она была жесткая, как нары. Но Кирилл, кажется, привык и любил рассуждать, что

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

это полезно для позвоночника. Над кроватями на стенах висело несколько постеров: у Кирила — “Любэ” и “Иванушки”, у Игоря — “Алиса”, “Наутилус” и Цой. Цой презрительно смотрел в глаза клоуну на стене напротив. Постеры у нас разрешались. Чаще всего они закрывали дырки или трещины. Возле каждой кровати стояло по тумбочке. Моя почти сплошь облеплена наклейками, которые мой предшественник старательно собирал из вкладышей от жвачек “Терминатор”. Но она хотя бы нормально закрывалась. Игорю, чтобы закрыть или открыть свою, приходилось вытаскивать гвозди из боковых стенок. В этом имелась и практическая польза: стащить что-то у Игоря было весьма затруднительно. Он называл тумбочку “сейфом” и не желал с ней расставаться. Еще у нас в комнате был письменный стол, такой же старый, как и остальная мебель. Недалеко разместились четыре ободранных стула. Слева и справа от входа в стены были встроены два шкафа для верхней одежды и белья. На окне висели бордовые шторы, а широкий подоконник служил нам дополнительным столом. Мы бы его давно захламили, если бы не постоянные проверки воспитателей.

— Комнаты в Никитском действительно убогие, но все это, в конечном счете, не так уж и важно. В Горянке все было новое, только я бы все равно предпочел остаться здесь.

— К тебе плохо относились?

— Не хуже, чем к остальным, — ответил я, вспоминая, как пришлось ночевать на толчке, когда воспиталка застала ночью на обратном пути из туалета. В том детдоме шастать ночью по коридорам запрещалось, пусть даже по нужде. Я тогда чуть до смерти не замерз в одних трусах. Но уж, по крайней мере, меня не привязывали к кровати и не заставляли гадить под себя. — Карцера здесь нет, и то хорошо.

Надя перестала рисовать и возмущенно посмотрела на меня.

— У вас был карцер? Это как?

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Ну да... Каморка такая в подвале без света и отопления. Пары часов в ней хватало, чтобы навсегда приучиться к порядку и заодно подцепить ангину.

— Жуть! И тебя там запирали?

— Было пару раз.

— А в Никитском тоже карцер есть?

— Нет. Я же говорю, тут просто санаторий. Ребята неплохие, воспитатели вполне адекватные.

— Почему у тебя клоун на стене? Он такой... жуткий, — спросила она неожиданно.

— Это постер одной очень хорошей группы.

— Я немного боюсь клоунов. Поэтому рисую их довольно часто.

— Странная логика.

— Возможно, — Надя забавно потерла нос ладонью. — Но так они как бы под моим контролем. Что хочу, то и сделаю с ними.

— Ты знаешь, что ты ненормальная? — я не смог сдержать улыбку.

— Ну, это же хорошо.

Она нравилась мне все больше и больше.

— А что за группа такая? Что ты вообще слушаешь?

— Да много чего я слушаю, — я пожал плечами. — Чаще всего, наверно, готик-рок, металл, симфонический металл и иногда классику, там где много скрипки или виолончели.

— Ладно, металл я себе представляю — это когда какой-нибудь патлатый мужик страшно воеет в микрофон. А симфонический металл, это как?

— Ну, это примерно то же самое, только с оркестром и солисткой с оперным голосом.

Надя рассмеялась.

— Кошмар какой! Я даже представить себе не могу.

— Я бы поставил. Но у меня только плеер... А ты что-нибудь слушаешь?

— Очень редко. И, наверное, ничего, что могло бы тебя заинтересовать.

— Не любишь музыку?

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Люблю... но она меня в ступор вгоняет.

— Это как?

— Я не могу ее слушать фоном. Если я что-то слушаю, то ничего другого делать просто не могу.

— Странно. Я вот все могу делать с музыкой. Даже задачки решать, — я бросил взгляд на свою тетрадь. — Не сегодня, правда...

— А сам ты сочиняешь что-нибудь?

— Ну как сказать... В голове постоянно возникают какие-то мелодии. Но не думаю, что у меня есть талант композитора, иначе кто-нибудь давно бы заметил.

Надя фыркнула.

— С чего ты взял? Какая ерунда! Да мне каждый день говорят, что я чего-то там не могу. Несут какую-то пургу о моих способностях. Говорят так, словно видят меня насквозь. В их головах я уже стою на специальной полочке с биркой на шее, где подробно расписаны все мои характеристики, будто я кукла заводная. Да шли бы они лесом! Только тебе решать, талантлив ты или нет.

Кажется, я наступил на ее больную мозоль. В глазах Нади читалось неподдельное возмущение, и даже злость.

— Да, я согласна, есть люди реально в чем-то талантливые. То есть где-то им изначально дано больше, чем всем остальным. Но разве они всегда умеют реализовать свой талант? Вот чтобы рисовать хорошо, надо не только уметь видеть и фантазировать, надо тупо научиться рисовать, овладеть разными техниками. Надо, чтобы твои руки тебя слушались. Понимаешь? Вот, скажем, возьмет талантливый человек в руки карандаш, нарисует загогулину, и она ему не понравится. Ведь он талантливый, он сразу увидит все недостатки этой дурацкой загогулины, которая у него просто не получилась. Талантливый человек расстроится, разочаруется, и больше никогда не будет рисовать. А что сделает человек, у которого нет этого самого таланта? Он нарисует загогулину и скажет: “О! А мне понравилось рисовать, это интересно. И загогулина получилась нечего так себе...”. И он будет продолжать

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

рисовать, он будет учиться. И если ему будет нравится то, что он делает, научится не только рисовать, но и видеть, и фантазировать... По-моему, талант — это дело наживное.

— А как же гении? Моцарт музыку уже в три года сочинял...

— Да ну и флаг в руки Моцарту твоему! Ну, не Моцарт ты, и что теперь, крест на себе ставить? Слушать всяких идиотов, которые решают за тебя, что ты можешь или не можешь? Тебе нравится что-то, вот и делай.

— Это да... Но а как же признание? Буду я бездарным музыкантом, кому это надо?

— А тут тебе решать... Все зависит от того, чего тебе больше хочется: музыку сочинять, или чтобы тебя везде узнавали и хвалили по тридцать раз на дню. Разницу чувствуешь?

— А если и того, и другого, и можно без хлеба?...

— Реши, что для тебя главное, и двигайся к этому, я так считаю.

— Тебе легко говорить... ты реально круто рисуешь.

— Я рисую круто потому, что я трачу на это по несколько часов каждый день...

— Ну где мне музыкой заниматься? Я даже нот не знаю...

— Ноты — это инструмент, а музыка рождается в голове, не на бумаге. Пойди в библиотеку, найди книжки... Или запишись в музыкальный кружок к Нонне Михайловне.

— Ох... Нет! Только не это. Они там разучивают “Эх, дороги, пыль да туман”... Лучше пусть сразу пристрелят!

Надя рассмеялась.

— Да, тут я согласна! Ну, не знаю... зато ноты разучишь.

— Не, мой желудок этого не перенесет.

— Ну вот, готово, — порхающая ручка опустилась на край стола. — Слушай, я тебя не отвлекаю? Ты вроде сказал, что наказан.

— Да это все математичка, — я слез со стула и подошел к зеркалу. — Наорать на меня пыталась, и теперь я должен решить все задачи из двух параграфов к завтрашнему дню, — я тяжело вздохнул.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Ой, так я пойду тогда!

— Да нет, все нормально, — забывшись, я сделал шаг вперед и клюнул носом зеркало.

— Не уходи пока.

Она заулыбалась.

— Но тебе попадет из-за меня. Я завтра приду, договорились? Опять после уроков.

Я нехотя согласился.

— До завтра, — сказала она и, не дождавшись моего ответа, растворилась в отражении.

— Буду ждать, — сказал я одними губами и тоскливо поплелся обратно к квадратным трехчленам. Бррр...

Надин рисунок лежал в самом центре стола, в углу стояли дата и время. Я взял листок и в очередной раз удивился ее мастерству. Я все время болтал, а на портрете получился задумчивым и глядящим куда-то в сторону. Волосы темные, левый глаз скрыт челкой, падающей на широкие скулы.

Не может быть, чтобы я в таком виде ходил сегодня в школу. Должно быть, поменялся уже после того, как она пришла. Я обернулся, посмотрел в зеркало и вздрогнул. И зачем только я придумал эти глаза? Теперь каждый раз, как в отражении появлялась Надя, они становились ярко-ультрамариновыми. Как мне появиться на люди с такими глазами?

Я сосредоточился и, преодолевая боль, смешал все краски, какие только были в моем арсенале, и окрасил радужки в болотный цвет. Машинально укоротил челку и осветлил пряди волос. Пригляделся. А губы-то какие пухлые. Вот пижон! Я ухмыльнулся, хотя в этом не было ничего забавного.

Именно так работает мой организм — делает все возможное, чтобы понравиться с первого взгляда и уже никогда не отпустить. Стоило лишь пожелать, и я мог примерить любую пару глаз и бровей, изменить форму носа, ширину скул и цвет волос. Цвет кожи, ширина плеч, запах фиалок — все что угодно, дамы и господа. Я мог быть идеальным, а если нужно, полным ничтожеством.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Кем угодно...

Хищником...

И даже сейчас мой голодный организм в поисках пищи, хоть и не может достать Надю с той стороны... Стоп!

Меня словно током прошибло. Точно! Ведь это правда! Пока она там, в зазеркалье, я не смогу ей навредить, не смогу тянуть из нее энергию, как бы она ко мне ни относилась... Что бы ни чувствовала ко мне...

Я даже подпрыгнул от радости.

— Да!!! — заорал я, как ненормальный, размахивая своим портретом.

Легкое прикосновение вдруг обожгло щеку. И шепот прямо над ухом:

— Ищи меня в отражении.

Я замер, в одной руке сжимая листок, а другой придерживая пылающую щеку. Но очарование испарилось, как только в комнату вошел Кирилл.

— Здорово, — сказал он, бросая сумку с учебниками возле порога и снимая куртку.

— Привет, — буркнул я и вернулся к столу. Притянул назад учебник, и начал вспоминать решение задачи номер десять.

Глава 23

Стоило ли удивляться, что с заданием по математике я не справился. К первому часу ночи в моей тетради красовались семнадцать упражнений к параграфу двадцать, включая те самые, повышенной сложности. Однако, покончив с ними и принявшись за разбор новой темы, я уснул прямо за столом. Проснулся посреди ночи с затекшими руками и ногами. С трудом перебрался на кровать и, не раздеваясь, опять провалился в сон. Разбудил меня Игорь, ткнув в плечо кулаком.

— Че, будильника не слышал? — он навис надо мной черным пятном, загораживая голую лампочку на потолке. — Вставай давай. Сейчас воспиталка придет кровати проверять.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Встаю, — простонал я.

— Ты че, волосы покрасил, пупсик?

— Чего? Оборзел, малой? — я оттолкнул его, встал и начал торопливо заправлять кровать. — Летом выгорают, а сейчас темные. Понятно?

— Да мне-то че, — буркнул он безразлично и вышел из комнаты.

Че-че. Тебе-то ниче, а я так еще пару раз спалюсь, и начнутся проблемы.

Покончив с кроватью, я подошел к умывальнику и позвал:

— Эй, ты тут? — но ответа не последовало.

Наверно, Надя сейчас где-то далеко. Путешествует, затаившись в чьем-то зеркальце, смотрит концерт или танцует на дискотеке. Интересно, если я позову ее снова, услышит ли она? И как громко нужно кричать, чтобы она услышала и пришла?

Постояв так еще немного, я умылся, нацедил на щетку остатки зубной пасты и почистил зубы. Надел свежую рубашку и брюки.

Складывая в сумку учебники и тетради, я придумывал, что скажу Наталье Георгиевне про недоделанное задание. Ни алгебры, ни геометрии в расписании сегодня не стояло, но это не освобождало меня от встречи с математичкой. Рассчитывать на то, что она благодушно примет мою писанину и отпустит с миром, не стоило. Может, попросить кого-нибудь передать ей тетрадь? А что, вдруг сработает? Кого не жалко заслать к паучихе? Я бы заслал Митьку кудрявого, но этот засранец даже на горшок бесплатно не садится. Можно попросить Дениса, чтобы знал в следующий раз, как переигрывать. Но он, вроде, пацан неплохой. Жалко. Попрошу-ка я кого-нибудь из девчонок. Кто там Надю чучелом обозвал? Мальцева, кажется. Она себе скоро шею сломает на задние парты смотреть. Вот к ней и подкачу.

Довольный, что решение проблемы найдено, я отправился на завтрак и в школу.

Кто бы подумал, что конфликт начнется даже раньше, чем я мог предположить. Не успел я появиться в школьном коридоре, как несколько парней из нашего класса зажали меня в углу.

К школьному хулигану Митьке и его шестеркам присоединился Денис — болван с

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

грушей вместо носа.

— Что за цирк был вчера с математичкой? — орал он, шлепая своими варениками. — Она колы прямо в журнал ставила!

— Сидишь, лыбишься, как последняя сволочь, а мы потом за тебя отвечай, да? — Мишка дернул своей лапой ворот моей рубашки. Пуговица пулей отлетела в сторону.

— Мишань, да че ты ему рубашку мнешь? Ему харю мять надо, — подначивал один из шестерок — вечно сопливый Стас по кличке Таракан.

— Ага, шнобель ему поправь, а то сильно длинный, — не унимался Денис.

Пацаны сыпали вопросами, но было понятно, что ответы им сейчас не нужны. Похоже, паучиха в этот раз отличилась особо.

Мое упорное молчание злило их все больше. И вот кто-то осмелился и ткнул меня кулаком в плечо, а потом еще и еще. Не знаю, почему в этот раз я не включил свое обаяние. Частенько это спасало в подобных ситуациях. Во мне проснулось нелепое злое упрямство. Мне захотелось стать, как они, жить по их правилам и действовать их методами. А проще говоря, мне захотелось подраться.

Никогда еще меня так не били. Мы катались по полу, как стая бешеных псов. Сначала все удары предназначались мне, но желающих поквитаться было так много, что неизбежно кто-то промахивался. В какой-то момент каждому из нас стало неважно, что явилось причиной драки, и кто чей противник. Мы схлестнулись и перемешались, превратились в сплошной комок остервенелой ярости.

В бешеном исступлении, испытывая все нарастающий восторг, я раздавал удары направо и налево. Защита давно перешла в нападение. Саданув ниже солнечного сплетения рыжему Ваське из параллельного класса, я спешил выбрать новую жертву, но тут же был раздавлен чьей-то мощной тушей. Рамазанов, как дорожный каток, подмял под себя и принялся методично выколачивать дух. Хилые тумаки, которыми я беспорядочно сыпал по этому детине, были ему как слону дробинки. В отчаянии я схватил его за бока и впился пальцами чуть ниже подмышек, куда мог дотянуться в своем незавидном положении.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Рамазанов конвульсивно задергался и завизжал, как баба. Я повалил его на бок и, сунув для верности кулаком в жирную харю, рванул в самую гущу битвы, где заметил Сашку.

Тот оседлал прыщавого Петьку, который был почти на голову выше моего друга, и отчаянно мутузил верзилу деревянной линейкой. Он каким-то чудом держался на Петькином загровке, как на необъезженном жеребце во время родео. Оторванный рукав Сашкиной рубахи трепыхался, словно знамя победы.

Воробей как раз замахнулся для нового удара, как случайный тычок в спину лишил Сашку его шаткого преимущества, и вот он уже лежал на полу, уворачиваясь от размашистых Петькиных затрещин.

Я шагнул на подмогу Воробью, но чья-то рука схватила меня сзади за шиворот. Не задумываясь, я развернулся и саданул со всего размаху по усатой роже. И тут же понял, что это рожа эта, не рожа вовсе, а лицо нашего учителя биологии — Василия Степановича. И лицо это было очень серьезным. Шея вся пошла красными пятнами. Рот Василия Степановича как-то уж очень широко открылся, и словно в замедленной съемке вырвался из этого рта низкий, гортанный вопль, больше похожий на рык разъяренного льва.

— А ну, всем стоять! Стоять, я сказал! — и мы остановились. Постепенно народ начал подниматься, отряхиваться и приводить себя в порядок. Я посмотрел на поле битвы. Оказалось, что драка растянулась на половину школьного коридора. За каких-то пять минут мелкая потасовка, центром которой был я, приняла масштабы стихийного бедствия.

Теперь все понуро стояли и слушали речь Василия Степановича о том, какие же мы мерзавцы. Однако мерзавцы эти, утолив жажду крови, переглядывались и улыбались друг другу. В эту минуту мы были в одной банде, все друг друга любили, и отчего-то безумно уважали. Я чувствовал нашу железобетонную сплоченность.

Биолог нес что-то про гуманность, человечность и разумность. Все слова слились в бесконечную нудную песню, которую мозг упорно отказывался переваривать. Наконец Василий Степанович иссяк, и все начали расходиться. Я хотел было отыскать Сашку, но огромная рука учителя вцепилась в мою выше локтя.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— А с тобой, Невинный, мы еще не закончили, — прошипел он у меня над ухом.

Василий Степанович отконвоировал меня в учительскую, где группа в строгих костюмах, галстуках и капроновых чулках обрушилась на меня лавиной упреков. Наверно, все учителя параллели собрались в этом просторном кабинете. Наталья Георгиевна была в первом ряду. Помедлив секунду, я полез в сумку, достал тетрадь с домашним заданием и протянул ей.

— Вот наглец! — были мне наградой слова математички.

Ситуация накалилась до предела. Наконец один из учителей спросил:

— Вы звонили в Никитский?

— Да, — ответила директриса. — Юрий Михайлович будет с минуты на минуту.

Ну вот, мне конец! Опять новая школа, или даже новый детский дом... Эта мысль мгновенно привела меня в правильное настроение и помогла сосредоточиться. Нужно сделать все, чтобы им понравиться. И пусть здесь математичка, которая уже точно поймет, с кем имеет дело, мне плевать.

Я поправил челку, одновременно вглядываясь в учителей и выявляя их предпочтения. Почувствовал, как синяк под глазом стремительно побледнел. Царапины на шее и носу втянулись, будто их и не было. Я потер руки друг о друга, и ранки на костяшках пальцев мгновенно затянулись. Лицо зарумянилось. Глаза посветлели и увлажнились. Мои волосы были слишком темными. Сейчас бы подошел светло-русый, однако такая перемена была бы очень заметной. Придется оставить их как есть, но челку можно укоротить. Я быстро провел рукой, пропуская между пальцами пряди и одновременно втягивая волосы. Наталья Георгиевна злобно фыркнула, но что она могла сказать или сделать? “Посмотрите, он меняет свою внешность прямо у вас на глазах!” Кто в здравом уме поверит в это?

Я посмотрел ей прямо в глаза, соорудил раскаивающуюся мину, захлопал носом и каждую секунду был готов пустить слезу.

Глава 24

В комнате были только кровать, стул и стол. Выходить строго запретили, да я и не смог бы. Дверь заперта. Никто не должен был общаться со мной в течение трех суток. Пару раз в день приносили еду и выводили в туалет под конвоем. На всякий случай дали горшок, как будто думали, что я в самом деле захочу им воспользоваться. Развлекаться и бездельничать не разрешалось. Я должен был самостоятельно заниматься по разным предметам и сделать кучу упражнений из учебника. Короче, устроили мне тюремное заключение. Что и говорить, за два дня в школе мне удалось проштрафиться по полной программе — уйти с урока на глазах у всего класса, дерзить, стать причиной массового побоища и даже ударить учителя. Меня обвиняли, ругали, увещевали, стыдили. Каждый преподаватель считал своим долгом прочесть нравоучительную лекцию. Юрий Михайлович молчал и все больше хмурился. Я же выглядел очень жалко, хлюпал носом, хлопал длинными ресницами и бесконечно извинялся.

Но это не помогло... Все, казалось, поверили в мое раскаяние, но тут вступила математичка. Целую лекцию прочитала, почему таких, как я, надо выгонять из школы. Лишь только паучиха начала говорить, все учителя будто скукожились. Никто и слова вымолвить не смел. Даже директриса поджала хвост. Вся учительская заполнилась липкими вонючими волнами страха. Неужели такими отбросами можно питаться?

В итоге назначили педсовет на следующий понедельник. И если там будет математичка, меня точно выгонят из школы, каким бы абсурдным не был повод.

Устроить мне домашний арест — тоже было идеей математички. Она не напрасно подозревала, что и мне нужна энергия. А если я буду сидеть взаперти, то останусь голодным. Но ничего, три дня-то я уж выдержу. Меня сейчас больше беспокоило то, что Надя не сможет найти меня здесь. Надо же быть таким идиотом, чтобы забыть карманное зеркало в спальне!

Я нарезал круги по комнате, как слон по одной и той же траектории. Она появилась через несколько часов, когда я уже почти отчаялся увидеть ее в зеркале над умывальником.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Почему ты здесь? — накинулась она. — Я искала тебя в спальне, в душевой, в общем холле, в столовой — почти все зеркала в Никитском проверила!

— Ну...

— Где твое карманное зеркало?

— Я забыл его в школьных брюках, — в ту же секунду я оказался у зеркала.

— Что ты здесь делаешь? — настаивала Надя.

— Ну... опять наказан, — ответил я, разводя руками и стараясь улыбнуться невинно, как младенец. — Меня заперли тут на три дня. Так что можешь приходить в любое время.

— Что ты опять натворил? — она строго посмотрела на меня. — Боже, что это? — Я почувствовал прохладные кончики пальцев там, где совсем недавно был синяк. Досадно, что теперь от него осталась мелкая ссадина.

— Неважно, — сказал я небрежно.

Она посмотрела мне в глаза, и сквозь мину сочувствия пробилась легкая улыбка:

— Ну, ты герой... — от этих слов и от ее пальцев, все еще ласкавших мою щеку, что-то сжалось внутри и поползло вниз живота. Я попытался поймать ее руку, но лишь воздух прошел сквозь пальцы. Мне непременно нужно было сейчас ее почувствовать. Так сильно, как будто от этого зависела жизнь. Я протянул вперед ладонь, и Надя тут же поймала ее в отражении. Моя рука заскользила выше и выше, чувствуя под собой локоть, плечо, на секунду задержалась возле мочки уха, и вот уже ее лицо в моих горячих ладонях, и ее прохладные губы наконец встретились с моими.

Я знаю, тот миг в ее объятиях останется со мной навсегда. Он, как точка отсчета, безвозвратно изменившая мою жизнь. Я чувствовал, что теперь способен на что угодно, лишь бы не потерять ее. Внезапно она стала самым необходимым и единственно важным во всей вселенной. Я понял, что обрел себя таким, каким всегда хотел быть, будто нашел потерянное когда-то. В ней я обрел свою душу.

Мы стояли молча, крепко прижавшись друг к другу. Казалось, мы знали друг о друге так много, гораздо больше, чем все остальные люди могут знать о нас.

— Как странно, — оборвал я тишину, — обнимаю воздух и чувствую тебя.

Глава 25

Это были самые счастливые три дня моей жизни. Большую часть времени Надя проводила со мной, уходя ненадолго лишь для того, чтобы я мог заняться уроками. Мы болтали обо всем на свете. Надя рассказывала о своих путешествиях, о разных людях и городах, о своих родителях, о проблемах и вещах, которые ее волновали.

— Друзей из класса у меня никогда не было, — начала она, когда я осмелился спросить про школьный бойкот. — Ну, просто скучные они там все! О чем с ними говорить? Вот с Викой, например? Восхищаться ее новыми туфлями, которые привез крутой папочка из заграничной командировки? Тырить у родителей сигареты я не умею, тем более мои не курят. Сидеть с ними в кафе после уроков денег нет, а быть шестеркой за кусочек шоколадки я не собираюсь. В общем... не было у нас никогда ничего общего. Но как-то они терпели меня, особо не донимали. А тут эта выставка городская. Надо было что-то нарисовать. От каждой школы брали по одному рисунку. Кто хотел поучаствовать, принесли в школу свои работы. Вика у нас тоже типа рисует. Приперла огромный холст. Чего-то там маслом было намалевано, — Надя криво ухмыльнулась. А я вспомнил как заносчиво вела себя с Надей Вика. — Ну, в общем, выбрали, конечно, мою картину. А ей сказали, что масла много, а толку мало. Да еще объяснили популярно, почему моя работа лучше. Вот тут они всей толпой начали меня травить.

— А учителя, почему они не вмешиваются?

— Вика отличница, и папа у нее в мэрии сидит...

— Понятно. А тот случай, в раздевалке?

Надя отстранилась и отвернулась от меня. Она молчала. Потом выдохнула:

— Да, было такое. Я просто устала от них. Ты знаешь, сколько времени я провела в этой раздевалке? Или туалете? Или в каморке со швабрами?... Сколько раз они тащили меня

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

куда-нибудь, устраивали темную, а потом запирали. Я должна была что-то сделать, и сделала... — сказала она твердо и посмотрела на меня. — И я совсем не жалею. Пусть лучше считают меня опасной и чокнутой, чем тряпкой...

— Это скучно все, — Она встряхнула плечами, будто сбрасывая груз. — Расскажи лучше что-нибудь о себе.

И я раскрылся перед ней, как мог. Я чувствовал, что просто обязан быть честным с ней. Я пытался рассказать все, и несколько раз слова готовы были сорваться с языка, но в последнюю секунду что-то мешало.

— Я должен сказать тебе, что не самый хороший... человек, — попробовал начать я.

— Знаю, — ответила Надя.

— Что именно?

— Вот хотя бы это... Ты всегда выглядишь испуганным, стоит мне сказать, что я все про тебя знаю, — я отвел глаза и заставил себя улыбнуться.

— А еще потому, — продолжала Надя, — что ты так и не извинился за тот поступок в школе.

— Я извинился, но ты не слышала. Я просил прощения каждый раз, когда приходил навестить тебя в больницу. Прости меня! — я протянул к ней руку, и она приняла ее. — Но быть таким, как я, непросто. Станных люди не принимают. Их боятся или ненавидят. Я не могу доверить свой секрет каждому.

Надя приложила палец к моим губам.

— Мне это знакомо, и я давно не сержусь на тебя, — сказала она. — Давай забудем об этом навсегда? Ты мне сможешь забыть? — она улыбнулась самой лукавой из своих улыбок, той самой, от которой мурашки бежали по коже.

— Конечно, — я потянул ее к себе. — Иди сюда...

Этим обычно все и заканчивалось. Став для своей любимой сверхчеловеком, супергероем, мне так хотелось продлить момент триумфа. Слишком сложно было добровольно сойти с пьедестала. Как мог я разочаровать ее? Где мне было найти слова, чтобы

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

правильно объяснить, какой ценой достаются мне способности? Она же не задавалась подобными вопросами. Для нее открытием была она сама и ее возможности. Мир для нее в одночасье стал в сотни, тысячи раз шире и многообразнее, чем она когда-либо могла себе представить. В нем появились новые цвета и оттенки, одним из которых был я. Она приняла меня как данность, как новое условие своего нового мира. Убедив себя в том, что правильный момент еще не настал, я отложил признание на потом. Я не понимал тогда, что подобные тайны всегда всплывают в самый неподходящий момент.

Зеркало над умывальником я поставил на стул возле кровати, чтобы нам было удобнее сидеть вместе.

— Завтра тебя отпустят, да? — спросила она на исходе третьего дня.

— Ага, — грустно отозвался я. — Опять придется вернуться в свою комнату, и мы уже не сможем целыми днями быть вместе. А в понедельник я пойду в школу.

— Но ведь я собираюсь выйти из зеркала завтра, — она улыбалась мне.

Я совершенно забыл, что именно благодаря мне Надя согласилась пойти в больницу в эту субботу и попытаться вернуться в свое тело.

— Я вернусь домой и тоже начну ходить в школу, мы будем видеться каждый день.

Нет!

— Ты уверена, что хочешь назад? — спросил я серьезно.

— А разве ты не хочешь? — она с удивлением отстранилась. — Сейчас ты даже прикоснуться ко мне не можешь самостоятельно.

— Меня и так все устраивает, — поспешил я с ответом. — И потом, ты сама говорила, что тебе гораздо интереснее в зазеркалье. Теперь мы вместе, и ты больше не будешь скучать.

— Я протянул ей руку. Она промедлила пару секунд, показавшиеся мне бесконечными, но все же вложила свою прохладную ладонь в мою. Я потянул ее к себе, тесно обнял и зарылся носом в шелк ее волос. Мне так не хватало ее запаха.

— Тим, мне нужно вернуться. Мои родители... Я себе представить не могу, как они переживают и как скучают по мне. И я тоже скучаю.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Но ты можешь приходить к ним в гости, — я хватался за последнюю соломинку.

— Знаешь, в моем зазеркальном мире, — она запнулась, — тут стало как-то неуютно... Сегодня я заметила, как вдалеке рушится башня. А до этого обвалился один из переходов. Рыбки в розовом фонтане временами застывают, как будто во льду... И ничего нового больше не появляется. Такого еще не было. Я чувствую, что должна вернуться. Ты понимаешь? — я увидел страх в ее глазах, и сам занервничал.

— Все будет хорошо. Я помогу тебе!

Глава 26

Утром перед завтраком воспитательница выпустила меня на волю.

Я готовился к неизбежному, к тому, что нашей с Надей дружбе сегодня придет конец. Трудно было поверить, что совсем недавно я прекрасно обходился без нее. Как стремительно все переменялось. Когда успела она заменить все самое главное, что когда-либо было и, возможно, будет у меня? Будто планета поменяла полюса.

Ведь я действительно люблю ее. И если это так, я должен найти силы положить конец нашим отношениям, а вместе с ними и всему, что теперь есть важного в моей жизни. С самого начала я догадывался, куда могут привести эти чувства. Видит Бог, я сопротивлялся, как мог, но сдался, потому что не мог не сдаться. Будет больно, но мне не привыкать. Надеюсь, Надя и сама очень быстро поймет, что с такими, как я, лучше не связываться. Тогда ей будет легче отпустить меня.

В больницу я приехал к обеду, так мы договорились с Надей. Мне казалось, что я не был здесь целую вечность, столько всего произошло за последнее время. Вот он, знакомый мне третий этаж и палата номер восемь. К своему удивлению, я заметил постороннего мужчину на больничном диванчике. Мужчина непринужденно читал газету, то и дело переворачивая и встряхивая непослушные страницы. Незнакомец посмотрел на меня поверх газеты и спросил:

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Ты к кому?

Голос его был спокоен и не выражал никаких эмоций.

— Я Надю проведать... А вы, собственно, кто?

— Дядя.

Я с подозрением окинул его взглядом. Действительно, он был высокого роста, и плечи имел шириной с платяной шкаф, но на этом сходство с Надиным папой заканчивалось. Нос у “дяди” был картошкой, губы растянулись тонкой нитью, а заплывшие узкие глаза не вызывали доверия. На маму Нади, привлекательную брюнетку с правильными чертами лица, он тем более не походил.

— А Надины родители где?

— Обедают, — так же спокойно ответил незнакомец.

— Я пройду? — я почувствовал, что должен получить дозволение у этого сфинкса.

— Валяй, — буркнул он и опять уставился в газету.

Без лишних слов я проскользнул в палату. Не успел войти, как внутри все затрепетало. Я был чертовски голоден и только сейчас понял насколько. Три дня взаперти дали о себе знать. Несколько секунд я не мог пошевелиться и застыл, привалившись к стене. Когда же туман начал рассеиваться, я почувствовал отвращение к самому себе. Боже, на что я надеялся?

Я с детства знал, что обречен на одиночество. Никогда не забывал, кто я и на что способен. В ушах в тысячный раз звенели вопли отца: “Он монстр, он убил свою мать!”

Сколько мне тогда было? Два? Три? Я был ребенком, который и шнурки сам не мог завязать, но оказался способен убить... Теперь же мои силы возросли.

Сегодня Надя вернется, а я и минуты не смогу пробыть с ней рядом. И даже если я убегу сейчас, она будет искать встречи завтра, через неделю, месяц... Она сделает все, чтобы быть со мной и погибнуть. И я буду этому свидетелем. Мало того, я сам убью ее... Нужно попрощаться прямо сейчас.

Я подошел к кровати, где все так же тихо лежало ее тело. Какое-то время я просто

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

стоял и смотрел на нее. А потом наклонился и первый раз почувствовал тепло ее губ на своих губах, первый раз вдохнул аромат ее волос, ощутил тепло и нежность кожи на щеке. Она не проснулась. Глупо было ожидать, что поцелуй вампира разбудит ее. В уголках глаз вдруг защипало. Хотелось кричать, хотелось разбить что-нибудь! Ну как мне от нее отказаться?! Не помню, когда я искренне плакал в последний раз. В детском доме быстро от этого отучаешься. Ну все. Довольно! Пора действовать.

Я растер слезы по щекам, достал из кармана зеркало и позвал Надю. Она появилась сразу.

— Привет! — она улыбнулась, и внутри все задрожало.

— Мне показалось, или ты сейчас что-то делал с моим телом?

— Привет! — я почувствовал, как пылают щеки. — Думал, вдруг очнешься... Как ты увидела?

— Да мало ли тут блестяшек, — она заулыбалась еще шире. — Сказок обчитался, прекрасный принц? — вдруг ее улыбка потускнела. — У тебя глаза красные. Ты в порядке?

— Да... Простыл немного, кажется. Неважно... Ну что, ты готова?

— Я не знаю, — она развела руками. — Что я должна делать, как думаешь?

— Ну, сначала установим зеркало, — я поставил стул напротив кровати и укрепил на нем зеркало так, чтобы Надино тело отражалось целиком.

— Ну вот. Теперь можешь попробовать выйти.

Я наблюдал за ней в отражении. Надя смотрела на свое тело и выглядела испуганно.

— Это ужасно, — вырвалось у нее. — Как будто на собственных похоронах. — Она подошла к кровати и села на краешек. Потом протянула руки и взяла в них ладонь лежащей неподвижно девочки, как две капли воды похожей на нее. Это было очень странно. Надя в реальном мире зашевелилась и подняла руку. Рука повисела в воздухе пару секунд и вяло упала на кровать.

— Ты что-нибудь чувствуешь? — спросил я с надеждой.

— Ничего, — в ее голосе слышалось замешательство. — Она как чужой предмет, как

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

мертвец... Тим, я не знаю, как мне вернуться в это тело. — В ее глазах стояли слезы.

— Подожди, ну, не расстраивайся. Подумай хорошенько, когда ты уходила в зазеркалье, что ты делала?

— Я стояла рядом с зеркалом, долго смотрела в него. Потом увидела рябь на поверхности, шагнула вперед и не почувствовала никакой преграды перед собой. Просто переступила раму и пошла.

— Может быть, зеркало слишком маленькое?

— Я не знаю... — Мы оба были растеряны.

— Ты знаешь, твои родители несколько раз упоминали о зеркале. Стас принес его сюда, и оно долго стояло у изголовья кровати. Наверно, это было то самое зеркало, через которое ты попала на ту сторону. Его кто-то украл в новогоднюю ночь, и твои родители были очень расстроены. Я бы даже сказал, они были убиты горем, как будто боялись, что никогда не увидят тебя. Возможно, чтобы вернуться, тебе нужно именно то зеркало?

— Ничего другого, кажется, не остается. Я пробовала выйти много раз. Теперь рядом мое тело, но я не чувствую между нами никакой связи. Я не могу выйти! — Она походила сейчас на грустного мима, который показывает номер с невидимой преградой.

— Мы найдем это зеркало, — сказал я решительно и протянул вперед руку. Но Надя проигнорировала мой жест, продолжая ощупывать поверхность зеркала с той стороны. Ее движения все ускорялись, и я начал замечать отчаянный огонек в ее глазах.

— Надя, дотронься до меня! Сейчас же дотронься до меня! — я не знал, что мне сделать, как успокоить ее. — Послушай, остановись! Остановись! Я люблю тебя... Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!

И она услышала. Я понял, что совершил еще одну ошибку, но было уже поздно. Она подбежала к моему отражению, обняла и крепко прижалась. А я гладил ее волосы и целовал невидимые щеки.

— Я тоже, тоже тебя люблю, — повторяла она.

— Я найду это зеркало! Слышишь, не плачь. Ты обязательно выберешься.

Глава 27

Мы расстались до того, как пришли ее родители. Она сказала, что слишком расстроена сейчас и не хочет предстать перед ними в таком состоянии. Я тоже боялся выдать волнение, поэтому поспешил уйти. Тип возле двери в палату проводил меня подозрительным взглядом.

Я шел к трамвайной остановке тяжелой поступью, желая втоптать в снег свои сумбурные мысли и чувства. Подавленность Нади, ее страх навсегда застрять по ту сторону передались и мне. Кто знает, сможет ли ее заплутавшая душа найти дорогу домой. Возможно, счет идет на дни или часы, а может, точка возврата уже пройдена. Кто мог похитить зеркало, и каковы наши шансы вовремя отыскать его в этом большом городе? Но самое омерзительное, что в глубине души я ликовал нашей неудаче и ждал новой встречи с Надей. Я ненавидел себя за это, но счастье увидеть ее снова и почувствовать ее прохладные губы на своих невозможно было загасить ничем.

Надо во что бы то ни стало найти это зеркало!

Я ходил по заснеженной остановке взад и вперед, прокручивая в голове все, что знал о нем.

Итак, я помнил, что зеркало было самое обычное, примерно в человеческий рост, довольно узкое, в простой коричневой раме. Такое без труда можно найти в любом мебельном магазине. На этом все. Элементарно, Ватсон!

Я нервно топтал подтаявший снег. Неожиданно из-за поворота показалась “газель”. Грязный фургон ехал прямо по узкой трамвайной колее.

С ума все походили, что ли? Когда трамвай-то будет?

Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, я зашел под козырек и начал читать частные объявления, приклеенные как попало на внутренней стене остановки. “Сдается однокомнатная квартира с мебелью, район Черемки”. Отрывная бахрома объявления с номерами телефонов уже хорошо поредела. “Продаем щенков немецкой овчарки. С родословными, от хороших родителей”. Несмотря на умильную фотографию

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

толстолапых щенков, отрывных полосок с телефонами оставалось еще много. “Продаем картошку за...” Почем продавали картошку, я так и не узнал. Кто-то с силой схватил меня сзади за капюшон и дернул назад. Я вскрикнул. Не успев опомниться, я оказался в чьих-то цепких руках. Небо над головой метнулось в сторону и превратилось в низкий потолок фургона с тусклой лампочкой. Все произошло так быстро, что мысли о картошке еще не выветрились из головы. За каких-то пару секунд я оказался зажатым между двух мужиков в черных вязаных масках.

Лязгнула закрываясь дверь, и машина начала набирать ход.

— Знаешь, что это такое? — спросил здоровяк, тыча мне в лицо железякой, напоминающей дубинку. Он дышал тяжело и сипло. От него кисло воняло потом.

Я мотнул головой.

— Электрошокер. Ты ведь не хочешь увидеть небо в алмазах?

Я опять замотал головой.

— Сиди смирно и не дергайся, — сказал второй, метнул на меня агрессивный взгляд и отвернулся. В прорези его маски я успел разглядеть узкие глаза азиата. Этот был подтянут и казался гораздо моложе своего напарника.

Машина ехала ровно, временами притормаживая на поворотах и разгоняясь снова. Меня колотило мелкой дрожью. Я даже приблизительно не мог догадаться, в каком направлении мы едем. Окон в фургоне не было. Между водительским сиденьем и кузовом стояла глухая перегородка.

Время тянулось мучительно долго. В голове мелькали сценарии из фильмов про бандитов. Пара мордovorотов хватает журналиста и увозит в заброшенный дом, чтобы пытать током. Честного мента пихают в машину средь бела дня и везут на заброшенный пустырь, чтобы... Из водительской кабины послышалось:

— Приехали! Разгружаемся!

Я громко сглотнул.

Мужики засуетились. Азиат вытащил из куртки черный мешок и придвинулся ко мне:

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Если орать не будешь, не тронем. Понял? — его узкие глаза нервно бегали.

— Да, — как будто у меня был выбор.

Азиат встряхнул, расправляя, мешок и одним движением нахлобучил его мне на голову. Я почувствовал, как все те же цепкие пальцы застегивают на моих запястьях наручники. Заскрипела дверь “газели”, и меня подтолкнули вперед. Я кое-как выбрался из салона и тут же чуть не упал. Двигаться вслепую со скованными руками было очень тяжело. Мешок не пропускал свет и жутко вонял табаком.

Я не выдержал и чихнул.

— Не тормози, пацан, пошевеливайся!

Снег перестал поскрипывать под ботинками. Должно быть, мы вошли в помещение.

Каждый шаг теперь сопровождал гулкой звук, какой обычно бывает, когда идешь по длинному коридору. С полминуты мы продвигались вперед, а потом остановились. Меня развернули и уперли лицом к стене. Сквозь грохот собственного сердца я услышал жужжание лифта. Сильные руки подхватили за локти и затащили в кабину. Лифт дернулся и заскользил вниз.

У меня начали подкашиваться ноги. Значит, опускаемся в подземелье. Никакой возможности подать сигнал или выбраться в окно. Нет смысла кричать, звать на помощь. Зачем я им сдался?!

Короткий рывок, скрип разъезжающихся дверей, и опять поволокли куда-то. Наконец, лязгнул железный затвор. Я почувствовал, как руки освобождают от наручников и срывают с головы мешок, но успел заметить лишь силуэт в двери, которая немедленно закрылась. В комнате темно, хоть глаз выколи. На потолке загорается тусклая лампочка, помещая меня в новую незавидную реальность.

Глава 28

Вот уже больше часа я сидел на грубых нарах, вжавшись спиной в угол комнаты.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Правда, и комнатой это помещение не назовешь. Скорее, камера бункера размерами три на четыре. Без окон, стены облицованы железом. Посредине железный стол с маленьким телевизором. Возле стола железный стул, намертво привинченный к полу. В углу жестяной умывальник, и рядом желтый унитаз без стульчака. Вход в камеру закрывала железная дверь с двумя сквозными отверстиями: на уровне глаз и возле пола. Обе щели наглухо закрыты перегородками. Я тщательно обследовал их несколько минут назад. Убежать через них, конечно, невозможно, но, будь они открыты, я мог узнать хоть немного о том месте, где оказался.

Мысли, как грозовые тучи, клубились в голове, и я то тряся от страха, то в бессильной злобе кидался на равнодушное железо и орал во все горло. Я не мог поверить, что это случилось со мной. Ведь такие, как я, не нужны никому, зачем меня похищать? У меня нет богатых родителей, да и вообще никаких родственников. Значит, денег с меня точно не поиметь. Но что тогда? От новой мысли перехватило дыхание.

— На органы разберут, — прошептал я и почувствовал, как защипало глаза.

Я зажмурился, глубоко вдохнул и выдохнул.

Так, спокойно, не пори горячку. Может, кто-то видел, как меня похитили? Случайный прохожий или бабулька, скучающая у окна.

Будь оно так, кто-нибудь сообщил бы в милицию и меня попытались бы освободить еще по дороге. Но сирен я не слышал.

“Газель” наша ехала спокойно, не превышая скорости. Оставалось только надеяться, что в детдоме спохватятся и организуют поиски. Черт! Но кто же станет искать детдомовского в первые сутки? Дети из детских домов — как коты, гуляющие сами по себе: захотели пришли, захотели ушли, захотели пропали на неделю, а потом вернулись грязные и оборванные. Спроси их, где они были, а в ответ услышишь только пару матерных слов. Побéги у нас в порядке вещей. Я был не из таких, и, возможно, кто-то вспомнит обо мне и забеспокоится.

Стало холодно, и я завернулся с ногами в серое шерстяное одеяло, которое нашлось

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

тут же на кровати. Сколько еще ждать, и чего, собственно, ждать? Я устал думать и впал в тупое забытие.

Меня разбудило шипение телевизора. Я открыл глаза и вздрогнул. В первую секунду показалось, что транслируют новости. Однако диктор молчал и выглядел крайне странно. Черты лица смутно кого-то напоминали, но спросонья я не мог разобрать, кого именно. Бесформенная масса лица, прорезанная глубокими морщинами, огромная нижняя губа, большущий нос с черными дырками ноздрей, густые черные брови и маленькие щелочки глаз, теряющиеся в складках желтовато-серой кожи. Прошло несколько секунд, прежде чем я окончательно проснулся и осознал, что на человеке маска. Это была маска Брежнева. Человек только и ждал, когда я приду в себя:

— Здравствуй, Тимофей, — голос у него был грубым и механическим, как в той передаче по НТВ, где свидетель, не желая быть узанным, сидел спиной к камере, и голос его звучал так же ненатурально, как у этого типа. — Я вижу, ты уже обосновался, гнездышко свил. Не возражаешь погостить у нас какое-то время? Надеюсь, тебе будет удобно, и скучать мы тебе не дадим.

— Кто вы?

— Вопрос неверный! Любопытному на днях прищемили нос в дверях... — хлюпающий звук донесся из-под маски, и я понял, что человек смеется.

— Что вам от меня нужно?

— А ты парень не промах, да? Куй железо, не отходя от кассы. — И маска опять захлюпала.

Может, этот тип просто псих? Что если ему хочется поиздеваться, насытить свой больной мозг извращенными впечатлениями? Тогда мне не на что надеяться.

— Давай все-таки не будем торопиться. Ты — наш гость. Как там говорится, “Прежде чем с вопросом лезть, дай поспать и мяску съесть”. Поспать ты уже успел. Теперь же время отужинать. Возле двери ты найдешь поднос с местными деликатесами.

Под дверью действительно стоял поднос. Я подошел и сел на корточки.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

“Деликатесами” оказалась вареная картошка и две тощие сосиски в лужице кетчупа. В жестяной кружке мутнела жидкость, смутно напоминающая чай. Рядом лежали два листа бумаги и шариковая ручка. Это еще зачем?

— Наслаждайся ужином, дорогой. У нас будет к тебе только маленькая просьба. Перепиши текст, который ты найдешь на подносе, на чистый лист слово в слово.

Я поднял распечатку и прочитал следующее:

“Как вы меня все достали, лохи! Я уезжаю к троюродной тетке в Шалаево. Она меня любит, и давно звала к себе. Надеюсь, никогда вас больше не увижу! И не надо меня искать. Если вы думаете, что я обманул про тетку, можете сами ей позвонить (55-18-78). Она с удовольствием пошлет вас куда подальше”.

— Не забудь подписаться, дорогой, — сказала мне маска Брежнева из телевизора. — Слово к делу не пришьёшь...

— Я не буду этого переписывать!

— Не нужно строить из себя героя, мальчик. Пока я прошу тебя по-хорошему, пользуйся моментом.

— Зачем это похищение? Вы знаете, кто я, и что выкупа за меня вы не получите. Так в чем смысл?

— Послушай, дорогой, я вижу, ты не из трусливых и можешь долго упрямиться. А время — деньги, как говорится. Поэтому я не буду ломать перед тобой комедию, и сразу расскажу кое-что. Так вот, у нас зеркало... — Меня словно ледяной водой окатили.

— Да-да, — продолжал мерзавец, механически хрюкая от удовольствия. — То самое зеркало, через которое твоя подружка ушла в отражение. Она уже не раз пыталась выбраться наружу. Верно? Но ничего не получилось. И не получится, будь уверен.

Моментально все стало гораздо сложнее, чем я мог представить.

— Так вот, драгоценный предмет у нас, и с ним может случиться непоправимая неприятность, если мы не договоримся по-хорошему.

— Я не понимаю, о чем вы говорите....

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— А вот этого не надо. Чем дольше ты будешь играть в игры, тем хуже будет и тебе, и ей.

Я открыл и закрыл рот, не зная, что добавить. Зеркало у них? Но зачем? Кто они? Что я здесь делаю?

— Дорогой ты наш Тимофей! — сказал нараспев человек в маске. — Времени у нас с тобой вагон и маленькая тележка. Койко-место тебе обеспечено. Мы люди гостеприимные. Сколько бы у нас не гостил, мы тебе всегда рады. Однако, как думаешь, как долго твоя подружка будет скакать из отражения в отражение? Тело без души — мертвое тело...

Я вздрогнул. Что он такое говорит?!

— Что я должен сделать?

— Ну вот, другое дело, — Брежнев довольно крикнул. — А то валяешь тут передо мной Ваньку.

— Я не сделаю ничего, что могло бы навредить ей, — сказал я решительно и сам себе удивился.

— Конечно-конечно, дорогой. Именно этого мы и ждем. Ты все сделаешь правильно.

— И покажите мне зеркало! Я должен быть уверен, что оно действительно у вас.

Несколько секунд он размышлял.

— Мы обсудим это позже, — заключил он, — когда ты перепишешь приготовленный текст. Услуга за услугу, дорогой.

— Хорошо... Меня и так искать не будут.

Но это было неправдой. И похитители прекрасно об этом знали.

— Вот и ладненько, дорогой. Перепиши и положи на поднос. Завтра мы продолжим разговор.

Телевизор отключился, и мерзкая рожа Брежнева пропала с экрана. Я сел на кровать, подтянул колени к подбородку и обхватил их руками. Меня трясло. Хотелось закричать, разбить ненавистный телевизор, сделать хоть что-нибудь. Но лучшее, что я мог сейчас — это держать себя в руках и терпеливо ждать. Я потянулся за бумагой и карандашом. Переписал

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

записку и бросил ее на поднос.

Нужно сейчас же связаться с Надей и предупредить ее. Я полез в карман за футляром, но как только зеркало оказалось у меня в руках, свет в камере погас. Я стоял в кромешной темноте. Конечно, похитители наблюдали за мной. Они не позволят сделать ни одного лишнего движения.

Глава 29

Я метался по комнате, получая ссадины и тумачи от молчаливых стен. Ударившись коленом о ножку стола, я рухнул на кровать и, уткнувшись лицом в подушку, заорал во всю мощь легких. Я в ловушке! Меня не найдут, и даже искать не будут! Что с нами будет? В голове промелькнул недавний разговор с Надей.

— Тим, а что случилось с твоими родителями?

— Родители... они умерли, — хотелось ответить так, словно это уже давно пережитое и забытое прошлое. Но я задохнулся на первом же слове, и получилось совсем неубедительно.

— Как это произошло?

— Мама заболела и умерла вскоре после моего рождения. А отец... Он сошел с ума от горя и умер через три месяца после мамы.

— Как же ты совсем один?...

— А я не один. Я с тобой...

Я нужен ей. А если буду истерить, кому и чем это поможет? Надо успокоиться и подумать. Надо взять себя в руки!

Глава 30

Не знаю, сколько я пролежал, не сомкнув глаз в полной темноте. Время тянулось, словно смола. Казалось, я бесконечно долго бреду в пустоте, пытаюсь найти хоть какой-то

ориентир.

Внезапно тысячи блестящих иголок впились в глаза. Я проснулся. Яркий свет заливал камеру. Телевизор на столе шипел, мигая черно-белыми полосами. Сквозь помехи прорывалась картинка.

— Ну что же, здравствуй-здравствуй, — Брежнев приветливо махнул мне рукой.

Не обращая внимания, я встал с кровати и направился к умывальнику.

— Ты пойми, дорогой, участь твоя может быть очень незавидной. Поэтому давай-ка будем сотрудничать.

Я повернулся к унитазу, расстегнул штаны и долго и задумчиво мочился. Затем вымыл руки и не спеша направился к телевизору.

— Вы мне зеркало покажите, тогда и поговорим.

Я прочистил горло и постарался принять самый наглый вид.

— Услуга за услугу, как я и сказал, дорогой, — прогундела маска, динамики защелкали.— Зачем нам друг друга обманывать?

Нет, они не блефовали. Камеру повернули, и на экране возникло то самое зеркало. В человечески рост, в коричневой раме. Самое обычное на первый взгляд.

— Надеюсь, ты удовлетворен теперь?

— Что вам от меня нужно?

— Какой же ты некомпанейский, Тимофей. Скучно с тобой, ей-богу. Ну что же, — маска вздохнула, — для начала нам нужно, чтобы ты вызвал Надю. Есть дело к вам обоим.

— Это еще зачем?

— Просто делай то, что тебе говорят.

— Послушайте, мы так не договаривались...

— Пацан, я тебе не заводной клоун, чтобы повторять одно и то же по триста раз, — голос человека под маской резко потерял наигранное радушие. — Делай что говорят, или у тебя появятся серьезные проблемы.

Я тщетно пытался придумать хоть что-нибудь, чтобы не прогнуться перед этим

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

говнюком. Но Надино зеркало было в их руках, а значит, и моя судьба тоже.

Я вытащил из кармана футляр и достал зеркало. И секунды не прошло, как в нем появилась Надя.

— Тим, где ты был? Я жду-жду, а тебя все нет!

— Здравствуй, Наденька, здравствуй, милая! — завопил псевдо-Брежнев.

— Тим, это кто с тобой?

Я повернул зеркало так, чтобы в нем отражался не только я, но и телевизор с ненавистной мне рожей.

— Надя, меня похитили.

— Тебя что?

— Они подкараулили меня на остановке...

— Девонька, давай-ка я тебе сам все объясню. Все дело в том, что мы пригласили Тимофея в гости посмотреть на зеркало — очень важное и нужное для тебя зеркало...

— Да пошел ты! Надя, они меня похитили, и у них есть зеркало!

Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами.

— И что же делать? — тихо спросила Надя.

— Успокойся, Надюш, сейчас мы все объясним, расставим по полочкам и завяжем шелковой ленточкой.

Меня затошнило.

— Так вот, ребятки, выкуп за вас мы действительно не получим. С детдомовских денег, как с козла молока... Да и твои родители, Наденька, не миллионеры. Поэтому, ребятки, придется отработывать. Как сказал незабвенный Матроскин: “Совместный труд, для моей пользы, он облагораживает...”. Мультики-то смотрите, а? Да... — из динамиков опять послышалось искаженное горловое хлюпанье. Мне сильно захотелось вмазать по хрюкающей харе.

— На повестке дня у нас, детки, ограбление банка. Вы сами заработаете себе выкуп.

У меня отвисла челюсть.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Но не пугайтесь, мы вас не бросим на произвол судьбы. Будем помогать и наставим, так сказать, на путь истинный.

— Вы что, хотите, чтобы мы с Надей ворвались в банк и, размахивая пистолетами, похитили наличку?

Брежнев расхохотался.

— Каким же ты забавным можешь быть, Тимка!

— Нет, конечно, — отсмеявшись, продолжил он. — Так мы и сами с волосами. Мы будем действовать изящнее. Наша цель — депозитарий банка Глобал. Слышали про такой?

Мы кивнули. Трудно было не знать один из самых крупных банков страны.

— В центральном хранилище этого банка спрятаны несметные сокровища, — вещал Брежнев, как будто рассказывал о пиратском кладе. — Нужно только узнать, какие именно ячейки стоит вскрывать. Ведь нас не интересует всякий хлам. Нам нужны золото, валюта, бриллианты, а также предметы искусства, коллекционные марки, нумизматика, ценные бумаги и документы. Нам очень повезло, Наденька, что ячейки из нержавеющей стали. Дверцы ячеек отражают не хуже зеркал. Все просто! Загорается свет, значит, клиент пришел проверить свой сейф. Ты незаметно выходишь в отражение, запоминаешь номер ячейки, ее содержимое, и, самое главное, индивидуальный идентификационный код клиента.

— Запоминаю что? — растерянно переспросила Надя.

— Идентификационный код, — сказал он, будто маленькому ребенку, — Это пароль. Не очень длинный, всего несколько символов. Не волнуйся, там все просто. Тебе все ясно, дорогая?

-Кажется, да, — ответила Надя. Она выглядела растерянной. Я и сам был напуган и сбит с толку. Ограбление банков? Какого черта? Человек в маске говорил с такой уверенностью, будто знал о нас все и читал наши мысли.

— Ну, вот видишь, как замечательно! Сразу все понятно.

Как бы мне хотелось сейчас выключить это абсурдное шоу.

— Теперь, что касается тебя, Тимофей. Для такого особенного мальчика у нас тоже

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

будет задание. К сожалению, чтобы открыть ячейку, недостаточно знать электронный код. Нужен также универсальный ключ, который хранится в специальном сейфе банка, и к которому имеет доступ только ответственный работник. Когда ключ извлекают из сейфа, его пристегивают к руке с помощью цепочки и специального наручника. Таким образом, ключ никогда не выпускают из рук. Твоей задачей будет очаровать работника банка так, чтобы она или он, как повезет, дали тебе подержать ключ в руках. Пока ключ будет в твоём распоряжении, ты должен сделать оттиск для изготовления дубликата.

Я не верил своим ушам. Неужели он имеет в виду именно то, что сказал? Я должен “очаровать” работника банка?

— Послушайте, я не понимаю... Что значит, Тимофей очарует работника банка? Вы вообще о чем? — спросила Надя.

— Ах, деточка, ты все еще не знаешь, с кем связалась? — чавкающие звуки сыпались из динамиков. — Тимофей, как же так? Нехорошо обманывать таких наивных милых девочек. А мне на секундочку показалось, что ты слегка равнодушен к Наденьке. Признаться, ты меня шокировал в первую нашу встречу, когда проявил такую заботу о ней. Я было усомнился. Ведь такая искренность в голосе... Вижу, переживает, места не находит. А теперь, вот, пожалуйста, все встает на свои места. А я уж думал, мир перевернулся с ног на голову. Нет же, нет, все на месте! — и он расхохотался, запрокинув голову и оголив при этом тощую небритую шею.

Стало нестерпимо тошно от этого глупого спектакля, и я отвернулся.

— Наденька, милая, позволь мне тебя просветить и, так сказать, по-отечески предостеречь. Ведь Тимофей, он еще тот фрукт! Ничего хорошего от него не будет. Он ведь у нас что, он не человек, Наденька. А волк свинье не товарищ, знаешь ли. Ты и сама видишь, что мир гораздо сложнее, чем мы привыкли о нем думать. Милая, ведь ты уже не удивляешься тому, что особенная? — снисходительным тоном поинтересовался Брежнев. — Таких, как ты, называют “зеркала”. Очень способные люди, умницы! А таких, как он, — он ткнул в мою сторону, — называют вампирами. Но Тимофей у нас не из простых. Он не

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

какой-то там вампир страха, которых у нас, как собак нерезаных. Он — редкая птица в этих широтах, да и не только в этих, по правде сказать. Тимофей — “инкуб”. Иными словами, “вампир любви”. Слышала о таких? О них много всего известно еще с древних времен. Много не самого лестного, и в основном, правда... Для таких, как он, очаровать — это дело плевое.

Я видел, как меняется выражение Надиного лица. Она начинала понимать.

— Инкубы, они ведь питаются?... — спросила Надя растерянно, обращаясь уже ко мне.

— Любовью, Наденька! Они питаются энергией любви, — радостно воскликнул Брежнев. — Они иссушают своих жертв. Забирают у влюбленного в них человека все жизненные силы. А жертвы их — наивные милые девочки, вот как ты.

— Заткнись! — закричал, не выдержав, я. — Заткнись и убирайся! Надя, послушай...

— Ты убивал людей?... — спросила она бесцветным голосом.

— Нет!

— А твои родители, они тебя любили и...

— Нет!... Да... Но я бы никогда...

Она судорожно провела рукой по лицу.

— Это все? — спросила Надя холодно.

— Еще одно условие, дорогая. Ты, конечно же, понимаешь, что все наши совместные дела — это большая тайна. Никто, повторяю, никто не должен тебя видеть...

— Ясно, — сказала она и тут же исчезла.

Я в отчаянии повалился на кровать и закрыл голову подушкой.

— Тимка, не стоит так...

— Если ты не свалишь сейчас же, я разобью эту чертову штуковину, — прошипел я.

Видимо, в моих словах было столько ненависти, что телевизор сразу отключился, а еще через секунду погас свет в камере. Я остался один на один со своим отчаянием.

Узкое окошко внизу двери со скрипом приоткрылось, пропуская в камеру пучок

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

тусклого света. На полу возник поднос с едой, и все опять погрузилось в непроглядную темноту. О еде не хотелось даже думать. Я сполз на пол и наощупь отыскал кружку. Поднес ее ко рту и выпил все залпом.

Утолив жажду, я попытался в очередной раз прокрутить все, что произошло со мной и Надей с самого начала похищения.

Фургон, тип у дверей в палату, Брежнев... Нет, сначала был тип у дверей, а потом фургон с Брежневым. Что-то опять не то...

Мысли путались, и я встряхнул головой, пытаюсь сосредоточиться. В голове все поплыло. Я подумал, что у чая был какой-то странный вкус, и с этой мыслью вырубился.

Глава 31

Я проснулся на полу, стуча зубами от холода. Голова гудела, и каждое движение отдавалось острой болью. Как давно я в последний раз пополнял свои запасы энергии? Кажется, еще в больнице, когда пришел помочь Наде. А потом меня похитили прямо с трамвайной остановки. Когда же это было? Я уже не мог вспомнить. Время размазалось, как капля жира по стеклу.

Надя... Вот так все само собой и решилось. А я боялся, что мы не сможем расстаться. В какой-то момент мне начало казаться, что мы намертво приклеились друг к другу. И отодрать нас уже невозможно, только с мясом. Но все-таки это произошло.

Вера в чудесное будущее капля за каплей покидала меня. А была ли эта вера, была ли надежда? Теперь я помнил только сомнения.

Что же, пусть так и будет. Надя решила, что ее чувства ко мне — всего лишь очарование вампира. Пускай... А ведь я даже не пытался ей понравиться. Я сам попал в ловушку, думая, что уж мне-то путь туда заказан.

Поднявшись с пола, я шагнул к кровати. Неожиданно включили свет, и одновременно зашипел телевизор. Морда Брежнева смотрела в упор.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Ну что, выпался, дорогой? Сегодня мы не дадим тебе скучать. Отправляемся на дело! — сообщил он с воодушевлением. — Мы приготовили кое-какие вещички, переодевайся.

Я огляделся и обнаружил на полу возле двери стопку одежды и обуви. Никто не позаботился оторвать ярлыки с ценниками.

— Все новое, фирменное. Как видишь, мы не поскупились.

Особого энтузиазма по этому поводу я не испытывал.

— Да, умойся как следует. А то выглядишь непрезентабельно.

Я поплелся к умывальнику. Вода из крана бежала чуть теплая. Мыла и полотенца мне не дали, так что пришлось кое-как умыться, сполоснуть подмышки и утереться грязной рубахой.

Брежнев молча наблюдал. Когда я закончил, он промычал:

— Ладно, и так сойдет. Я уверен, когда ты увидишь объект, сориентируешься и будешь выглядеть как конфетка в блестящем фантике.

Похоже, пришло время для выполнения моей части задания. Я должен обольстить кого-то, чтобы этот кто-то позволил мне сделать дубликат универсального ключа для депозитных ячеек. Как заставить незнакомого человека подчиняться? Более того, нарушить закон? Конечно, манипулировать влюбленным куда проще. Для этого необязательно быть вампиром. Однако, для любви нужно время... Кому-то больше, мне — гораздо меньше, но уж никак не пара минут. Даже я, хоть и безошибочно чувствую визуальные предпочтения и чутко улавливаю настроения, не могу заставить человека влюбиться настолько, чтобы он в следующую секунду решился на преступление. В конечном счете, даже у влюбленного в вампира всегда есть выбор, как поступить. Ведь я не могу приказывать...

— Не знаю, что вы задумали, но у вас явно какие-то ложные представления о моих способностях, — начал было я.

— Не надо прибедняться, дорогой. Ты уже взрослый, справишься.

— Послушайте, да у меня просто не получится! Нужно время, чтобы войти в доверие

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

и заставить человека забыть об ответственности. Тут не достаточно хорошо выглядеть и мило улыбаться.

— Я сказал, ты сможешь! — рывкнула маска. — Ты сможешь и сделаешь это! Мне надоела мышинная возня с тобой, пацан. Ты будешь отдавать энергию, и тогда все получится. Не скупись, и ключ будет в твоих руках.

Телевизор отключился.

Я растерянно смотрел в потухший экран. Через пару минут дверь заскрипела, и в комнату вошли те самые двое, что затащили меня в машину. Азиат выглядел как прежде: весь в черном с маской на лице. От него резко пахло табаком. Я вспомнил про мешок, который наверняка сейчас вынырнет из кармана его куртки, и в носу засвербело. Чуть позади стоял высокий мужчина лет шестидесяти. Его я тоже сразу узнал, хоть он и был без маски. Теперь я смог разглядеть тонкие губы и картофельный нос, заплывшие злые глаза, круглые бугристые щеки, изрытые оспинами и щетку светлых волос. Тип с газетой из больницы...

Одет он был в серое пальто и черные брюки. Из-под отложного воротника выглядывала белая сорочка и серый в красную полоску галстук. Образ солидного мужчины портила лишь спортивная сумка с эмблемой “Adidas” на его плече.

Азиат поманил меня указательным пальцем.

— Будешь вести себя хорошо и во всем слушаться папашу, — сказал он, мотнув головой в сторону напарника. Похожи мы были с “папашей”, как белка с носорогом, но возражать я не стал. — Если отойдешь от папаши больше, чем на три метра, получишь пулю. — Он приподнял край куртки, демонстрируя пистолет с длинной трубкой глушителя.

Я кивнул. Азиат нервно буркнул что-то вроде “вот и зашибись” и достал из куртки злосчастный мешок.

Потом события развивались как на киноплёнке, прокрученной задом наперед: наручники, темнота с запахом табака, скрип двери, лифт, поскрипывающий под ногами снег, и, наконец, тот же фургон. Когда дверь закрылась, и машина тронулась с места, азиат стянул с моей головы мешок, расстегнул наручники и кинул их на сидение. Из кармана он достал

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

пластмассовую коробочку бежевого цвета.

— Смотри сюда. Твоя задача сделать слепок ключа. Не открывай коробку до тех пор, пока ключ не попадет тебе в руки. Процедура такая: берешь ключ, открываешь коробку, помещаешь ключ в одну из створок по центру на желатиновую поверхность, закрываешь створки коробки и слегка прижимаешь их. Потом открываешь коробку и вытряхиваешь ключ на ладонь. Если застрянет, потряси коробку, но не пытайся выковыривать. Не тычь пальцами в желатин! Слепок будет некачественным, если оставишь на желатине отпечатки и вмятины. Ты понял?

— Да, понял.

— Держи, — он протянул коробку мне. — Положи в карман и закрой на молнию. Не потеряй.

— Да понял я.

— Заткнись и слушай! — маска мешала бандиту говорить и, кажется, раздражала кожу. Он то и дело поправлял ее и почесывался. — Лучше всего выманить ключ в депозитарии. Там нет видеокамер, и это нам на руку. Что бы ни происходило в хранилище, никто не проследит. Однако уже в соседнем помещении установлены две камеры. Там служащий банка с мастер-ключом ждет, пока клиент закончит возиться со своим барахлом. Мастер-ключ на цепочке прикреплен к его руке наручником. Если придется очаровывать служащего, не забывай про камеры. Цепочка достаточно длинная, но ты должен сделать все, чтобы ключ оказался в твоих руках, и приготовить слепок. И главное — ни один работник банка ничего не должен заметить. Тебе понятно?

— И как я это сделаю?

— Это не моя забота, — отмахнулся он. — Когда папаша закроет ячейку, слепок должен быть у тебя. Вы выйдете из банка и сядете в машину. И не пытайся дергаться, — он схватил меня за воротник куртки и притянул к себе. Меня обдало перегаром. — Если что-то пойдет не по плану, будь уверен, я заставлю тебя пожалеть об этом...

— Эй, а ну, хватит! — рявкнул папаша. — Ему еще работать.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Азиат с недовольным видом отстранился.

— Не забывай, я всегда рядом... — процедил он и впился в меня своими черными хищными глазами. Меня прошибло потом. Стало трудно дышать, по телу пробежала дрожь. Хотелось кричать, пронзительно и долго. Так, чтобы со звуком ушел охвативший меня дикий, всепоглощающий ужас. Но тело больше не подчинялось. Перед глазами все плыло. “Вампир страха! Вот значит как...”

— Скотина! — послышалось сквозь накативший шум в ушах. — Все не нажрешься, гнида навозная! — страх отступил, и я глубоко вздохнул. — Ты же его и будешь кормить потом! — Папаша наотмашь ударил азиата по шее и замахнулся еще, но “газель” резко затормозила, и громила повалился на лавку. Из-за перегородки послышался приглушенный голос водителя:

— Мужики, вы там в порядке?

— В порядке! — проворчал папаша. — Поехали уже.

Мы опять тронулись, и до конца пути сидели молча. Я постепенно пришел в себя. Подумал, что, дожив до четырнадцати лет, никогда не был в банке. Да и что мне там было делать? Даже карманные деньги у меня водились редко. О накоплениях и речи не шло. Помню, только однажды и всего на какой-то час я почувствовал себя богатым. Года два назад нашу группу повели на экскурсию в зоологический музей. За нами увязались несколько ребят постарше. Был ясный майский день, и я пребывал в отличном настроении.

Когда наша группа остановилась у светофора, я заметил под ногами бордовую бумажку. Поднял ее и обомлел. Бумажка оказалась новой банкнотой в пятьсот тысяч рублей. Таких денег мне еще никогда в жизни не доводилось видеть и уж тем более держать в руках. Я сжал бумажку и быстро запихал в карман брюк, представляя, как куплю себе новый плеер и кучу кассет. Планируя и распределяя будущие расходы, я так увлекся, что ничего вокруг не замечал. Меня не занимали зоологические экспонаты, рассказы воспитателей, и странный долговязый девятиклассник, который почему-то везде следовал за мной. Он оказался рядом и тогда, когда я, уставившись на витрину с засушенными бабочками, размышлял о билетах в

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

парк аттракционов. Я не заметил, когда моя группа ушла в соседний зал. Старшеклассник был худым и нескладным. Рукава его синей клетчатой рубашки заканчивались выше запястий. Я слышал, как они затрещали и порвались в плечах, когда он прижал меня к стене и, заткнув рот, шарил в моих карманах. Он быстро нашел то, что искал. В следующее мгновение новенькая банкнота оказалась смятой в его кулаке. На этом все и закончилось. Солнечный весенний день помутнел, стал тусклым и безрадостным, как всегда.

Глава 32

Фургон остановился. В салон ворвался вольный морозный воздух. Папаша вышел первым. Он оглянулся, сурово глянул в мою сторону и махнул рукой, приглашая следовать за ним. Я подчинился. Не терпелось поскорее избавиться от компании азиата. И еще теплилась надежда попросить кого-то о помощи на улице, или хотя бы дать знак, что меня удерживают силой.

Покинув фургон, я сразу понял, где мы. Центральная городская площадь. В пяти-шести остановках школа, а в нескольких кварталах от нее — Никитский. Вот она — свобода. На мне нет наручников, и я мог бы попытаться убежать прямо сейчас. Азиат вряд ли осмелится стрелять, ведь вокруг полно народу. Да вот хотя бы эти — неподалеку от нас запарковались “Жигули” зеленого цвета. За рулем мужчина, а на заднем сиденье я заметил молодую женщину с большим белым свертком в руках. Мужчина вышел из автомобиля и громко хлопнул дверью. Та никак не хотела закрываться. Женщина зашикала, недовольно приставив указательный палец ко рту. Я следил за каждым их движением. Они были так близко, они могли мне помочь. Еще секунда, и я бы решился...

— И тебе не жалко их? — папаша стоял рядом и с видом полного безразличия наблюдал за мной. — Приятные люди. Приехали в центр по своим делам, а ты хочешь втравить их в историю.

Иллюзия свободы моментально рассеялась. Кто знает, на что способны мои

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

похитители? И сколько их вокруг на самом деле? До сих пор я видел только двоих, не считая человека в маске Брежнева. Но ведь был еще водитель. Наверное, есть и другие сообщники, которые могут притворяться обычными прохожими, а на самом деле глаз с меня не сводят. Я вздохнул и послушно поплелся за папашей.

Здание банка “Глобал” было внушительным и старым, точнее сказать, старинным. Оно располагалось посредине одной из главных площадей Зауралья, которая, как островок, была окружена двумя шумными магистралями. На островке перед банком располагалась небольшая парковка. По бокам от здания — пара заснеженных клумб с жидкими кустиками.

Папаша, подталкивая сзади в спину, направил меня к массивной деревянной двери, окованной стальной решёткой. Дверь распахнулась сама собой.

Пройдя через короткий коридор, мы попали в просторный светлый холл. Почему-то я представлял себе, что банк внутри напоминает почту. Я ожидал увидеть несколько длинных очередей к зарешеченным окошкам, за которыми прятались вечно недовольные служащие, уставшие от ежедневной сутолоки. Однако все выглядело настолько цивилизованно, будто я попал в иностранный фильм. Если бы не родная речь, доносившаяся то тут, то там, я поверил бы, что коридор был порталом в дальние страны, о которых рассказывала Надя.

В просторном зале рядами стояли овальные столы с компьютерами. Из широких окон в округлых рамах лился дневной свет. Банковские служащие в одинаковых строгих костюмах настолько вписывались в обстановку, что тоже казались частью мебели. В центре зала находилась круглая информационная стойка. Папаша потянул меня прямо к ней.

Нас встретила молодая служащая в белой блузке и шейном платке с эмблемой банка. Она белоснежно улыбнулась и осведомилась, чем может помочь.

Я растерялся от всего этого лоска, но папаша ничуть не смутился. Его физиономия расплылась в улыбке, от которой душа уходила в пятки. Папаша сообщил, что он с сыном (меня передернуло) хотел бы открыть депозитную ячейку. Он обнял меня за плечо своей лапицей и подтолкнул вперед.

Не зная, как реагировать, я стоял по стойке смирно, сжав кулаки, как оловянный

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

солдатик. Внутри будто сжималась гигантская пружина.

— Он у нас парень стеснительный, — заговорил папаша, — поэтому я стараюсь брать его на деловые встречи почаще. Привыкнет в конце концов. Единственный сын, наследник растет...

— Очень симпатичный мальчик, — улыбаясь, отозвалась служащая.

— Да, весь в мать, слава богу, — папаша тоже улыбался и был сама любезность. Он по-отечески потрепал меня по голове. Я отшатнулся. — Эх, молодежь...

— Конфету хочешь? — девушка взяла пару карамелек из прозрачной вазочки и протянула мне.

— Нет, я не ем, спасибо, — ответил я не задумываясь.

— Как, вообще не ешь?

— Да, представляете, он с детства конфеты не любит, даже шоколадные, и никогда их не ест, — кинулся уточнять папаша.

— Ах так, ну что ж... Я провожу вас к моему коллеге. Он подготовит все, что необходимо, и уже сегодня вы сможете воспользоваться ячейкой.

Мы пересекли зал и остановились возле стола, за которым сидел солидный мужчина средних лет. Вставая нам навстречу и протягивая руку для приветствия, другой он одновременно застегивал верхнюю пуговицу коричневого костюма. Пухлое лицо сотрудника лоснилось и было гладко выбрито. На носу, как две дольки мандарина, сидели маленькие очки в золотой оправе.

— Николай Сергеевич, — обратилась к нему девушка, — господин.... Позвольте узнать ваше имя?

— Да, конечно. Моя фамилия Скоробогатов, — не моргнув и глазом сообщил папаша.

— Замечательно, — улыбнулась девушка ему в ответ. — Николай Сергеевич, разрешите представить вам господина Скоробогатова, который желает арендовать депозитную ячейку в нашем банке.

— Да-да, конечно. Присаживайтесь, — папаша и банковский служащий пожали друг

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

другу руки, и мы уселись в белые кресла напротив Николая Сергеевича. Я старался держаться в тени мнимого папаша и не отвечать. Все эти словечки типа “господин”, “разрешите представить вам”, “позвольте узнать” окончательно сбили меня с толку. Здесь параллельная вселенная какая-то, что ли?

Тем временем господин Скоробогатов сообщил, что хочет арендовать один из самых больших сейфов банка. Служащий спросил, хочет ли господин Скоробогатов застраховать содержимое депозитной ячейки. Папаша ответил, что это лишнее, и он хотел бы сохранить в тайне то, что собирается поместить в депозитарий. Служащий подтвердил, что он имеет на это право, но в случае ограбления (очень маловероятного) стоимость незастрахованных предметов не будет возмещена. Папаша согласился и подписал соответствующие бумаги.

Пока банковский служащий обстоятельно рассуждал о том, насколько невероятно ограбление банка, тревога внутри меня приближалась к критической отметке. Руки покрылись холодным потом, а желудок был готов вывернуться наизнанку прямо на белоснежную гладь стола Николая Сергеевича.

При попытке настроиться на волну предпочтений банковского служащего, я начинал волноваться еще сильнее. Я не мог заставить себя даже улыбнуться. Казалось, я растерял все свои способности, и был не в состоянии сделать даже того, что в обычных условиях получалось само собой.

Тем временем Николай Сергеевич сообщил, что все формальности улажены, и мы можем проследовать в хранилище. Момент, когда мне каким-то невероятным образом нужно завладеть ключом и незаметно сделать оттиск, приближался.

Мы втроем — Николай Сергеевич, мило болтающий с господином Скоробогатовым впереди, и я, угрюмый и мрачный, сзади — прошли вглубь зала и остановились возле массивной стальной двери. Абсолютно гладкая и без ручки, она была наглухо закрыта. Служащий достал из кармана пластиковую карту и поднес ее к черной коробочке на стене рядом с дверью. Устройство пикнуло и моргнуло зеленой лампочкой. На его верхней панели красным засветилась стеклянная поверхность. Николай Сергеевич прижал к ней палец. Мы

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

услышали щелчок, еще и еще один, и, наконец, дверь хранилища бесшумно открылась нам навстречу.

— Как видите, система защиты в нашем банке по последнему слову техники и отвечает самым высоким стандартам, — сообщил работник банка. — Прошу следовать за мной.

Николай Сергеевич пропустил нас внутрь и закрыл дверь, которая тут же защелкала замками.

Мы вошли в небольшое ярко освещенное помещение. Здесь было пусто, за исключением одинокого белого кресла с покатыми подлокотниками. В помещение выходили еще две двери с такими же черными коробочками на стене рядом. Обе закрыты.

— Я попрошу вас подождать меня пару минут, — обратился к нам служащий. — Я только возьму мастер-ключ из сейфа и разблокирую вашу ячейку.

— Конечно-конечно. Делайте все, что необходимо.

Банковский служащий повторил замысловатую процедуру распознавания личности, дверь в соседнее помещение отворилась, и Николай Сергеевич скрылся за ней. Не успел я опомниться, как перед глазами возникла вспотевшая харя господина Скоробогатова. Улыбку с его лица как ветром сдуло.

— Так, пацан, — сказал он тихо и зловеще, — похоже, ты у нас тугодум. Так вот, я еще раз напоминаю: сейчас ты соберешь свои мозги в кучу и выманишь ключ у этого жлоба.

— Но я не могу... — пропищал я.

— Послушай, дружок! Возможно, я недостаточно убедителен, но ты не сомневайся, если не выполнишь свою часть дела, я без зазрения совести скормлю тебя своему напарнику.

Я сглотнул.

— Постараюсь, — пообещал я.

— Уж будь любезен, — папаша отстранился и принял самый благодушный вид. Банковский служащий возвращался с мастер-ключом. От ключа к руке Сергея Николаевича действительно тянулась цепочка толщиной с карандаш.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Ну вот, все готово, — сообщил он. — Ячейка номер 66 48 в вашем полном распоряжении.

Разблокировав соседнюю дверь, служащий впустил нас в помещение хранилища. Как только мы вошли, просторная комната засияла ярким белым светом, отражаясь от сотен зеркальных сейфов. Я прищурился. Ячейки, встроенные в стены хранилища, располагались рядами, начиная с самых маленьких, шириной с альбомный лист, и заканчивая такими большими, что могли вместить в себя человека средней комплекции. В противоположном конце помещения я заметил кабинку с отдернутой шторкой, за которой виднелся стол и два стула.

Мы проследовали вглубь хранилища, к одной из самых больших депозитных ячеек. Дверца сейфа с поблескивающими золотом цифрами 66 48, была приоткрыта. Внутри я не увидел ни полок, ни дополнительных отделений. Сейф был абсолютно пуст.

— Теперь я попрошу вас придумать комбинацию из восьми символов, — обратился банковский служащий к господину Скоробогатову, указывая на встроенный в дверцу ячейки прибор, похожий на калькулятор. Рядом с прибором виднелась небольшая замочная скважина. — Вы должны запомнить этот идентификационный код. Именно с помощью кода вы сможете открыть сейф в следующий раз. После того как поместите ценные предметы в ячейку, закройте ее и введете ваш код, используя электронное табло. Вы услышите характерный щелчок закрывающегося замка. Я в это время буду ждать вас в соседнем помещении хранилища. Не торопитесь, у вас есть столько времени, сколько нужно. Как только закончите, нажмите, пожалуйста, кнопку звонка, — служащий указал на неприметную кнопку недалеко от нашего сейфа. — Я тут же приду и закрою ячейку мастер-ключом. К вашему сведению, мы рекомендуем периодически менять индивидуальный идентификационный код в целях обеспечения еще большей безопасности. Однако, конечно же, вы не должны его забывать. Ну что ж, я оставлю вас...

— О, в этом нет никакой необходимости, — перебил его папаша, обращаясь скорее ко мне, чем к работнику банка. Его красноречивый взгляд в очередной раз напомнил о той

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

важной миссии, которую я обязан сейчас выполнить. Я отчаянно пытался сосредоточиться, всем сердцем желая сделать именно то, что от меня требовалось. Но кроме пота на лбу, никаких изменений во мне не происходило. Я словно превратился в обычного подростка, именно в того, кем я всегда мечтал быть.

— Николай Сергеевич, — продолжал тем временем папаша, — я только положу свою ценность в ячейку, и тут же закрою ее. — Он небрежно кинул сумку в сейф, толкнул дверцу и быстро ввел идентификационный код, прикрывая ладонью табло с цифрами. Служащий банка деликатно уронил взгляд в пол. Я же продолжал топтаться на месте, охваченный паникой, и не зная, что предпринять. В голове, сталкиваясь и разбегаясь, метались мысли. И самые глупые были о том, что было бы очень кстати иметь способность растворяться в воздухе, становиться невидимым, напускать дым или что-то в этом роде.

Вдруг, не вполне осознавая, что происходит, я почувствовал, как мои глаза меняют цвет. Мое тело увидело ее в отражении сейфов и, опережая сознание, глаза поменяли цветовую палитру. Волосы за долю секунды потемнели. Бледное лицо порозовело. Я смотрел на Надю, стоящую прямо за спиной у Николая Сергеевича, и не мог оторваться. Она тоже внимательно изучала меня, сложив руки на груди.

Тем временем служащий, услышав щелчок замка, устремился к сейфу с мастер-ключом в руке.

— Извините, пожалуйста, Николай Сергеевич, а можно мне посмотреть на ключ? Он такой необычный, — услышал я свой голос откуда-то издалека.

Служащий оглянулся и посмотрел на меня с удивлением.

— Э... Ну конечно, — отозвался он. — Хочу вас заверить, это очень надежный ключ, с несколькими степенями защиты, — продолжил он, обращаясь скорее к папаше, нежели ко мне, пока я рассматривал ключ на его ладони.

— А потрогать можно?

— Вообще-то мы не имеем права давать его в руки посторонним.

Папаша с самой очаровательной улыбкой благодушно обратился к служащему:

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Ну что вы, мальчик только посмотрит. Ребенок, ему все интересно.

Банковский работник поспешно оглянулся, но вспомнив, что видеокамер в хранилище нет, смягчился и протянул ключ мне.

— Это очень надежная система, — еще раз повторил Николай Сергеевич, окончательно расслабившись. Тон его теперь был покровительственным. — Этот ключ просто невозможно подделать. Для того чтобы создать дубликат мастер-ключа, необходимо иметь так называемый паспорт, где будут расшифрованы все системы защиты. Замки в ячейках открываются не только благодаря механическим действиям, но также срабатывает электроника. Ключ оснащён специальным микро-чипом.

Я посмотрел на папашу и не смог сдержать улыбки, замечая, как его круглая физиономия оплывает, словно подтаявший воск. Улыбка из довольной постепенно трансформировалась в растерянную. Я подержал ключ еще с полминуты, крутя его в пальцах и делая вид, что внимательно рассматриваю. Потом я протянул его назад служащему, даже не попытавшись достать коробку с желатином.

— Спасибо, было очень интересно вас послушать, — обратился я к служащему, невинно улыбаясь.

— Молодой человек, у вас такой интересный цвет глаз. Совершенно уникальный. Я только сейчас заметил.

— Да нет, что вы. Обычные голубые глаза. Просто здесь освещение слишком яркое.

— Должно быть, вы правы, — и он направился к ячейкам, чтобы запереть сейф 66 48.

Папаша стоял в стороне. Лицо его стало хмурым, и он уже не пытался замаскироваться своей устрашающей улыбкой. Я надеялся, что он недоволен провалом операции в целом, а не конкретно мной. Да, я так и не смог обольстить банковского служащего. Но ведь папаша сам слышал, что даже если бы и удалось сделать оттиск ключа, он был бы совершенно бесполезен без паспорта с расшифровкой. Мало того, именно благодаря моему любопытству это выяснилось.

Я продолжал успокаивать себя все время, пока мы шли к выходу. Папаша учтиво распрощался с Николаем Сергеевичем, но, как только мы вышли из банка, грубо взял меня за руку и потащил к машине. Азиат ждал в фургоне. Не успел я опомниться, как оказался на лавке напротив него, а на запястьях уже позвякивали наручники. Еще через секунду на голову нахлобучили знакомый мешок, отрезав от внешнего мира.

— Я все слышал. Этот говнюк не справился, — с ликованием сообщил азиат.

— Да, повезло тебе, — голос папаши был усталым и бесцветным. — Будем отрабатывать навыки, — сообщил он и больше не проронил ни слова, пока мы ехали назад.

Я же терялся в догадках, что означают их слова? Что значит, я не справился? Видимо, я все-таки должен был сделать этот чертов оттиск! И почему азиат так обрадовался моему провалу? Похоже, он ждал, надеялся, что именно так все и будет. Что за “навыки” они собираются отрабатывать, и какое отношение это имеет ко мне?

Глава 33

Короткая передышка. Динамик в углу камеры голосом папаши приказал азиату оставить меня ненадолго. Азиат не устает, и спать ему, кажется, не нужно, когда можно забирать энергию сколько хочешь. Или почти сколько хочешь. Наверное, если бы ему позволили, все закончилось бы гораздо быстрее. Сейчас же мучительные секунды растянулись в вечность. Я потерял счет времени. Разве можно хоть на чем-то сосредоточиться, когда жизненное пространство уменьшается до размеров спичечной головки, все чувства сливаются, превращаясь в бурлящий поток чистого ужаса без конца и края, без проблеска надежды. Ты заново переживаешь все страхи, что были в твоей жизни, умноженные в несколько раз.

Азиат дирижирует моей памятью, а та предает вновь и вновь, создавая воспоминания, которых не было. Они всплывают, как удушающие болотные газы, из невинных мыслей и осколков впечатлений. То я брожу по темным коридорам с липкими бурыми стенами. Сквозь

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

стены со всех сторон прорываются руки, детские пальцы, бледные и в порезах, с голубоватыми прозрачными ногтями. Они хватают меня, рвут рукава рубахи в клочья. Дети — искореженные младенцы с вывернутыми лодыжками, искривленными позвоночниками, запрокинутыми головами и горящими глазами, как черви, шевелятся у меня под ногами. Я хочу бежать, но не хватает воздуха, каждый шаг дается с трудом, ноги вязнут в смрадной трясине. Я теряю всякую способность двигаться и тону, тону долго и мучительно, оставаясь в сознании и ощущая каждой клеткой тела, как умираю.

В следующий момент я оказываюсь на холодном цинковом столе в помещении, от пола до потолка покрытом белым кафелем. Нещадно слепит хирургическая лампа. Я отчаянно пытаюсь закрыть глаза, но тело одеревенело и не слушается больше. Я парализован, но не лишен чувствительности. В помещение входят люди в белых халатах, марлевых повязках и в белых остроконечных колпаках. Они все одинаковые, как близнецы. У близнецов длинные руки с толстыми пальцами, на которых щетиной растут черные волосы. Один из врачей достает скальпель, режет меня от горла до низа живота и раздвигает ребра. Я чувствую такую боль, что через секунду сорвал бы голос, но голосовые связки не производят ни звука, губы застыли, и крик мой не может вырваться из замерзшей черепной коробки. Врачи безмолвно подходят к моему телу, засовывают руку в кровавое месиво моих внутренностей и вырывают по одному органу: кто легкое, кто почку, кто печень. Они разворачиваются и швыряют их. Те с чавкающим звуком шлепаются на белый кафель, разбрызгивая кровавые кляксы. Я слышу писк и вижу крыс, копошащихся на полу в моих кишках. Я не в силах описать, что со мной творится в эти секунды, минуты, часы, пока продолжается нескончаемая пытка, пока я наблюдаю, как комната из белой превращается в красную под нарастающий писк и шуршание снующих по полу тварей. И в тот момент, когда я весь обращаюсь в чистую боль, перестаю осознавать, кто я и что я, азиат отпускает меня, дает короткую передышку, чтобы опять начать все сначала.

В этой новой камере, куда меня поместили сразу же после банка, нет ничего кроме стула, привинченного к полу. Этот стул с железной спинкой и гладкой сидущкой пострашнее

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

тех, что были когда-то в средневековых пыточных. Азиат даже не удосужился привязать меня как следует. Знает, что я абсолютно бессилён перед ним. Когда он приходит, я забываю, что когда-то жил без страха и боли. Вечность мучений для меня возобновляется. Но и в эти короткие промежутки, когда мне дают отдышаться, я полон ужаса ожидания того, что скоро мой персональный тиран вернется, и заберет последние крупинки сил. Папаша без конца твердит в динамик, что я должен отдавать. Но ведь я и так отдаю. Как бы я ни старался удержать, оставить себе хоть каплю. Вампир страха сильнее меня. Он тянет и тянет. Если только я позволю, если только откроюсь совсем, я взорвусь, и все уйдет разом. Этого они хотят? Я давно перестал понимать, чего они добиваются. Ограбление банка, ключ, Надя — все вместе, как это связано? Зачем эта пытка? Я стал бесполезен, и меня хотят скормить этому монстру, как и предупреждал папаша? Зачем тогда мучить? Я чувствую, азиат может забрать все и сразу, но что-то его сдерживает.

Азиат вернулся. Глаза агрессивно улыбаются сквозь щель маски. Мои руки примотаны липкой лентой к спинке стула, но даже лента не способна удержать дрожь, когда я вижу его снова. Как же жалко я сейчас выгляжу. Стыдно осознавать, но я весь пропитан потом, и, кажется, не только им. Я все жду, когда истязания возобновятся, но азиат отчего-то медлит, ходит передо мной из стороны в сторону и, кажется, думает о чем-то. В углу под потолком включился репродуктор, и я слышу голос папаши, который руководит всем процессом откуда-то из другого помещения. Каким образом он главенствует над азиатом, для меня загадка. Что может напугать самого вампира страха? И неужели его чары не действуют на папашу?

— Начинай, и без выкрутасов, ты меня знаешь... — прорычал громила, и репродуктор отключился.

— Ну че, говнюк, ты слышал, — обратился ко мне азиат. — Не будем тянуть кота за это самое.

Как и прежде, он впился в меня взглядом, и я приготовился к самому худшему, но обычной боли не последовало. Напротив, я чувствовал себя так хорошо и спокойно, как

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

никогда. Мне хотелось понять, где я, что это за чудное место, что за убежище, и как я умудрился сбежать, ускользнуть от моего мучителя. Объекты вокруг были нечеткими, расплывчатыми, как будто у меня резко ухудшилось зрение. Но это не огорчало. Казалось, ничто сейчас не могло вывести из состояния душевного равновесия. Вокруг было очень тихо. Вдруг за спиной послышались шаги. Я оглянулся и увидел Надю. Она должна была прийти. Именно из-за нее я здесь, именно для нее существовали я и это волшебное место. Я кинулся ей навстречу, но тут же споткнулся о воспоминание, которое память подсунула, как подножку. Покой улетучился. Я замер в шаге от нее, боясь пошевелиться, а она улыбалась, и была такой красивой, такой зовущей, как никогда раньше.

— Ты больше не сердись на меня? — спросил я с опаской.

Она не ответила, а только тихо покачала головой и взяла меня за руку. Ее рука оказалась теплой и мягкой.

— Ты вернулась из зазеркалья?

Она улыбнулась еще шире, и я больше не сомневался, что она здесь, со мной, совсем рядом.

— Но нам нельзя... — начал было я, но она тут же протянула руку и прижала ее к моим губам. “Это неважно, — подумал я в следующую секунду, — главное, что она простила меня”. Мы стояли молча, она с ладонью у моих губ, и я, взволнованный этой неожиданной близостью, напуганный, очарованный, неспособный отнять ее руку и отвести от нее взгляд. Эта хрупкая девочка с большими влажными глазами, в которых я теперь видел свое отражение, волновала каждую жилку в моем теле. Меня влекло к ней так сильно, что я мог бы назвать ее своим персональным солнцем. Надя потянулась ко мне, ее губы чуть приоткрылись, и я отбросил оставшиеся сомнения. Мы жадно прижались друг к другу, словно не виделись тысячу лет. Наши руки сплелись и запутались, как водоросли в бурю. Ее шелковые волосы струились сквозь мои пальцы, когда я, приподняв их, ласкал ее шею за мочкой уха. Надя с благодарностью принимала каждое мое прикосновение и только сильнее прижималась ко мне. Ее тело горело, на щеках и шее алели красные маки поцелуев, и я, ловя

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

ее прерывистое дыхание, распаялся все сильнее. Я захлебывался от блаженства, упиваясь источником своей любви, не зная меры и не в силах утолить жажду.

И вдруг все закончилось. Только что мы были одним целым, мы дышали вместе, мы чувствовали одно и то же, и вот она тряпичной куклой повисла в моих объятьях. Я не мог понять, что произошло, что я сделал не так. Я позвал ее, но ответом была тишина. Красные маки на щеках ее начали синеть, глаза застыли, волосы потускнели. “Что это? Это я?... Я?!” Ужасная мысль обрушилась на меня, как лавина.

Как стакан воды в летний зной, я выпил ее залпом, и теперь она мертва. Что за безумие! Как мог я забыть?! Зачем я не кинулся прочь, как только понял, что она больше не под защитой зеркала? Нужно вернуть, вернуть все назад, отдать ей все до последней крупинки! Но я не знал, что мне делать. В отчаянной попытке возвратить ей похищенную энергию, я пытался выдохнуть ее Наде в рот, я напрягал глаза так, что, казалось, сейчас они лопнут, я прижимал руки к ее вискам и ладоням, но все было тщетно. Я метался с неподвижной Надей на руках, оставшийся один в пустоте. Отчаяние и боль давили, как бетонная плита. Я упал на колени, прижал Надю к себе так крепко, как только мог, и всем телом попытался исторгнуть то, что похитил у нее. Но Надя в моей смертельной хватке стала прозрачной, превратилась в белый дым и рассеялась, как будто ее никогда и не было. Я взвыл, ослепнув от слез. Когда же пришел в себя, я поразился представшей картине.

Я увидел азиата, стоящего передо мной на коленях. Он вяло покачивался из стороны в сторону. Его глаза, обычно черные и злые, теперь не выражали абсолютно ничего. Они были странного сероватого цвета, словно их заволокло паутиной. Наконец до меня дошло, что все пережитое — только иллюзия. Меня передернуло от отвращения.

— Ах ты, тварь! — я попытался пихнуть его ногой, но он стоял слишком далеко. — Не смей больше лезть ко мне в голову! — прорычал я.

К удивлению, азиат послушно кивнул, продолжая раскачиваться на коленях. С ним было явно что-то не так. Я почувствовал, что между нами существует крепкая связь, как будто я держу его на поводке, подчиняя все его внимание. Через глаза, рот, уши, через

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

кончики пальцев из меня струилась энергия, моя энергия уходила к вампиру страха, и он весь отдался ее поглощению. Но отдавать — это такое расточительство, тем более что еще недавно он выкачивал меня, как нефтяное месторождение! Я попытался ослабить связь, и, кажется, у меня это получилось. Глаза азиата начали проясняться.

И тут меня осенила новая мысль. Ведь это именно то, чего добивались похитители. Они хотели заставить, а может даже научить, отдавая энергию, привязывать к себе людей и подчинять своей воле. Я вновь настроился на волну азиата и усилил поток энергии между нами. Это было трудно и неприятно, но глаза вампира вновь затуманились.

— Развяжи меня! — приказал я.

Тот послушно расстегнул куртку. Через мгновение в его ладонях блеснуло лезвие откидного ножа, и мои руки уже были свободны от липкой ленты. Отлично. Все, что мне сейчас нужно, — убраться отсюда как можно быстрее и как можно дальше, чтобы меня оставили в покое. План созрел моментально, я знал, что делать.

— Снимай куртку!

Азиат повиновался. Я схватил куртку и кинулся к двери. Она оказалась незаперта. Высунув голову в темный коридор, я услышал вдалеке приближающийся топот ног. Я вновь обратился к азиату. Он все еще стоял в центре камеры напротив пустого стула, вяло покачиваясь.

Значит, иллюзия не пропадает мгновенно. Силы на исходе, мне уже почти нечего отдавать. Но надо продержаться еще несколько минут, пока не окажусь на улице. А там я побегу так быстро, как только смогу.

— Идем, — велел я, — веди меня к выходу!

И вот мы уже бежим по гулкому коридору, взявшись за руки, как два закадычных друга. Ощущения те еще, но иначе я никак не сохраню связь между нами. Топот приближается, и я понимаю, что опаздываю, не успеваю добраться до выхода. Мне нужно время...

— Где выход? — кричу я.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Прямо по коридору, вверх по лестнице и направо, — отвечает он монотонно.

— Сейчас я отпущу руку, и ты остановишься, — продолжаю кричать на ходу я. — Ты будешь драться с преследователями. Ты остановишь их и не позволишь им меня поймать! Ты будешь драться долго, очень долго! Понял?

— Да, я не позволю им тебя поймать, — соглашается зачарованный азиат.

— Я убью тебя, если ты дашь мальчишке сбежать! — послышалось совсем близко, и я, больше не медля, отпускаю руку азиата.

Лестница совсем рядом, и, перепрыгивая через ступеньки, я оказываюсь этажом выше. Коридор впереди пуст. Я благодарю небеса и мчусь вперед к заветной двери, обрушиваюсь на нее всей тяжестью своего тела. Но вместо того чтобы распахнуться, железо глухо стонет под моим натиском, не сдвигаясь с места. О нет!!! Нет!!!

Я еще раз наваливаюсь на дверь с тем же успехом. Бесполезно. Она заперта.

На лестнице слышится возня. Надо срочно выбираться, иначе мой шанс на свободу, мой единственный шанс, будет потерян. Я в панике мечусь по коридору, ища другой выход или хоть какое-то укрытие.

Проклятье! Единственный выход — вернуться к лестнице и подняться на следующий этаж. Нельзя медлить ни секунды, ведь азиат уже наверняка очнулся и присоединился к остальным преследователям.

Я лечу вверх по лестнице, стараясь не обращать внимания на приближающийся топот за спиной. Оказываюсь на площадке следующего этажа. Здесь коридор, такой же, как этажом ниже. Я порываюсь вперед, но тут же останавливаюсь. Навстречу по коридору идет какой-то тип.

Это конец!

Вдруг я замечаю дверь в двух шагах от себя и, не раздумывая, бросаюсь туда. Я врываюсь в комнату и вижу человека, сидящего спиной ко мне. Захлопываю дверь и перевожу дыхание.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Уставившись в экран компьютера, мужик колотит по клавишам и никак не реагирует на мое появление. Его уши закрыты большими наушниками, из которых глухо доносятся визг электрогитары и неразборчивые вопли. На мониторе в самом разгаре битва с монстрами.

Я оглядываю комнату, судорожно пытаюсь сообразить, каким будет мой следующий шаг. Пара офисных столов, заваленных бумагами, несгораемый шкаф в углу, окно... Окно!

В три прыжка я оказываюсь у окна. Снаружи розовые манящие сумерки и высота — второй этаж. Выбирать не приходится, промедление стоит свободы, а может и жизни.

В комнату вваливается папаша в компании нескольких громил. Его налитые кровью глаза придают мне решимости. Одним движением я накидываю куртку азиата на руку и бью кулаком по оконному стеклу. Градом летят осколки, жалят живот и щиколотки. Я вскакиваю на подоконник.

Внизу ряды гаражей. Они вплотную примыкают к зданию. Я оцениваю расстояние до ближайшего. Кажется, не так уж и высоко, а может, я просто растерял весь страх в коридорах позади. Я прыгаю и жестко приземляюсь на бетон крыши. Боль бьет в пятки и электрическим разрядом пробегает по всему телу. Я теряю равновесие, валюсь куда-то в сторону, пытаюсь схватиться за край крыши и падаю вниз.

-Ух, — от удара из груди выбивает воздух.

Все тело дрожит. Я открываю рот, с хрипом отплевываюсь и пытаюсь подняться, но только глубже увязаю. Глаза забиты снегом, в носу запах крови. Неверным движением нашариваю куртку. Подкладываю ее под живот и медленно ползу прочь от гаража. Преодолев несколько метров до расчищенной дороги, я вскакиваю, пошатываясь, каким-то чудом сохраняю равновесие и бегу, лавируя между рядами гаражей.

В ноге что-то похрустывает, но я не обращаю внимания. Крики тюремщиков слышатся повсюду. Я добираюсь до конца гаражного комплекса и бегу к домам прилегающего микрорайона.

Глава 34

Наконец я нашел то, что искал. Деревянная облупившаяся дверь. Из-под мутного коричневого проглядывает кислотно-зеленый цвет. Замок сорван. Я потянул ручку.

Подвал отрыгнул затхлой сыростью, запахом кошачьей мочи и пыли. Я юркнул внутрь и затворил за собой дверь. Уши затопила тишина, через которую пробивались лишь редкие скрипы и хруст под ботинками. Я медленно брел в темноте по подвальным закоулкам, продвигаясь наощупь. Вдалеке послышалось глухое журчание канализационных труб. Звук становился все ближе и ближе, я зашагал смелее, как вдруг резкая боль ужалила выше переносицы. Руки взметнулись к лицу. Я рванулся в сторону, но нога предательски подвернулась, и я рухнул на что-то теплое и округлое. Во лбу пульсировало и нещадно жгло. Я больше не мог сопротивляться. Последняя капля мужества покинула меня. Я заорал во все горло, вложив в крик остатки сил.

Хватит! Все! Больше не могу! Подтянув ноги, я распластался на теплой поверхности трубы и провалился в забытье.

Не успел я, как мне казалось, сомкнуть глаза, в лицо ударил луч света.

— Юрик, гля, че за отморозок? — проскрипело у меня над ухом. — Эй, мудака, это наш подвал. — Кто-то слабо ткнул меня в бок.

— Деня, обшмонай его быстро.

— А сам че, зассал?

— Завали хайло, — отозвался сдавленный гнусавый голос откуда-то из темноты. —

Не могу я, понял. Шмонай давай, пока он не очнулся.

Я почувствовал, как чьи-то костлявые пальцы рыщут в карманах моей огромной куртки.

— Бля, он пустой совсем!

Я попытался приподняться, но тело превратилось в кусок свинца.

— В штанах посмотри.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Да уже посмотрел, ваще ниче нет, на... — недовольно отозвался скрипучий голос.

— Откинулся или живой? Рожа вся в крови.

— Дышит вроде.

Луч света опять ударил мне в лицо, и я открыл глаза.

— Эй, чудило, какого хера ты спишь в нашей гоп-конторе бесплатно? — обладатель гнусавого голоса возник в луче света. Я увидел серое худое лицо с запавшими гноящимися глазами непонятного цвета,. — Деня, подними его, на... Че он тут разлегся!

Костлявые пальцы зацепили меня за шиворот и потянули наверх. Кое-как собравшись с силами, я оперся о трубу и сел.

— Есть че? — спросил слабый голос, принадлежавший, как я понял, Юрику, типу с узким лицом. Вопрос этот был мне знаком. “Того самого” не было, поэтому, помотав для убедительности головой, я выдохнул:

— Не.

— А бабло?

— Нету, — опять отозвался я.

— Да пустой он, — проскрипел подельник Юрика.

— Закрой вафельницу, Деня! Тебя не спрашивают, на...

Вдруг гноящиеся глаза Юрика оказались прямо перед моим носом. Я и не ожидал от него такой прыти.

— Слушай, Вася, ты че думаешь, на халяву тут дрыхнуть будешь, а мы тебе колыбельную споем? — Юрик дико улыбнулся, обнажая гнилые зубы. Он схватил меня за грудки трясущимися руками.

— Юрик, у него вроде бациллы новые, — тот, кто откликнулся на кличку Деня, светил теперь мне под ноги. — Загнать можем, на пару доз хватит. Скидывай боты, чудило! — Луч фонаря опять резанул по глазам.

Юрик продолжал держать меня за воротник куртки, но было видно, что с каждой секундой силы и терпение покидают его. В очередной раз он вздрогнул, поморщился и

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

отпустил меня со словами:

— Да ну его в жопу, пошли!

— Юрик!? Выстегиваешь?... — проскрипел недовольно Деня.

— Шевели булками, сказал! Идем гаситься, некогда...

Он оглянулся и добавил почти беззлобно:

— Если засеку тебя тут еще раз, прирежу...

— Деня, посвети давай, нихера не видно! — послышалось уже откуда-то издалека. И фонарик Дени заплясал, удаляясь и выхватывая в темноте сплетения труб.

Первой мыслью было снова улечься на трубу и уснуть. Не хватало сил даже на то, чтобы как следует испугаться. Но здравый смысл подсказывал, надо скорей уносить отсюда ноги.

Оказалось, я проспал всю ночь, и через щели с улицы уже проникали первые солнечные лучи. Я опустил ноги на пол, и что-то захрустело под подошвами ботинок. Я пригляделся.

Весь пол усеивали использованные шприцы и иголки самых разных размеров. Теперь я понял, куда попал. И уже не оставалось никаких сомнений, зачем сюда пришли Юрик и Деня. Сонное наваждение испарилось, как не бывало. Наркоманское логово.

Я почувствовал отвращение. Эти люди, давно потерявшие человеческий облик, живут от дозы к дозе, и ради порции новой отравы готовы пойти на что угодно.

Подстегиваемый страхом, я быстро нашел выход из подвала. Прикрыв за собой расхлябанную дверь, я услышал истошный вопль.

— Сволочи! Опять замок сорвали!

На меня неслась старуха, размахивая пустой авоськой.

— Я щас в милицию позвоню! — визжала она с надрывом.

— Не надо, бабушка!

Старуха набросилась, как коршун, и начала хлестать по чему попало своей авоськой. Я выставил вперед руки, пытаясь прикрыться от ударов, но это только сильнее разъярило

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

старуху. Она заметила мои окровавленные пальцы и заработала авоськой с удвоенной силой.

— Какая я тебе бабушка, подонок! Вы там зарезали кого, что ли?

— Марья Ивановна, в чем дело?

В форточке на первом этаже покачивалась заспанная рожа с растрепанными волосами.

— Лидка, звони в милицию! Эти выродки опять замок на подвале сорвали. Посмотри на него, руки в крови, вся морда синяя, обколотый весь.

— Да не обколотый я! — в ответ мне прилетела еще одна пощечина.

Круглая рожа продолжала висеть в форточке.

— А толку-то им звонить. Че они сделают? — спросила Лидка флегматично. — Весь район знает, а меры не принимают.

Бабку от злости начало трясти.

— Звони! — завизжала она толстой Лидке.

Я наконец-то вырвался и, спотыкаясь, побежал куда глаза глядят. Сумасшедшая бабка преследовала меня какое-то время, но быстро выдохлась. Внутри все клокотало, я был близок к истерике.

Глава 35

Я бежал не разбирая дороги, как очумелый. Серые одинаковые пятиэтажки кружились вокруг вперемешку с колючим мелким снегом. А потом все слилось в сплошное белое марево, и я уже не различал деталей. Ноги двигались, но с каждым шагом все больше вязли в белой каше. Наконец я уткнулся во что-то холодное и мягкое. Стало так хорошо, что больше никуда уже не хотелось идти.

— Эй! Парень, ты слышишь? Вставай! Ты пьян, что ли!? — чьи-то руки потянули меня вверх, назойливо затормошили. Теплые пальцы ласково запорхали по лицу, согревая веки и возвращая зрение. Иней с ресниц ручейками побежал по щекам.

— Откуда ты такой? — не унимался голос.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Я открыл глаза. Расплывчатая картинка постепенно становилась четче, и я разглядел своего спасителя. Надо мной склонилась молодая девушка, немногим старше меня. Она стояла на коленях подле, утопая в снегу.

— У тебя весь лоб в крови.

Она зачерпнула пригоршню снега и растопила его в руке. Затем достала из сумочки носовой платок, смочила и аккуратно начала вытирать мне лоб. Любовь незнакомки была целиком соткана из сострадания. Она отрезвила меня и привела в чувство.

— Это вообще твоя кровь? — спросила девушка в недоумении. — Мне казалось, что у тебя лоб разбит. Кровь вытерла, а раны нет...

Я потер лоб рукой и опять запачкал его в крови.

— Это старая кровь, — нашелся я. — На мне все заживает, как на собаке. Я в порядке.

— Давай, поднимайся, — она потянула меня вверх, ухватив за борта куртки. — Так и насмерть замерзнуть можно. Ты идти можешь? Не ранен?

— Да нет, я же говорю, все в порядке. Просто устал, вот и повалился в снег. Не выспался я. — Нелепее отговорки и придумать было нельзя.

— Куда хоть идешь, скажешь?

— Да... возвращаюсь.

— Домой?

— Ну, вроде того. Я детдомовский.

Она не удивилась. Только уточнила:

— Ты из Зауральска?

— Да. Не подскажешь, как мне лучше доехать?

— В паре кварталов отсюда маленький автовокзал. Автобусы до Зауральска ходят каждый час.

— Спасибо, — сказал я, не зная, что еще добавить. — Ну, я пошел?...

— Да. Будь осторожен.

Я только кивнул в ответ и поплелся в том направлении, что указала мне эта добрая

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

девушка, имени которой я никогда уже не узнаю.

— Эй, подожди! Как тебя?... Подожди!

Девушка догнала меня.

— Вот, держи, — и она протянула мне свои варежки и шарф. — Они розовые, зато теплые.

— Не, не возьму. Ты замерзнешь.

— Да вон мой дом, — махнула она рукой. — Я добегу, — и не принимая больше возражений, незнакомка зашагала прочь.

Я натянул варежки на окоченевшие руки, обмотался розовым шарфом до ушей. Даже страшно представить, до чего нелепо я выгляжу теперь: оборванный, в крови и с розовым девчачьим шарфом до носа. Но выбирать не приходилось.

Через пару кварталов, как и обещала моя спасительница, показалось бордовое с серыми проплешинами здание автовокзала. У входа, переминаясь с ноги на ногу, курили несколько мужиков. Рядом были припаркованы пара “жигулей” и “девятка”. Мужики шумно переговаривались, то и дело раздавались взрывы хохота. Но о деле своем они не забывали. Как только к вокзалу приближался потенциальный пассажир, они громко выкрикивали: “Киржаки, Киржаки, Охотка, Смоляное-Поперечное, Смоляное-Поперечное — последний пассажир”. Завидев дамочку в дорогой длинной шубе и песцовой шапке, водилы усилили старания, громко и нараспев повторяя конечные пункты следования маршрутов. Дамочка клюнула и подошла к группе мужиков. Посовещавшись секунд десять, она кивнула. Один из водил тут же бросил сигарету и побежал к “девятке”, подхватив на ходу багаж. Дамочка, оскальзываясь на длинных шпильках, засемила следом и скоро скрылась на переднем сидении. Машина мягко тронулась, зашуршав шинами по обледенелой дороге. Оставшиеся водилы вернулись к неоконченному разговору. Потеря собеседника их несколько не обескуражила. Они все так же галдели, ржали, курили и мимоходом зазывали новых пассажиров. “Охотка, едем в Охотку, Смоляное-Поперечное — последний пассажир”.

Я стоял за углом соседнего здания, наблюдая издали и боясь приблизиться. Меня

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

искали, в этом можно не сомневаться. Наверняка мои похитители поджидали здесь, на вокзале. Они знают, что бы ни случилось, в милицию я обращаться не стану. Пусть Надя ненавидит меня теперь, но еще раз подвести ее равносильно смерти! Я обязан найти выход, если не для нас обоих, то по крайней мере для нее. Она вернется, чего бы это ни стоило! А если так, то кроме Зауральска, податься некуда. Только там можно найти хоть какую-то помощь.

Голосовать на трассе слишком рискованно. Даже если хватит сил кардинально поменять внешность, меня выдавал потрепанный вид и чужая куртка не по размеру. Пока не переоденусь, перемена внешности бесполезна. Да что там говорить, любой пацан, оказавшийся сегодня на шоссе в сторону Зауральска, гарантированно нарывался на крутые неприятности. И неважно, какие у него особые приметы. Единственный шанс, да и то на грани чуда — это рейсовый автобус.

Я продолжал наблюдать за автовокзалом, судорожно думая над планом побега. Тем временем из привокзального громкоговорителя начали долетать обрывки фраз: “Пас... проезжающ... Ох...и пройдите на ... пос... ..ку”. Из здания вокзала потянулись люди: одна группа направилась к посадочной площадке, к которой только что подъехал заиндевелый “Икарус”.

Вторая же группа из нескольких человек обошла автовокзал и встала с торца здания, возле выезда на шоссе. Еще через пару минут из служебного выхода вывалилась толстая женщина в коротком полушубке нараспашку. Отдуваясь, она проследовала к посадочной площадке, вскарабкалась на подножку автобуса, достала из кармана какую-то бумажку и пригласила отъезжающих в салон.

Пассажиры протягивали толстухе белые квиточки, та отмечала что-то в своем бланке, то и дело согревая дыханием авторучку. Когда всех запустили внутрь, контролерша о чем-то посоветовалась с водителем, сошла с подножки и торопливо засеменила назад к служебному выходу.

Еще минута, и автобус тронулся с места, плавно выруливая на шоссе. На углу здания

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

он притормозил и впустил еще несколько человек, поджидавших здесь уже четверть часа.

Значит, покупать билет необязательно. Да и денег у меня все равно нет. Но главное, светиться возле кассы не придется.

Глупо было бы надеяться, что водитель подвозит безбилетников бесплатно. И все же стоило попробовать договориться с ним, отдать то небольшое, что подарила мне добрая девушка вместе с розовым шарфом и варежками.

Была еще одна проблема: добраться до выезда на шоссе незамеченным практически невозможно. Все, что я мог — это попытаться добежать до автобуса за то время, пока он будет ехать к ожидающим его безбилетным пассажирам. Для этого придется пересечь все три посадочных площадки, которые, как назло, отлично просматриваются через большие окна автовокзала. И если случится так, что водитель не пустит в автобус или промедлит хоть немного, то все будет кончено. Меня сцапают тепленьким, а точнее сказать, абсолютно окоченелым от холода. Именно поэтому медлить больше нельзя. Надо прорваться в автобус любой ценой.

Дождаться следующего объявления было совсем непросто. Ноги превратились в ледышки, малейший ветерок пробирался под одежду и окатывал беспощадной морозной волной. Я не чувствовал собственного носа и вяло шевелил пальцами рук, чтобы не отдать их холоду. Дрожь стала моим естественным состоянием. Зубы отстукивали быструю чечётку.

Наконец громкоговоритель скрипнул и издал невнятное бурчание. Слово Зауральск — как пароль, как щелчок выключателя, в один момент привело в чувство и согрело.

Все повторилось сначала. Толстая контролерша выбежала из служебного выхода. Я наблюдал, как она проверяет билеты и пропускает пассажиров в салон. Последней на подножку поднялась девушка с рюкзаком. Это был сигнал. Я приготовился бежать по самой короткой траектории к выезду на шоссе, где уже, пританцовывая на морозе, топталась пара безбилетников.

И вот я бегу вдогонку за автобусом. Успеть, только бы успеть подбежать к двери четко в тот момент, когда зайдет последний безбилетник. У входа в автовокзал прогуливается

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

парень в короткой кожаной куртке и шапке до бровей. Этот парень вышел на улицу вместе с пассажирами, но ехать явно никуда не собирался. Он осмотрелся вокруг, как мне показалось, без особого энтузиазма. По всему было видно, что охотник уже слишком долго выжидает добычу, и ему порядком надоело это занятие.

А я бегу, бегу открыто и не стесняюсь, рассчитывая только на силу уставших ног и немного на удачу. Бегу долго, слишком долго, как в замедленной съемке. Тот, кому поручено меня выловить, все еще ничего не замечает. Но внезапно дверь в автовокзал с грохотом распахивается, и другой охотник, как две капли воды похожий на первого, вылетает на улицу и мчится мне наперерез.

Первый наконец-то понимает, что серьезно проштрафился. Еще секунда или две уходят у него на оценку ситуации, секунда или две, которые должны спасти мне жизнь... Первый наконец-то срывается с места и несется по другой траектории, вслед за автобусом к выезду на шоссе.

Они бегут азартно и уверенно, как будто исход погони уже предрешен. Но я мчусь изо всех сил, как в последний раз в жизни, и второй охотник не успевает меня перехватить, пропуская к автобусу. Двери уже скрипят и сейчас закроются. Я блокирую их ботинком и влетаю внутрь. Взвизгнув еще раз, двери закрываются окончательно прямо перед носом моих преследователей.

Взгляд шофера красноречиво говорит, что через секунду он выкинет меня вон, вот только выгрузит из-за руля свой огромный живот. А в дверь уже долбят преследователи, и если мы не тронемся с места в этот же самый момент, то мне конец, и все было напрасно.

— Поехали! Поехали, говорю! — все свои силы, все без остатка я вложил в эти несколько слов, и свершилось. Старый автобус затарахтел и тронулся с места под вопли и ругательства моих преследователей.

Неужели я справился? Я приказал, и мне повиновались... Как долго похитители пытались научить отдавать энергию и манипулировать сознанием людей! Как долго я не мог понять, чего от меня требуют. И как быстро я овладел этим мастерством после первой удачи.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Словно езда на велосипеде: стоит лишь однажды почувствовать баланс, и все становится простым и очевидным.

Теперь я мог двигать потоки энергии не только к себе, но и от себя — быть не только вампиром, но и донором. А когда ты даришь любовь, ты непременно что-то получишь взамен. Любовь — это самая крепкая, самая стабильная валюта. Никакая другая сила не может поработить так сильно, как любовь.

Наконец, я полностью осознал, почему именно я так нужен моим похитителям. У них в руках был сильнейший вампир. Вампир, который справится с любой задачей, сможет найти рычаги давления на любого человека, даже самого стойкого, сильного и смелого. И какая удача, что я еще подросток, что еще не окреп и не все про себя знаю. Можно лепить, как из глины, кого хочешь. “Редкая птица в этих широтах”.

Эта новая способность так поразила меня, что я забыл о преследователях, усталости и всех неприятностях сегодняшнего дня, и, как просветленный у алтаря, застыл, уставившись на водителя. Тот, остервенело вцепившись в баранку, выжимал педаль газа. Его слезящиеся глаза старого сеттера выражали крайнюю степень растерянности. Он то и дело оглядывался, недоумевая, почему вдруг поддался странному порыву за здорово живешь помочь оборванному молокососу, который явно втягивает его в какие-то неприятности. Еще около минуты ему пришлось напрягать свои пивные мозги, не привыкшие к таким усилиям, но ответ все-таки был найден.

— Так, пацан, платить ты, похоже, не собираешься?

Я согласился. А что оставалось делать?

— Садись в проходе у второго выхода. — Водитель так резко крутанул руль, что я чуть не повалился спиной на лестницу. — Свободные места не занимай! Увижу твою вонючую задницу на сидении, выкину прямо на трассу.

— Я понял. Посижу на ступеньках. Спасибо, что разрешили остаться.

— В Зауральске выходить не торопись, — продолжал он, еще больше набирая ход. Из салона слышалось недовольное ворчание, — поможешь мне кое с чем. Разгрузиться надо.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Я не вполне понял, что он имеет в виду, но кивнул. Выбирать не приходилось.

— Я этих двух гопников еще вчера на вокзале заприметил. Это они тебя пасли?

— Первый раз их вижу.

— Да уж, конечно... — водитель недоверчиво хрюкнул и ощерился. — Знаем мы вашего брата. Поди, деньги спер у кого-то.

— Я бы тогда билет купил, — возразил я.

— Ага! Ты из меня дебила-то не делай! А то ты сам не знаешь, что тебя бы у касс сцапали? Поди, при деньгах, прибудняешься только?

Я молча продемонстрировал внутренности карманов своей куртки. Кроме табачного мусора, там ничего не оказалось.

— Хватит мне тут грязь развозить. Нет денег, значит, натурой заплатишь. Я свернул с трассы, — и действительно, ехали мы теперь по проселочной дороге, подпрыгивая на каждой кочке. — Надеюсь, эти хмыри не сразу просекут, и мы успеем оторваться. Но если вдруг увижу, что автобус кто пасет, сразу высажу тебя, понял? Я задницу за всяких бродяжек драть не собираюсь.

— Конечно, я понимаю. Спасибо, что помогаете мне.

— Спасибо в карман не положишь и на хлеб не намажешь. Иди давай на свое место. А то смердишь мне тут под нос.

Я был только рад поскорее закончить этот разговор. Пошатываясь, добрался до середины салона, откуда шла короткая лесенка вниз ко второму выходу из автобуса. Этим выходом редко пользовались, и пассажиры оставляли там негабаритный багаж, который не разрешалось поместить в багажное отделение. Я уселся на верхнюю ступеньку, облокотившись спиной о перегородку. По ногам тянуло сквозняком, но в салоне было жарко натоплено, и я начал отогреваться. Нужно собраться с мыслями и придумать, что я буду делать в конце этого часа, когда автобус остановится в центре Зауралья. Но мысли разбегались, как испуганные муравьи. Я согрелся и провалился в сон.

Глава 36

Разбудило объявление водителя. Он сообщал, что автобус на вокзал не поедет, а остановится недалеко от конечной двадцатого маршрута трамвая, на котором можно добраться до центра. Некоторые пассажиры стали возмущаться, но водитель проигнорировал все жалобы.

Мы проехали еще минут пять, и автобус остановился. Люди начали толпиться в проходе, упаковываясь в толстые пуховики и шубы, нахлобучивая шапки и натягивая варежки. Водитель торопил пассажиров, бесцеремонно сообщая, что долго ждать никого не собирается.

Мой час безмятежности закончился. Внутри опять заскребло и заныло. Я понятия не имел, чем буду платить за проезд, а выражение водителя “натурой заплатишь” начинало приобретать самый поганый окрас. Час назад я был слишком рад счастливому избавлению от явной угрозы. Но что может быть хуже жирного извращенца-педофила и его паскудных фантазий на мой счет? Надо как-то выбираться из автобуса вместе с пассажирами. Может, водитель поостережется присутствия свидетелей и отпустит меня с миром.

Люди быстро покидали автобус через переднюю дверь. Я нацепил маску равнодушия и поспешил следом. Надо было валить, как только мы остановились, и первые пассажиры начали покидать автобус. Теперь почти все вышли, и миновать водителя будет сложно. Я протиснулся вперед, обогнав парня с рюкзаком и пожилую женщину в норковой шапке. Казалось, все получится. Водитель отвернулся, а я был уже почти на улице, но вдруг дверь скрипуче захлопнулась прямо перед носом.

— Я же сказал, что у меня к тебе дело, — он воззрился на меня самым наглым образом, не стесняясь двух оставшихся в салоне пассажиров. — Устраиваешь людям проблемы, и никакой благодарности в ответ!

— Нас-то выпустите, — начала возмущаться женщина в шапке. — Ездите как хотите, на расписание вам плевать. Увезли людей черт-те куда! Меня на вокзале дочь встречает, а это

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

полное безобразии!

— Да кто вас держит? Идите, пожалуйста, — водитель нажал кнопку, и дверь распахнулась. Нужно было бежать сейчас, но я отчего-то растерялся и застыл на последней ступеньке, пропуская недовольную женщину и безучастного парня с рюкзаком.

Дверь захлопнулась, мой путь на волю был отрезан. Автобус тронулся и поехал дальше по шоссе, но скоро свернул с большой дороги. Через две минуты я с ужасом увидел первые ряды низких гаражей для легковых машин.

Опять гаражи! Я никогда не выберусь отсюда!

Внутри все задрожало, как от локального землетрясения. Я еще раз взглянул на обрюзгшего верзилу за рулем и в отчаянии понял, что вырваться силой не получится. Несмотря на большой живот, дрябло свисающий через пряжку ремня, руки у мужика были могучие, кулаки же размером чуть ли не с мою голову.

Разум сдался, но тело взяло инициативу на себя.

Я почувствовал, как меняюсь, превращаясь в кареглазого и курносого мальчика. На носу и щеках начали проклеиваться веснушки и, как ни странно, мелкие прыщички. К счастью, водитель не обращал на меня особого внимания.

Тем временем, автобус свернул в один из рядов гаражей. Миновав первых пять или шесть, он остановился.

— Ну, вот и приехали, — сообщил водитель. Он заглушил мотор, достал помятую пачку сигарет, вытряхнул одну и сунул в уголок рта. Потом начал шарить по многочисленным карманам жилетки, извлекая перочинный ножик, одноразовую вилку, десяток брелоков и целую охапку пожелтевших чеков.

— Ну ёптыть... куда я их сунул-то, — беззлобно ругнулся он. Увидев коробку спичек на приборной панели, он просиял. — А, вот вы где спрятались! — со спичками он был любезнее, чем со своими пассажирами. Толстые пальцы привычным движением достали спичку, ловко чиркнули ею о торец коробка и бережно спрятали огонек между огромных ладоней. Ветра в автобусе не было, но чувствовалось, что сам этот ритуал вошел в привычку

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

и доставлял водителю наслаждение. Толстяк раскурил сигарету, глубоко затянулся и пустил долгую струю дыма в лобовое стекло. Дым врезался в преграду, метнулся назад и за клубился, окутывая водителя желтовато-серым облаком. Сделав еще пару затяжек, водитель переместил сигарету в уголок рта и начал, кряхтя и поругиваясь, выбираться из-за руля. Я следил за каждым его движением, напряжение во всем теле росло с каждой секундой. И когда его туша, бесформенная и мешковатая, нависла надо мной, я готов был сейчас же умереть, чем пережить то, что он хотел со мной сделать...

Однако совершенно неожиданно дверь позади взвизгнула и отползла в сторону.

— Ну что, заяц, пойдём, поможешь разгрузить автобус, — сказал он, подталкивая меня к выходу. Мы оказались на улице. Я, все еще слегка ошарашенный, наблюдал, как водитель отпирает гараж, возвращается к автобусу и поднимает крышку багажного отделения. Я увидел, что оно под завязку забито пластиковыми ящиками, из которых рядами выглядывали горлышки бутылок с белой этикеткой и золотистой крышкой.

— Ну, че стоишь, — обратился ко мне здоровяк, — хватай ящик и пошли, покажу, куда ставить. Ты, кстати, мне удачно попался, а то радикулит замучил...

Я схватил ящик и рывком поднял. Он оказался страшно тяжелым, и я чуть не потерял равновесие, но все-таки выровнялся и поплелся в гараж.

— Ставь вон туда в угол, — водитель махнул куда-то в сторону, но я ничего не разглядел, кроме золотистой пыли, повисшей в воздухе. Когда глаза привыкли к тусклому освещению, из мрака проступили пара цинковых ведер, старый велосипед на стене, полки с рядами пустых трехлитровых банок и еще каким-то хламом. В углу действительно было пусто, и я понес туда ящик с позвякивающими бутылками.

— Осторожней опускай! — закричал мужик, и я медленно поставил ящик на пыльный пол.

— Ну вот, — подытожил водитель, прислонившись к гаражной двери и перекатывая сигарету с одного уголка рта в другой. — Всего двадцать ящиков. Стаскаешь и свободен.

Я был рад без памяти, что самые страшные мои опасения оказались лишь плодом

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

испуганного воображения. Хоть работа далеко не из легких, я все же благодарен этому человеку. Взмокшие подмышки, боль в спине и ногах были тем малым, что я с радостью готов заплатить за возможность ускользнуть от бесконечной пытки страхом.

И вот последний ящик водружён на место.

— Ну, я закончил, — сообщил я и медленно направился к выходу, но толстяк преградил путь. Сердце сжалось, а потом помчалось, как бешеное.

— Чтобы молчал и никому ни слова про водку, понял, пацан? — кусочек пепла упал на мои ботинки.

— Конечно! Кому мне рассказывать?

— То-то. Ну давай, иди уже, — он отодвинулся. Я поспешил протиснуться в дверной проем и зашагал прочь.

— Эй, пацан! Подожди... — услышал я вдогонку.

Останавливаться не хотелось. И я продолжал шагать мимо гаражей.

— Да подожди, говорю, — здоровяк догнал меня и сунул в руку что-то похожее на черную тряпку. Я остановился и посмотрел внимательнее. Оказалось, что это старая вязаная шапка. — Одень! — тут же потребовал он. — А то уши отморозишь. Ходишь без шапки в такой мороз... Вот и сын у меня такой же, и прыщавый, как ты. Не слушается, болтается с кем попало. Эх, и что с вами делать?! Куда направляешься сейчас?

— Домой.

— Это правильно. Тут остановка трамвая недалеко, помнишь?

— Да, я запомнил.

— Денег, говоришь, нету?

Он порылся в карманах и протянул мне мятую бумажку.

— Вот, на трамвай хватит. И не болтайся больше по улицам!

— Спасибо! — меня растрогал этот добрый и, кажется, не очень счастливый человек.

— Не говорите про меня, пожалуйста, никому, если спросят.

— А что я про тебя знаю? — мужчина развернулся и пошел к гаражу. — Вышел из

автобуса, и нет тебя. Много вас таких тут бродит. Всех разве запомнишь...

Глава 37

Конечную двадцатого трамвая я нашел быстро. Попутчики из рейсового автобуса давно уехали в город. На остановке никого подозрительного я не заметил, но из предосторожности не пошел под козырек, а встал поодаль за ларьком, куда уже заползли ранние зимние сумерки. Теперь нужно решить, как использовать свою свободу, куда направиться, у кого искать помощи. В Никитский возвращаться нельзя — это ясно. Меня бы наверняка сцапали еще до того, как я увидел знакомые окна. О школе тоже можно забыть. О больнице — тем более. Самое лучшее — идти туда, где я никогда не был, где меньше всего ждут, и где я все-таки смогу найти помощь. Существовало только одно такое место. Но для этого нужно разыскать Воробья.

Часов у меня не было, но судя по тому, что солнце клонилось к закату, уроки скоро закончатся, и Сашка пойдет домой своей обычной дорогой. Я подожду его в сквере, где наши пути обычно пересекались утром. Где он живет, я точно не знал, побывать у него дома так и не пришлось. Почему-то он меня к себе никогда не приглашал.

Подошел трамвай. Я проскользнул в последнюю дверь, прошел немного вперед и сел возле окна. Кондуктор — потрепанная и сонная женщина в синем пуховике посмотрела на меня брезгливо и осталась сидеть. Что ж, если ей лень подойти и взять плату за проезд, то это не моя проблема. Я слишком устал, чтобы беспокоиться по таким мелочам.

Трамвай медленно полз по рельсам, притормаживая на остановках и впуская озябших пассажиров. За окном сыпал холодный мелкий снег. Ветер то и дело бросал его в окно, закручивал вихрями на промерзлой земле и гнал дальше по изменчивой траектории. Конец февраля — самое дурацкое время. Через пару-тройку недель солнце станет ярче, и вернуться птицы, воздух потеплеет, на деревьях появятся первые почки. Но тем тяжелее пережить последние дни зимы, которая словно чувствует свой конец и борется из последних сил.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Медленно, но верно мы приближались к центру. Улицы стали шире. За окном мелькали красивые зеркальные витрины магазинов. Еще несколько остановок, и я мог бы доехать до Никитского, а там и до школы рукой подать. Но сейчас туда нельзя. Нужно быть очень внимательным и вести себя неприметно. Хотелось бы только узнать, сколько сейчас времени. Я обернулся и обратился к пожилому мужчине:

— Не подскажете, который час?

Мужчина вскинул левую руку, сообщил, что сейчас 4:00 пополудни, и тут же отвернулся, делая вид, что внимательно что-то рассматривает в окне.

— Извините, пожалуйста, — мне было неловко его тревожить. Рядом со мной никто не садился, и ясно почему. Вид у меня просто ужасный, но что поделать? — А какой сегодня день недели? И число...

Мужчина недовольно цыкнул сквозь зубы.

— Дожили, блин! — сказал он со злобой. — И откуда вы такие беретесь?

Я молчал, потупившись.

— Четверг сегодня, 15 февраля. Может и год тебе подсказать?

— Спасибо большое, год знаю, — я отвернулся.

— Чего вы на парнишку так окрысились? — услышал я с соседнего ряда. Ко мне подошла старушка и протянула свежую булочку. Есть человеческую еду мне все еще не хотелось, но отказаться я не смог. Молча взял булку, откусил кусок и начал старательно пережевывать.

— Ага, подкармливайте этих наркоманов, — возмутился мужчина сзади. — Посмотрите на него, только что из канализации вылез. Развелось их по всему городу. И как вас только родители воспитывают.

Я с остервенением откусил еще кусок булки. Трамвай начал притормаживать. Я встал и пошел к выходу. Проходя мимо кондуктора, протянул ей помятую банкноту.

— Возьмите за проезд, пожалуйста. Сдачи не надо, — и не дожидаясь ответа, выскочил из открывшейся двери.

Я надвинул глубоко на лоб подаренную шапку. Хотелось бежать, но я старался идти спокойно. С большой дороги сразу свернул во дворы. Шел как можно ближе к жилым домам. Пару раз замечал подозрительных парней, которые слонялись будто бы без дела. Я сразу сворачивал в подъезд и отсиживался там, пока подозрительные типы не пропадали из виду.

Я очень боялся опоздать на встречу с Воробьем. Хорошо, что по четвергам у нас шесть уроков, и какое-то время у меня еще было.

Наконец я добрался до сквера. Центральная дорожка была уже освещена. Ветер затих, воздух стал чист и прозрачен. На снег падали черные тени, и я решил притаиться в сугробе за деревом. Выбрал место потемнее, но с хорошим обзором, и начал ждать.

Присев на корточки, я сразу ощутил дикий, нестерпимый голод. Он, как серная кислота, прожигал мои внутренности. В глазах закружились белые мушки. Деревья вокруг задрожали. Они то расплывались, то вдруг приобретали невероятную резкость, обнажая мельчайшие детали своего несовершенства.

Так. Главное, не потерять сознание до того момента, когда в сквере появится Воробей. Хотя теперь я не был уверен, что смогу двинуться с места и произнести хотя бы пару слов. Неужели я сдамся сейчас? Пропаду ни за грош, замерзнув в сугробе, как никому ненужный бродяга? Хоть глоточек любви, самую маленькую капельку, чтобы выжить, чтобы идти дальше. Я закрыл глаза и внезапно почувствовал густое и терпкое, насыщенное богатым ароматом, пронзительно вкусное чувство. И тут же вслед за ним еще одно — нежное, тонкое, но не менее насыщенное, благородное и чистое. Два этих сильнейших порыва сливались и перемешивались, но не становились от этого хуже. Наверное, это предсмертные галлюцинации... Ну что же, пусть так, пусть спасительные видения унесут меня в страну грез, и я не почувствую, как замерзаю и умираю от голода.

Я пил с наслаждением, полностью отдавшись своему главному инстинкту и чувствуя, как мышцы опять становятся упругими и кровь приливает к щекам. Скоро источник ослабел, а я совсем пришел в себя.

Я выглянул из своего убежища и огляделся. На одной из лавочек недалеко от меня

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

сидела пара. Они тесно прижались друг к другу. Через минуту я услышал голоса, и меня тут же прошибло потом.

— Саша, уже поздно, почти стемнело, — сказала девушка. — Мне пора домой.

— Мне тоже пора, — отозвался парень, и я с ужасом понял, что это Воробей, а девушка — Леся.

— Ну, я пойду? — Леся встала и вскинула на плечо школьную сумку.

— Тебя проводить?

— Да нет, необязательно. Ты же знаешь, тут совсем близко.

— Ну ладно. У меня просто уроков много... надо бежать.

— Да, конечно.

— Увидимся... может быть завтра, — в голосе Леси чувствовалась неуверенность.

— Я позвоню тебе... завтра, — но я понял, что Сашка вряд ли позвонит.

Он тоже поднялся, взял свою сумку, быстро поцеловал Лесю в щеку и зашагал прочь по центральной аллее. Она же пошла в другом направлении, свернув на одну из боковых дорожек.

Между ними все было кончено. Удивлюсь, если завтра они вообще вспомнят друг о друге.

Я выбрался из сугроба и быстро пошел за Сашкой, преображаясь на ходу. Несмотря на грязную вонючую одежду, выглядел я теперь так, как мой друг привык меня видеть — черная челка наискосок, большие серые глаза и ироничная улыбка. Я догнал его в конце сквера, но окликать не стал, а просто дотронулся до плеча. Тот вздрогнул и резко обернулся. Он сразу узнал меня и просиял.

— Тимон, ты, что ли?! — Сашка кинулся обнимать меня, но тут же отстранился. — Какого черта ты меня так пугаешь! Как вампир сзади подкрался, еще чуть-чуть, и свернул бы мне шею.

Я невольно вздрогнул от его слов.

— Чего ты придумываешь? Вампиры какие-то ему мерещатся... Здорово! — я

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

протянул ему грязную руку, и он пожал ее без колебаний.

— Ты где пропадал? Вид у тебя вообще... неправильный, — он с трудом подобрал слово.

— Да попал в приключение, — я виновато развел руками. — Мне помощь нужна, поможешь?

— Конечно! Что с тобой случилось? Я заходил в Никитский. Ваш директор, кстати, очень недоволен был, сказал мне, что ты внезапно уехал к родственникам и, скорее всего, уже не вернёшься.

— Вот такие родственники у меня... — я поджал губы. — Решил приехать назад. Только, как видишь, выгляжу я беспонтово. Стыдно в таком виде возвращаться. Сто лет потом вспоминать будут, как я тетку навещал. Мне бы помыться и переодеться в чистое, тогда можно уже и в Никитский.

— Да без проблем! Родаки вернутся с дежурства поздно. Мы тебя успеем в человеческий вид привести.

— Спасибо, Воробей! Ты меня спасаешь! — И это было чистой правдой.

— Да ладно, брось!

Мы быстро зашагали в сторону его дома.

Глава 38

Когда мы подошли к серой пятиэтажке, типичной для спальных районов Зауралья, уже совсем стемнело. Фонарь над подъездом не горел. На лавочке возле входа я заметил компанию ребят. Все они были в черных кожаных куртках, спортивных штанах, тяжелых сапогах с тупыми носами и вязаных шапочках. Я насторожился, но Воробей уверенно шел вперед, и я поторопился за ним.

— Эй, пацаны, курить есть? — один из парней окликнул нас. Он сидел на спинке лавочки, поставив ноги на сиденье.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Не курим, — отозвался Воробей, не останавливаясь и следуя напрямиком в темный подъезд.

— Они тебя не донимают?

Сашка быстро поднимался по лестнице в крошечной темноте. Я же цеплялся за стены, пытаюсь не упасть.

— Это Женька Чиркунов с четвертого этажа с компанией, — отозвался Воробей откуда-то из мрака. — Раньше он часто меня доставал. Но после того, как батя ему руку по кусочкам собрал, перестал. Теперь даже опекает. В нашем районе меня никто не тронет.

— В смысле, собрал по кусочкам?

— У меня отец хирург-травматолог. Мама тоже врач, педиатр.

— А, понятно.

Мы добрались до лестничной клетки, и тут началась катавасия с ключом.

— Черт, ни хрена не видно! — ворчал себе под нос Сашка. — Только в понедельник отец новую лампочку в коридоре поставил, опять гады выкрутили!.. А ты ведь у меня не был никогда?

— Действительно, как-то не пришлось до сих пор, — пожал я плечами.

— Упущение, — я почувствовал, как он улыбается в темноте. Наконец ему удалось вставить ключ в скважину, и замок защелкал. Дверь бесшумно отворилась, и Сашка зажег свет в тесном коридорчике.

— А сестер и братьев у тебя нет? — мне не хотелось сейчас встречаться с кем бы то ни было.

— Да нет. Родителям и со мной-то некогда справляться. Они все время на работе.

— Понятно.

— Ну проходи, раздевайся.

Я стянул ботинки и оглядел себя. Разорванные джинсы в пятнах крови и грязи. От кожанки несет перегаром и потом.

— Э... Пожалуй, мне лучше сразу в ванную.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Как хочешь, — Сашка скинул куртку и скрылся за дверью в соседнюю комнату. — Твои вещи можно сложить в пакет, — прокричал он. — Пока раздевайся, а я приготовлю тебе смену белья.

— А где ванная?

— Дверь сразу напротив тебя.

— Ага.

Я вошел в крошечную ванную. Начал стягивать водолазку и тут же обжег локоть о раскаленный змеевик на стене. Пока соскребал с ног носки, перевернул бутылки с шампунями. Они с грохотом повалились на пол.

— Ты там в порядке? — слышалось из комнаты.

— Да!

Я присел на край ванной, чтобы еще чего-нибудь не свалить. Слева, в узкое пространство между ванной и стеной втиснута допотопная стиральная машина. На ее крышке рядом расположилось несколько пузырьков и бритвенные принадлежности. Над стиральной машиной — простое зеркало в пластмассовой раме. Я глянул на свою цветущую физиономию и отвернулся, чувствуя отвращение.

Сашка — мой друг, мой единственный настоящий друг за всю жизнь. Несмотря на природное, я бы даже сказал, агрессивное обаяние, люди не так уж часто хотели со мной дружить. Да и я всех отталкивал. Но Воробей самый простодушный, доверчивый, открытый и бескорыстный человек из тех, что я встречал. Он ни секунды не сомневался, когда я попросил у него помощи. А за миг до этого я выпил его любовь до последней капли.

Ведь можно было оставить им хоть чуть-чуть. Наверняка Сашка и Леся, две светлых души, смогли бы возродить свое чувство. А я прикончил их любовь! Забрал все без остатка. Но я ведь знаю, что любовь нельзя отнять без последствий. Очень скоро они почувствуют огромную, бездонную дыру в своих душах. Эта бездна будет мучить и пугать их. Что я наделал!

В дверь постучали.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Ты еще не разделся? — крикнул Воробей.

— Нет, заходи, — захотелось сбежать отсюда и никогда не смотреть в глаза друга.

— Вот, — Сашка протянул мне синюю футболку и старые джинсы. — Ты, кажется, стал выше ростом за этот месяц. Наверно, мои джинсы будут тебе коротковаты.

— Не страшно. Спасибо тебе, Сашка! Ты очень мне помогаешь... ты просто не представляешь, как много ты для меня сейчас делаешь, — я не удержался и обнял его.

Тот смутился.

— Да ладно тебе. Мойся!

Он выскользнул из ванной и уже из коридора крикнул:

— Возьми мамин земляничный шампунь, а то воняет от тебя, как от бродяги подзаборного.

— Сам знаю! — отозвался я со смехом. — Необязательно было напоминать.

Теплая вода, земляничный шампунь и чистое белье вернули меня к жизни. Я вышел из ванной совершенно преображенным.

Из кухни раздавался звон посуды, и что-то шкворчало на сковороде. Воробей колдовал над плитой. Он мельком оглянулся и продолжил орудовать деревянной лопаткой, переворачивая котлеты.

Вдруг из кипящей кастрюльки повалила пена. Сашка схватился за крышку, но тут же выронил ее и замахал рукой. Крышка с грохотом полетела на пол. Лапшичный бульон продолжал литься и грозно шипеть, покрывая плиту бурыми пятнами. Я схватил тряпку и кинулся собирать бульон.

— Блин! Прозевал! — Сашка запихал обожженные пальцы в рот и неразборчиво промямлил. — От мамы опять влетит.

— Ничего, мы все отчистим.

— Котлеты горят!

Он кинулся спасать котлеты. Я решил приглядеть за лапшой. Придется есть, раз он так старается.

Наконец, ужин был готов. Я убедил Сашку, что мне хватит и одной котлеты. Себе он положил три, и мы принялись за еду.

— Скоро мама должна вернуться, — объяснил он.

— А отец когда придет?

— Сегодня он всю ночь на дежурстве. Будет завтра, но я уже в школу уйду.

Мы сидели за столом. Воробей уплетал за обе щеки. Я перекачивал лапшу по тарелке и время от времени отправлял в рот кусочек котлеты. Мы молчали. Я все ждал, когда же начнутся расспросы, но Воробей был занят едой. Тогда я не выдержал и начал первым.

— Извини, что я вот так вот свалился как снег на голову...

— Да ладно извиняться. На то и есть друзья. Лучше скажи, что планируешь делать?

— Да... если честно, пока еще не знаю. Главным планом было найти тебя. Теперь вот думаю...

— Ну, а че тут думать! — он бросил вилку в полупустую тарелку и воззрился на меня. — Оставайся сегодня здесь. А завтра утром вернёшься в Никитский. Чистый, отдохнувший и выспавшийся. Никто и не подумает, что ты сбежал. Ты ведь сбежал, так?

— Ну да...

— Ну и вот. Просто скажешь, что ездил к дальним родственникам погостить. Наплетешь чего-нибудь. Что мне тебя учить.

— Ну да, вариант. А мама твоя разрешит мне у вас сегодня остаться?

— А ты ей улыбнись, как ты умеешь, она и растает. Она дама чувствительная и жалостливая.

Внутри все похолодело. Неужели Воробей раскусил меня?

— Ты меня переоцениваешь, — я отвел глаза.

— Вот, именно так и разговаривай с моей мамой. И ресницами своими почаще маши.

— Да ладно тебе! — я подцепил вилкой макаронину и запустил, целясь в ехидную физиономию. Сашка пригнул голову, и макаронина повисла в его волосах на макушке. Он не растерялся и тут же нанес ответный удар.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Да ну тебя, я только помылся!

Но у Воробья оставалось еще много боеприпасов.

Наша битва была в самом разгаре, когда в замочной скважине заскрежетал ключ.

— Мама! — прошептал Воробей. — Собирай макароны!

Мы начали ползать по полу. Я собирал макароны в ладонь, а Сашка складывал их прямо в рот. Я тут же последовал его примеру и запихал в рот целую пригоршню.

— Здравствуйте! Сашенька, у нас гости?

От неожиданности я подавился и стукнулся лбом о стул.

В дверях стояла миловидная, совсем молодая женщина в синем пальто и пушистой круглой шапке. Она посмотрела на меня и улыбнулась.

— Да, мам, это Тимка из школы, я тебе как-то про него рассказывал.

— Да, наверно, не помню уже, — она виновато развела руками.

— Вы ужинаете?

— Ага. Вот котлеты тебе оставил. И лапши немного.

— Лапши, значит? — она протянула руку и выудила из волос Сашки макаронину.

— Ладно, мам, ты ужинай, а нам надо уроки делать.

Мы пошли в большую комнату и целый час резались в приставку. Потом пришла Сашкина мама и заставила повторять неправильные глаголы к уроку английского.

Понадобятся ли мне когда-нибудь эти неправильные глаголы? Вернусь ли я в школу? И что мне вообще делать?.. Куда податься?

— Пойду спрошу насчет тебя, — подмигнул мне Воробей.

Я услышал, как они переговариваются на кухне, но слов разобрать не мог. Судя по интонации, мама Воробья не была в восторге, и я уже начал готовиться к ночи на холодной улице. Но тут мой товарищ вернулся и громко объявил: если я позвоню в Никитский и предупрежу, что останусь ночевать у одноклассника, мама возражать не будет. Он показал жестом, что ничего большего сделать не получается.

— Конечно, я позвоню, — ответил я так же громко. — А телефон у вас есть?

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Пойдем, покажу, — Сашка махнул рукой.

— Кому звонить будешь? — спросил он уже шепотом.

— Есть один человек...

Сашка привел меня в комнату родителей: большую и тесно заставленную громоздкой мебелью. Возле единственного окна стоял грузный письменный стол, заваленный книгами и журналами, корешки которых пестрели склоняемым на все лады словом “хирургия”. Сашка подвел к столу, извлек из гущи научно-литературного айсберга телефонный аппарат и протянул мне.

— Только не трогай тут, пожалуйста, ничего, — попросил он. — Отец работает над диссертацией. Ему кажется, что у него здесь идеальный порядок и самая логичная система рассредоточения вещей. Если что-то подвинешь, он будет очень недоволен. Располагайся, — Сашка мотнул головой, указывая на высокое кресло с покатыми подлокотниками.

Я уселся и снял трубку.

— Может, правда, позвони в Никитский...

— Не волнуйся. Дай мне пять минут поговорить с одним человеком.

— Хорошо. Зови, если понадобится, — и он скрылся, прикрыв за собой дверь.

Номер я помнил наизусть, хотя набирал его лишь пару раз. Я услышал всего один гудок, и трубку подняли.

— Да, я слушаю, — раздался нервный голос отца Нади. — Настя, это ты? Что-нибудь случилось?

— Нет...нет, это Тимофей. Помните, Надин друг.

— А...ах да, Тимофей. Ты не заходил давно.

— Как Надя?

— Да, как тебе сказать... Не очень. Все так же в коме. Ты знаешь, сейчас не самый лучший момент, чтобы навещать ее. Может быть на следующей неделе, — он устало выдохнул в трубку. — Я не хотел бы занимать долго линию, жена может позвонить в любую минуту.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Что там могло произойти, пока меня не было? Внутри все сжалось и заняло.

— Стас, я хотел бы поговорить с вами о Наде и... еще кое о чем. Стас, я знаю о Наде гораздо больше, чем вы думаете.

— Тимофей, ты прости меня. Я сейчас совсем не в настроении о чем бы то ни было говорить. Я действительно должен положить трубку.

— Стас, не делайте этого, — хотелось закричать, но я сдержался. — Послушайте, я знаю, что Надя ушла в отражение. Я знаю, что она до сих пор там и не может выйти. Мы пытались вместе, но ничего не получилось. Мы теперь оба точно знаем, что нужно найти то самое зеркало, через которое она вышла. Только так она сможет вернуться. Стас, вы меня понимаете?

На том конце было глухо. Ни звука. Тогда я добавил очень тихо и уверенно:

— Послушайте меня и поверьте, я знаю, кто украл зеркало.

— Где оно? — внезапный крик ударил по ушам, и я отшатнулся. — Ты должен мне сказать немедленно, это очень важно!

— Не волнуйтесь, я все вам расскажу. Но не по телефону. Мы встретимся завтра утром.

— Где мне тебя найти?

— Если я дам адрес, вы сможете за мной приехать? Понимаете, меня ищут. Я не могу сам прийти к вам.

— Ищут? Но кто?

— Я все расскажу завтра.

— Конечно, я приеду за тобой.

— А сейчас вы можете мне подыграть? Сегодня я остановился у друга. Его мама волнуется, что в детском доме меня потеряют, если я останусь на ночь. Поговорите с ней, пожалуйста, убедите, что все в порядке. Кстати, у нее вы можете узнать адрес.

— Хорошо.

Я положил трубку на край стола и направился в кухню. Сашкина мама мыла посуду.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

На плите закипел чайник, и она, наскоро вытерев руки полотенцем, сняла его и залила крутым кипятком заварник. Я замер, прижавшись спиной к дверному косяку. Из головы вылетело, зачем я вообще пришел. Сашкина мама обернулась. Ее взгляд был мягким и задумчивым. Как повезло моему другу. Надеюсь, он это понимает.

— Вас к телефону, — сказал я и подарил ей самую очаровательную из своих улыбок — все, что я мог сейчас подарить.

Проходя мимо, она чуть взъерошила мне волосы на макушке. Разговор был недолгим. Я слышал, как она продиктовала адрес и номер телефона, попрощалась и положила трубку.

— Очень милый у вас воспитатель. Пообещал, что завтра в восемь утра сам заберет тебя, чтобы убедиться, что ты успеешь в школу.

— Да, у нас там все такие.

— Ну что, доделывайте уроки и готовьтесь ко сну. Сашенька, я постелю твоему другу в большой комнате на раскладном кресле.

Совсем поздно вечером, когда Воробей вовсю сопел во сне, я услышал, как его мама тихо вошла в нашу комнату. В руках у нее был тазик. Стараясь производить как можно меньше шума, она развесила на батарее мои выстиранные джинсы, водолазку и носки.

Глава 39

Я никак не мог заснуть. Мысли метались в голове, как рой тараканов. Я все пытался придумать, какую часть истории поведать Стасу. Невозможно просто сообщить, кто украл зеркало, и где его искать, ведь четких ответов на эти вопросы я дать не мог. О похитителях я толком ничего не знал. Да и они уже давно могли покинуть убежище возле гаражей и уничтожить все улики.

Так и эдак я перетасовывал факты, выкладывая всю информацию о Наде и зеркале с одной стороны и тайну собственного проклятия с другой. Как ни старался я достигнуть баланса, избежать разоблачения своей сверхъестественной сущности было невозможно.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

События цеплялись друг за друга, и стоило выдернуть хоть одно, как вся история рушилась, словно картонный домик.

Как объяснить родителям Нади, что существуют те, кто питается человеческой энергией, как пирожками с капустой? Но с другой стороны, их собственный ребенок тоже не из простых. Им легче понять и поверить в сверхъестественное, чем любому другому.

Я мог бы попытаться внушить им не задавать лишних вопросов. Но смогут ли они тогда адекватно оценить ситуацию и придумать реальный способ спасти Надю? Один я точно не справлюсь.

И как они потом будут относиться ко мне — тоже вопрос. Возможно, они возненавидят меня, испугаются, отвернутся. Даже Надя не смогла принять меня таким, какой я есть...

Трезвон будильника отвлек от тяжелых мыслей. Стальной молоточек ожил и отчаянно забился между тарелочек. Звук был на редкость громким и противным.

Из-под одеяла на диване вынырнула рука и начала шарить по столу. Навязчивые звуки становились все невыносимее. Рука схватила будильник и затащила его под одеяло. Будильник сопротивлялся из последних сил, выкрикивая финальные ноты лебединой песни, но в конце концов сдался.

— Как я ненавижу этот будильник! — показалась взъерошенная голова Сашки. — Но только эта сволочь способна меня разбудить.

Я потянулся, делая вид, будто только проснулся.

— Ну что, как спалось?

— Да уж получше, чем на вокзальных креслах.

— На правах гостя можешь еще поваляться, — он соскочил с дивана и неверной походкой направился в ванную.

— Отлично, — сказал я, повернулся на бок и закрыл глаза.

Как только Сашка вышел, я встал и подошел к окну. На улице было так же темно, как накануне вечером. Рассвет еще не занялся. Часы показывали 7:05. Значит, Стас должен

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

подъехать через час.

Я проверил свои вещи на батарее. Сухие. Отлично.

Я принялся натягивать штаны. Когда вернулся Воробей, я был уже в полной боевой готовности.

— О! Ты все-таки встал. Ванная свободна, можешь идти умываться.

Умывшись и вытерев лицо о мягкое махровое полотенце, я услышал настойчивую телефонную трель. Через минуту появилась Сашкина мама. Широко зевая, она пробормотала, что заботливый воспитатель не дает уставшим женщинам выспаться, и скрылась за дверью туалета. Я поспешил в родительскую спальню.

— Тимофей? — голос Стаса, все такой же встревоженный.

— Да, это я. Возникли какие-то проблемы?

— Проблемы были с самого начала, Тимофей. За нашим домом постоянно наблюдают, я уже давно это понял. Поэтому сам приехать не смогу, — я слушал, затаив дыхание. — Мой брат приедет за тобой через пятнадцать минут. Он отвезет тебя в больницу, где мы сможем встретиться и спокойно поговорить обо всем.

— А ваш брат в курсе того, что происходит?

— Не совсем. Трудно, знаешь ли, делиться такими вещами... Но он мне верит и готов помочь, не задавая лишних вопросов.

— Возле больницы меня могут узнать, и тогда я не успею рассказать вам все, что знаю. Скорее всего, люди, которые следят за вами, охотятся и за мной!

— Поверь, больница — это сейчас самое надежное место. Мы приняли все возможные меры, чтобы обезопасить Надю.

— Хорошо, — отозвался я.

— Тогда так: у моего брата белая “Волга”. Он запаркуется прямо у подъезда и будет ждать тебя. Выйдешь и сразу садись в машину. Договорились?

— Да.

— Отлично! Все получится. До встречи.

Я положил трубку. Оглянулся и увидел Воробья. У него был серьезный вид.

— Уходишь прямо сейчас? — спросил он, когда я поравнялся с ним.

— Да, через несколько минут за мной приедут.

— Ты уверен, что с тобой не случится ничего плохого?

— Воробей, я в надежных руках, не волнуйся.

— Ты вляпался в какую-то историю, да?

— Сашка, будет так, — я посмотрел ему в глаза и для надежности взял за руку, — ты пойдешь в школу и забудешь о том, что встретил меня вчера в сквере, забудешь о том, что я ночевал у вас, забудешь об этом телефонном разговоре. Ты не вспомнишь, как я был у тебя.

Глаза моего друга помутнели и уставились в пустоту. Он чуть покачивался и совсем не пытался освободить свою руку. Внезапно мне в голову пришла одна мысль.

— И еще, ты сейчас же позвонишь Лесе и пригласишь ее на свидание. Ты любишь эту девчонку, а она любит тебя. Постарайтесь вспомнить и воскресить то, что вы друг к другу чувствовали.

Я не знал, сработает ли это, но должен был попробовать. Я отпустил Сашкину руку и, не дожидаясь его реакции, пошел в коридор одеваться. Он появился через пару минут и спросил как ни в чем не бывало:

— Уже уходишь?

— Да, надо бежать.

— Тогда удачи! Увидимся в школе.

— До скорого.

Как и обещал Стас, белая “Волга” уже дожидалась меня. Мотор машины тихо работал, но фары были выключены. Я быстро открыл заднюю дверь и проскользнул в салон. За рулем сидел мужчина средних лет несколькими годами старше Стаса. Как и Надин отец, он был широкоплеч и высокого роста. Водитель оглянулся.

— Тимофей?

— Да.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— А меня Сергей зовут.

Не задавая больше вопросов, он выдал сцепление, переключил скорость, и машина тронулась, быстро набирая ход.

Глава 40

Мы мчались по темному городу. За окном мелькали тускло освещенные улицы. Я смотрел на свое отражение и подводил итоги последних дней.

В конце концов, все должно получиться! Несмотря ни на что, мне удалось сбежать, и скоро я увижу Надю. Ее родители обязательно что-нибудь придумают. Ведь взрослые всегда находят какое-то решение.

Навалилась усталость. Ну почему я не такой как все?! Почему я не могу жить, как Сашка, обычной, нормальной жизнью? Несколько детских домов, много людей вокруг, нелюбимых, ненужных, ничего для меня незначащих людей. Тогда было проще. Я всегда находился по другую сторону от их мира забот и стремлений, их суеты, их головной боли, их зависти, их неудач и мелких побед — всего, что их тревожило и беспокоило, за исключением любви, которую иногда, совсем редко, они испытывали друг к другу.

Внезапно я перестал быть наблюдателем и оказался в эпицентре событий, которые неизвестно к чему меня приведут. Но самым поразительным было то, что моя судьба теперь мало меня беспокоила. Есть определенная цель — вывести Надю на эту сторону. Все, что за пределами цели, и все, что будет потом, если это “потом” вообще когда-нибудь наступит, не имеет сейчас значения. Вот так все просто, и одновременно очень сложно.

— Тимофей, — окликнул меня водитель, — там на заднем сидении сумка, видишь?

— Ага.

— В ней пуховик и шапка. Переоденься пока. Мы скоро приедем.

Клетчатая китайская сумка стояла в ногах. Я открыл замок и достал голубой пуховик женского покроя и круглую кроличью шапку с двумя черными меховыми помпонами. Рукава

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

пуховика оказались короткими. На улице придется спрятать руки в карманы. Шапка тоже маловата, но натянуть ее до бровей все-таки получится. Главное — переодеться, а лицо сменить я успею в случае необходимости.

За окном показалось здание больницы. Неуклюжая женщина в телогрейке и валенках убирала снег с крыльца огромной лопатой.

Мы припарковались на маленькой стоянке у правого крыла здания. Машин почти не было, не считая малиновой “Нивы” с тонированными стеклами. Внутри невозможно было разглядеть ни малейшего движения.

Как параноик, я во всем чувствовал угрозу. Я поправил голубой пуховик, натянул шапку и вышел из машины. Обогнул капот “Волги” и присоединился к Сергею. Для убедительности взял его под руку, и вместе мы направились ко входу в больничный корпус.

Сердце запрыгало в груди, как только я почувствовал знакомый запах хлорки и сырости. Мы взяли в гардеробе халаты и, не задерживаясь, поднялись по лестнице на третий этаж. Там, в палате номер восемь, тело Нади ожидало воссоединения с душой.

Внутри все ликовало. Я жаждал увидеть ее, прикоснуться к теплой руке...

Но стоило войти в палату, меня встряхнуло, как от взрыва. Я больно ущипнул себя. Нет, это не очередной кошмар, навеянный вампиром страха. Половину Надиного лица закрывала кислородная маска. Мне объяснили, что неделю назад она перестала дышать самостоятельно. Из-под больничной пижамы к громоздкому прибору на тумбочке тянулись разноцветные провода. Прибор уныло попискивал, на мониторе красным мигали цифры. Справа от Нади на стойке висели две бутылки с прозрачной жидкостью. От них к тонким рукам тянулись трубочки капельниц.

Сама Надя как будто стала ниже ростом. Через сероватую кожу просвечивали синие венки. Под глазами залегли темные круги.

Я стоял у постели не в силах пошевелиться. Я чувствовал, как во мне что-то сломалось.

Подошла Настя и принялась вытирать мне щеки носовым платком. Она поцеловала

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

меня в лоб и сказала:

— Пойдем в коридор, поговорим там.

Я кивнул и, покачиваясь на ватных ногах, последовал за ней. В коридоре нас ждал Стас. Увидев меня, он встал и сделал шаг навстречу. Настя жестом попросила его сесть. Она усадила меня рядом на жестком диванчике и заговорила первой.

— Врачи говорят — острое психосоматическое расстройство. Уже несколько дней убеждают перевезти Надю в столичный медицинский центр. Говорят, там более опытные врачи, и есть шанс... Она угасает на глазах, — Настя замотала головой, будто не верила в то, что говорила. — Неделю назад ей стало хуже. Ее основные рефлексy затухают, — она осеклась. — Если бы мы не знали, в чем причина ее состояния... но все, что мы можем и должны сделать, это вернуть пропавшее зеркало. Во всем, что случилось с нашей дочерью, виновата только я одна, — по ее щеке покатилась слезинка. — С самого начала я должна была с ней поговорить...

— Настя, не надо сейчас об этом, — Стас взял жену за руку. Та отдернулась и продолжала:

— Мне казалось, она еще слишком мала, чтобы поверить и понять всю серьезность возможных последствий. Я была уверена, что она не унаследует этого, — она посмотрела на меня, будто ища поддержки. Я молчал и внимательно слушал. — В нашей семье зеркалами всегда были мужчины, и всегда только один прямой потомок за поколение. Посвящать в тайну девочек было не принято. Я бы и сама ничего не узнала, если бы не трагедия с моим братом.

— Мой старший брат был зеркалом, и отец тоже. Они знали о своих способностях так же, как и об опасностях, связанных с погружением. Но брат был молод и слишком самоуверен. На одной из вечеринок он решил подшутить над друзьями. В коридоре квартиры стояло зеркало. Брат погрузился в отражение и перешел в зеркало гостиной, где вся компания собралась за ужином. Он начал играть с посудой. Летали тарелки, ложки и вилки, фужеры срывались с места и расплескивали вино на гостей. Вместо веселья, которого ожидал брат,

поднялась паника.

— Люди вскакивали с мест и бежали из квартиры. Кто-то зацепил стартовое зеркало, и оно разбилось... Брат остался в отражении, а его тело лежало в углу коридора. Наш отец нашел его и сразу понял, какая непоправимая трагедия случилась, — Настя нервно сцепила руки. — Отец пытался помочь моему брату, но оба понимали, что это конец. Зеркало было разбито, превратилось во множество других зеркал, соединить которые было невозможно. Брат до конца жизни оставался в отражении. Его тело просуществовало около месяца под присмотром врачей. Техника тогда была совсем другой. В конце концов он... Его просто не стало. Мои родители рассказали мне о зеркалах незадолго до его кончины, чтобы мы смогли попрощаться. Я не могла поверить в происходящее. Я и сейчас с трудом в это верю. Именно поэтому я ничего тебе не говорила, Стас, — она подняла заплаканные глаза на мужа. — Я не могла знать, что наша дочь унаследует это проклятье.

Настя опустила голову на колени и закрыла лицо руками. Вздохнув, она опять обратилась ко мне.

— Теперь скажи, ты видел Надю в зеркальном отражении?

— Последний раз...

— Слава богу! Значит, ты точно видел ее, и не один раз?

— Да, мы часто встречались и разговаривали. Гм... — дыхание вдруг перехватило. — Сначала она не хотела возвращаться, ей нравилось путешествовать. Но потом она соскучилась по вам и решила вернуться. В последний раз я пришел сюда в больницу со своим зеркалом, в котором она обычно появлялась.

Настя придвинулась ко мне почти вплотную.

— Надя пыталась выйти, но ничего не получилось...

— Где это зеркало?

— Я потерял его.

— Ну как же так?! — всплеснула она руками. — Почему ты сразу ничего не сказал нам?

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Она не хотела. Может быть, думала, что вы рассердитесь...

— Ты видел ее с тех пор?

— Да, еще несколько раз. Не знаю, с чего начать...

И я рассказал о наших с Надей злоключениях. Я подробно описал похитителей: всех, кого мог вспомнить. Сообщил, что те знали все о Надиных способностях, и что это они украли зеркало.

На вопрос, откуда бандиты узнали о Наде, у меня ответа не нашлось. Когда же речь зашла об ограблении банка, я поведал лишь о том, что Надя собирала информацию об индивидуальных кодах клиентов. О своей роли я умолчал, как и о походе в банк вместе с Папашей. Пришлось наврать и про побег, будто я воспользовался моментом и украл ключ от замка камеры. Все остальное рассказал, как было на самом деле.

Надины родители напряженно слушали. Стас то и дело потирал лоб, оставляя ярко-розовые полосы. Настя же сидела неподвижно, вцепившись в подлокотник дивана. Когда же закончил, Стас взъерошил волосы, поднялся и быстро зашагал по коридору. Он остановился у палаты, устремив долгий взгляд на Надю через квадратное окно двери.

— Стас, надо что-то... — начала было Настя.

— Я думаю! — отрезал Стас с остервенением в голосе. Потом тихо процедил сквозь зубы: — то есть все-таки в милицию нельзя. Но ведь мы знаем, где их искать. Если действовать быстро...

— И что мы им скажем? У нас похитили зеркало и шантажируют тем, что грозятся его разбить...

— Но как же ограбление банка? — возразил Стас шепотом.

— А что мы знаем? Какие у нас доказательства?

— Настя, они похитили ребенка. Разве это не доказательство?!

— Пожалуйста, не обращайтесь в милицию! — вмешался я. — Похитители наверняка успели замести все следы. Мы не сможем ничего доказать... Только разозлим их.

Стас подошел и присел возле Насти. На его лице застыла маска боли. Я понял, что

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

вариантов у него нет.

— А если предложить им выкуп? Настя, — он посмотрел на жену с отчаянной надеждой, — может быть, мы сможем собрать нужную сумму и выкупить зеркало?

В ответ Настя лишь закрыла лицо руками и тихо зарыдала.

— Тимофей, сколько им нужно, они не говорили об этом?

— Они хотят ограбить банк...

— Но, кажется, наша девочка уже выполнила их требования? Она собрала информацию. Что им еще может быть нужно?

Я размышлял всего секунду. Стас был прав. Надя уже выполнила свою часть договора. Теперь моя очередь... В глубине души я знал, чем все закончится. Мой побег — временная передышка, единственный козырь, силой вырванный у судьбы. И теперь я намерен разыграть его в пользу Нади. Я решил это давно, но осознал только сейчас. И будь что будет. В конце концов, я сумею о себе позаботиться так, как делал это всегда.

— Стас, им нужен я.

— Ты? Чем ты можешь быть теперь полезен? Ты вывел их на Надю, на этом твоя миссия исчерпана.

— Стас, я нужен им, чтобы ограбить банк, — сказал я тихо, пытаясь унять дрожь в голосе.

Настя опять напряженно сцепила руки, будто желая их удержать. Стас в очередной раз взъерошил волосы.

— Но чем ты можешь помочь?

Я решил, что нужно рассказать им все как есть.

— Гм... — Ох, как же это непросто! — Им нужен свой человек в банке, чтобы знал про пароли, ключи и систему блокировки сейфов. В это хранилище даже таракан не проползет без карточки с фотографией и отпечатками пальцев. Короче, без своего человека никак не обойтись. Но ведь такого человека в долю надо брать, просвещать его в планы. А если он выдаст? Если сразу в милицию рванет?

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Да, — согласился Стас, — после ограбления в первую очередь своих проверяют.

— Логично. Думаю, было бы идеально, если банковский служащий сам помог грабителям, но потом ничего не вспомнил об этом...

— Что за фантазии?

— Они хотят, чтобы я обеспечил им такого человека...

Я тоже потер лоб ладонью.

— Но ведь это невозможно!

— Возможно... — повторил я тихо, сам пугаясь своих слов.

— Но как? — они смотрели на меня, как на сумасшедшего.

— Ну как бы это... У меня есть способности... — начал я неуверенно. — Только дослушайте до конца, не прерывайте, пожалуйста. Вот Надя — она необычный человек, согласитесь?... Я тоже всегда был непростым ребенком. Но мои способности совсем в другом. Строго говоря, я не человек...

Ну вот, сейчас начнется...

Я виновато посмотрел на Стаса.

— Фу-ты, елки... — пробормотал тот.

Стас уперся локтями в колени, обхватил руками голову и устало выдохнул.

— Ну, продолжай, — сказал он. — Я дослушаю тебя до конца.

— Знаю, в это сложно поверить... Знали бы вы, как я испугался, когда впервые увидел Надю... Там... Но мне стоит показать вам кое-что. Тогда легче будет поверить во все остальное.

Нужно было сделать что-то легкое и не слишком пугающее. Я решил превратиться в того самого мальчика, каким любила меня видеть Надя.

Волосы потемнели и стали черными. Челка отросла и упала на бок прядью. Глаза посветлели и приобрели тот необычный ультрамариновый цвет. Скулы стали шире, губы — полнее.

Лицо Стаса, наблюдающего за мной, тоже преобразилось из угрюмо-враждебного в

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

испуганно-недоумевающее.

— Это фокус какой-то? — спросил он озадаченно.

— Нет. Это как раз то, о чем я говорил. Я умею менять внешность.

— Как ты это делаешь? — Настя подошла ко мне и с опаской прикоснулась к волосам.

— Неважно, как я это делаю. Просто умею, как умею говорить или ходить.

— Невероятно! Стас, ты это видел?

— Да, — отозвался тот, нервно играя желваками. — Ну, допустим... ты умеешь менять внешность... Объясни, как это поможет ограбить банк?

— В общем... Это еще не все... Я... как бы это... Короче, я умею внушать людям определенные мысли и манипулировать их действиями.

Стас открыл было рот, но я перебил его:

— Нет, Стас, поверьте, сейчас я не делаю вам внушений. Я абсолютно честен. Вы первые люди, кому я выкладываю все свои тайны. Это очень сложно. Я доверяю вам свою жизнь.

— Ты сказал, что ты не человек... Но кто же ты тогда?

— Я — энергетический вампир.

Я зажмурился.

Черт! Что же я делаю?!

— Вампир — это значит ты пьешь кровь?

— Нет, кровь здесь ни при чем.

И далась им эта кровь!

— Я питаюсь энергией человеческих эмоций и чувств. Мы, вампиры, все разные. Это зависит от предпочтений в... еде. Я, например, питаюсь энергией любви. Когда люди любят друг друга, их эмоции — как разряды молний. В них полно энергии. И чем сильнее чувства, тем больше заряд. А я, как батарейка, могу поглощать эту энергию. Забирать ее, понимаете? Но недавно я научился отдавать накопленную энергию, и оказалось, в такие моменты люди очень восприимчивы к внушениям.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

На этом стоило закончить, но я решил идти до конца.

— Энергия любви нужна мне для поддержания сил, для выживания. Я бы умер без нее, как любой человек умер бы, если его не кормить. Обычная еда мне не нужна. Просто я такой, какой есть... Я не могу себя изменить...

Покусывая губы, Стас разглядывал что-то в конце коридора. Настя же не могла отвести от меня взгляд, прикрыв ладонью рот. Стас первым вышел из оцепенения:

— Если завтра мне расскажут о соседях-оборотнях, я и глазом не моргну, — он опять замолчал, и я начал подозревать, что моя откровенность была напрасной.

— Если ты действительно тот, кем себя считаешь, и твои способности манипулировать людьми настолько сильны, чему я теперь склонен поверить, без тебя у бандитов вряд ли получится ограбить банк.

— Стас, ты серьезно думаешь...

— Да, именно об этом я и говорю. Я нужен им, а вот Надя уже нет. Я думаю, они отдадут зеркало в обмен на меня.

— Нет, это не выход! — воскликнула Настя, осеклась и заговорила уже тише. — Мы не можем обменять одного ребенка на другого. Что бы ты там о себе ни придумал... Такого решения я никогда не приму.

— Ну, послушайте...

— Нет, нет, нет! Я и слушать ничего не желаю! — она вскочила и нервно зашагала по коридору. — Должен быть какой-то другой выход.

— Но его нет... — тихо сказал Стас.

— И ты сможешь спокойно спать после того, как вернешь мальчика этим головорезам?

— Я уже не помню, когда я спал в последний раз... Настя, мы можем все обдумать, составить план. Он ведь необычный ребенок. Мы все продумаем и подстрахуем его, я тебе обещаю.

— Нет, мне это не нравится! — Настя снова расплакалась.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— А что тебе нравится?!

Стас подскочил к ней и заорал:

— Она умирает, тебе это нравится?

Он воззрился на жену, дрожащей рукой указывая в сторону палаты.

— Прекрати, я этого не вынесу! — Настя осела на пол и прижалась спиной к стене коридора.

Стас устало подошел к жене и присел рядом. Обняв ее за плечи, он забубнил: “Мы справимся, мы справимся...”. Обращался он скорее к себе самому.

Из соседней палаты высунулась недовольная физиономия в ореоле выбеленных искусственных кудрей.

— Пожалуйста, потише, здесь отделение для тяжелых... — она хотела добавить еще что-то, но, увидев нарушителей покоя, поджала губы и скрылась за дверьми.

Глава 41

Других идей не было, и Насте пришлось смириться. Обмен меня на стартовое зеркало — единственный выход.

— Положим, они согласятся обменять зеркало на Тимофея, если он им действительно нужен. Но потом, как мы вернем мальчика назад?

Мы совещались на запасной лестнице, ведущей к черному входу. Здесь лишь изредка появлялся персонал больницы, и можно было не таиться.

— Давай все по порядку, — начал Стас с энтузиазмом. — Во-первых, обмен должен пройти в людном месте, где эти подонки не посмеют использовать оружие или выкинуть какой-нибудь фортель. Например, в центре города. Что если прямо возле банка? Фасад хорошо просматривается с другой стороны дороги. Там много магазинов, и постоянно куча людей. На здании наверняка есть камеры наружного наблюдения.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— И как нам помогут эти камеры? Думаешь, кого-то напугает или хотя бы заинтересует разбитое зеркало? — в очередной раз возразила Настя.

— Они не станут использовать оружие, — голос Стаса прозвучал неуверенно.

— Это ты не станешь использовать оружие, тем более, у тебя его нет. А эти мерзавцы похитили ребенка среди бела дня! Наглости им не занимать.

— Но что ты предлагаешь?

— Я? Это ты предлагаешь какие-то фантастические сценарии и хочешь, чтобы мы в них поверили.

— Раз у тебя нет собственных идей, то просто помолчи пока, — Стас нервно мял подбородок. Многодневная щетина на его лице слабо потрескивала.

Настя отвернулась. Стас о чем-то размышлял. Вены на его шее вздулись от напряжения. Он глубоко вздохнул:

— Допустим, мы обменяем мальчика на зеркало. — Настя фыркнула. — Он нужен им, а значит, относительная безопасность ему гарантирована.

— Относительная... это как? — Настя опять начала закипать.

Я вспомнил, как меня пытали, и поежился.

— Нужно прежде всего придумать, как вернуть Тимофея назад живым и здоровым.

— Тимофей станет свидетелем ограбления банка... Кто его отпустит после этого?

— Он станет соучастником, а это разные вещи...

— Час от часу не легче! Ты только послушай себя!

— Если у нас будет зеркало, и Надя вернется, что помешает нам обратиться в милицию, если они не освободят Тимофея?

— Да все что угодно! Например, ребенок в заложниках у бандитов...

— После ограбления никто не захочет поднимать шум. Иначе все раскроется, и они потеряют свой куш.

— А тебе не приходило в голову, что нас могут просто перестрелять всех поголовно...

— Сергей проследит за безопасностью. Иначе они давно бы ворвались в больницу и

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

забрали нашу девочку.

— Где был твой Сергей, когда бандиты украли зеркало?

— А где ты была четырнадцать лет, прежде чем я узнал, кто наша дочь?!

Настя не нашлась что ответить. Она лишь прикрыла рот рукой и опять всхлипнула.

Стас схватился за перила лестницы и потряс головой.

— Так, сейчас не время выяснять отношения. Мы должны что-то придумать... придумать...

— Возможно я смогу скрыться прямо во время ограбления... — попытался вклиниться я. — Могу попробовать внушить грабителям, чтобы они забыли обо мне навсегда. Ведь однажды уже получилось сбежать...

— Точно! Вот видишь! — просиял Стас. — Мы все время забываем о чудесных способностях Тимофея. Но в этом ключ к спасению! Сергей поможет обеспечить наблюдение за всеми выходами из банка и убедиться, что они не прихватили тебя с собой при отступлении, — в глазах Стаса загорелась надежда.

— А если это все-таки произойдет? — возразила Настя.

— Если грабители потащат ребенка с собой, мы тут же вызовем милицию и оповестим охрану банка. Мы их догоним, в конце концов...

— Боже мой... И это ваш план?

— Есть еще один вариант, — продолжал Стас. — Мы вместе с ребятами Сергея замаскируемся и отправимся в банк вслед за бандитами. Например, я могу притвориться, что хочу открыть счет или взять кредит. Как только грабители выйдут из хранилища, мы обеспечим Тимофею побег в случае необходимости. Все детали тщательно продумаем и спланируем. Например...

— Боже мой, боже мой! Ты серьезно? Ты о чем сейчас говоришь? Стас, как мы вообще узнаем, когда начнется ограбление?! — Настя взвизгнула от раздражения. — Они заберут ребенка, а через неделю позвонят и скажут, завтра ровно в десять мы грабим банк. Не хотите ли поучаствовать? Я не могу поверить, что мы сейчас всерьез обсуждаем всю эту

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

чушь! Это не план! Это черт знает что!

Стас подошел к жене и попытался обнять ее. Она вырвалась, прошипела что-то невнятное и выскочила в больничный коридор. Стас выглядел совершенно растерянным.

— Пожалуй, нам стоит сделать перерыв, — сказал он бесцветным голосом. — Мы обязательно что-нибудь придумаем, я в это верю. А пока нам всем нужно хоть немного успокоиться и проветрить мозги.

Он вышел вслед за женой.

Я остался один на лестничной площадке. И это все? Неужели они ничего не придумают? Разве взрослые люди не должны уметь решать серьезные проблемы?.. Зачем они нужны тогда, эти взрослые? Ведут себя, как беспомощные котята, которым самим нужна помощь.

Я вышел в коридор и побрел в сторону палаты. У входа долго топтался, не решаясь войти. Мучительно было даже представить закрытые глаза Нади с темными кругами, ее заострившиеся скулы и тонкую шею. Как будто смерть уже отсчитывает последние секунды ее жизни.

Черт бы меня побрал! Я толкнул дверь.

В углу в кресле сидел Сергей. Он уныло посмотрел на меня, потер веки кулачищами, встал и направился к выходу, мимоходом сообщив, что собирается несколько минут пройтись по коридору и размяться. Дверь за Сергеем закрылась.

Я взял стул и уселся у изголовья кровати.

Хотелось сосредоточиться на чем-то хорошем и светлом, принадлежащем только нам двоим.

— А помнишь нашу игру? — спросил я у призрака Нади. — Только теперь я первым могу взять твою руку.

Я приподнял ее исхудавшую, прозрачную ладошку и медленно начал водить по ней указательным пальцем.

Эта игра (не знаю, почему мы ее так называли) безумно нравилась нам обоим тогда, в

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

запертой комнате Никитского. У нее всегда был один и тот же сценарий.

Где-то в середине разговора Надя вдруг касалась моей руки, и я проводил пальцами по ее ладони. Игра появилась как шутка, но неожиданно переросла во что-то нежное и чувственное.

Я вычерчивал круги на ее ладони, чувствуя, как она замирает и прислушивается к ощущениям.

— А представляешь, если бы была машина времени? Ты бы хотела попасть в будущее, увидеть, кем ты станешь?

— Не знаю. Может быть, ты мне расскажешь, кем я буду, скажем, через десять лет?

— Ну, с тобой все просто, — сказал я уверенно.

— Да неужели?

— Ну конечно, просто. Ты будешь художницей. Будешь путешествовать по всему миру. Уедешь куда-нибудь... в Париж. Поселишься в этой, как ее?.. Мансарде! Где-нибудь под крышей. Будешь рисовать самые замечательные картины! Я так и вижу тебя в драных джинсах, с пятнами засохшей краски на коленках. Разве я не прав? — Моя рука прокладывала бороздки на ее плече.

— Откуда ты все это взял?

— Да в книжке какой-то прочитал, не помню уже.

— Возможно, — она закрыла глаза. — А что будет с тобой?

— Со мной тоже все просто. Я закончу восемь классов, поступлю в какую-нибудь шарашку, выучусь на токаря, слесаря или повара — в общем, неважно на кого, — мои пальцы скользнули по Надиной ключице к нежным завиткам на затылке. — В восемнадцать я уже должен начать работать и жить самостоятельно. Поэтому вариантов немного.

Она медленно наклонила голову, повела плечом и замерла в ожидании. Тогда я придвинулся ближе, и пока мои пальцы наматывали шелк ее волос, коснулся губами ее головы.

— А мне кажется, все будет по-другому, — сказала Надя сонным голосом. — Ты

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

красивый, ты этим обязательно воспользуешься.

— Ты мне льстишь.

— Ты же знаешь, что нет.

— Знаю.

— Ты будешь самым красивым токарем или слесарем, — я почувствовал ее ладони у себя на груди и весь напрягся. Ее руки поползли вверх и устроили вихрь в моих волосах.

— Звучит отвратительно. Может быть, поваром?

— Ты любишь готовить? — она подняла бровь.

— Ненавижу!

Сейчас, держа ее холодную ладонь, я не мог поверить, что этот разговор был на самом деле. Я отчаянно тосковал по ней.

— Ты должна вернуться! Слышишь? — я крепко стиснул ее руку. — Пусть не ко мне, просто возвращайся! Не смей уходить навсегда... — я поцеловал ее пальцы, и тут же услышал писк прибора на прикроватной тумбочке. Цифры быстро мигали, стремительно уменьшаясь.

— Что?..

Надина рука выпала из моих ладоней и вяло свесилась с кровати.

— Скорее! Скорее сюда, — я выбежал в коридор. — Врача!

Сергею объяснять ничего не пришлось. Он тут же рванул к лестнице.

Через несколько секунд он появился с доктором. Следом три медсестры катили тележку с медицинским оборудованием.

Я попытался войти за ними, но меня тут же вытолкали в коридор.

Они привезли дефибриллятор...

В начале года на уроке гражданской обороны нам показывали, как с ними обращаться. Мы тогда радовались, что не придется в очередной раз слушать про ядерный взрыв.

Теперь же ядерный взрыв красным грибом поднимался со дна моего сердца и грозил снести взрывной волной. Я пошатнулся и едва устоял на ногах.

Словно почувствовав неладное, показались родители Нади. По моему лицу они сразу

все поняли.

Настя метнулась к палате и рывком распахнула дверь. Высокая медсестра схватила ее за руки и заговорила громко и уверенно:

— Все-все-все, дорогая, все позади. Она уже дышит, с ней все будет в порядке.

Маленькими шажками она оттеснила Настю в коридор.

— Доктор делает свою работу, надо дать ему время.

Настя вдруг обмякла. Медсестра подхватила ее под руки и усадила на диванчик.

— Давление нормализуется, — сказала одна из медсестер.

Доктор кивнул и, заметив нас со Стасом на пороге палаты, нахмурился:

— Сергей Михайлович, позаботьтесь о ваших родственниках, пожалуйста, — обратился он к Сергею, оказавшемуся неподалеку — Через десять минут мы все обсудим.

Сергей сгреб нас в охапку и вытолкал в коридор.

Настя едва могла прийти в себя. Увидев нас, она в отчаянии прошептала:

— Что бы вы там ни задумали, я согласна. Верните моего ребенка!

Глава 42

У Нади произошла остановка сердца. Одного разряда хватило, чтобы вернуть ее к жизни. Временно.

— Сколько она еще продержится? — спросил Стас доктора, когда тот появился.

— Мне трудно что-либо прогнозировать в данной ситуации. Мы всесторонне обследовали ребенка, но никаких метаболических расстройств, инфекций или признаков интоксикации не нашли. Я думаю, у девочки кататония. Это очень редкий вид депрессии. Но наша больница не оснащена всем необходимым. Диагноз Нади должны подтвердить врачи более высокого класса, о чем я уже неоднократно говорил, — доктор нахмурился, отчего его черные брови слились в сплошную линию. — Откровенно говоря, мне совершенно

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

непонятно, почему ребенок все еще в нашей клинике. Я рад, что могу поговорить в сами лично. Ваша жена... категорически отказывается принимать какие-либо доводы.

— У нее есть на то причины.

— Не сомневаюсь. Однако позвольте быть с вами откровенным. В таких условиях девочка долго не протянет. Сегодня после приступа я еще мог наблюдать основные рефлексy. Но с каждым днем они становятся все менее и менее выразительными. Возможно, уже завтра она перейдет в состояние глубокой комы, и тогда, учитывая течение болезни, ей вряд ли что-то поможет. Несмотря на протесты вашей жены, я взял на себя смелость и подготовил все необходимые документы для перевода Нади в столичный медицинский центр. Если вы согласитесь их подписать, то в течение двух-трех дней мы сможем организовать транспортировку. Поверьте, это ваша единственная надежда, — он положил ладонь Стасу на плечо и устало похлопал. — Одной подписи будет достаточно, учитывая состояние вашей супруги.

Стас машинально стряхнул руку доктора и встал.

— Хорошо, — сказал он после долгой паузы.

— Но, Стас!.. — я был потрясен его решением.

— Помолчи, Тимофей. Это не тебе решать.

Он вновь обратился к доктору:

— Я подпишу бумаги. Но вы могли бы пообещать, что дадите нам с женой еще два-три дня, чтобы все подготовить.

— Стас, вы же понимаете, что любые проволочки могут иметь самые печальные последствия.

— Да... Именно поэтому нам нужно время.

— Как знаете. Это ваше решение. Но вы должны понимать, что время, в конечном счете, определяю не я...

— Спасибо, доктор.

— Всегда пожалуйста, — отозвался тот и направился к лестнице. Не дожидаясь, пока

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

врач скроется из виду, я накинулся на Стаса.

— Вы же знаете, что никакие медицинские светила Наде сейчас не помогут!

— К сожалению, так оно и есть.

— Тогда зачем?...

— Каждый делает то, что может. В любом случае, у нас есть три дня. Надеюсь, что не меньше, — он сжал ладонь в кулак. — За это время мы постараемся что-нибудь предпринять.

— А как мы свяжемся с похитителями? — я был совершенно растерян. — Я смог бы, пожалуй, вспомнить...

Стас не дал мне закончить. Он стоял возле окна и внимательно разглядывал парковку внизу.

— А не надо никого искать, — он хмыкнул. — Я просто напишу сейчас на бумажке номер телефона, спущусь на парковку, подойду вот к той “Ниве” с тонированными стеклами и положу записку на капот. Эта “Нива” давно меня преследует, — он повернулся ко мне. — Вопрос сейчас не в этом, парень. А в том, что будет с тобой? Я не могу тебя ни о чем просить. Ты ведь понимаешь, что выпутаться из этой истории будет не так просто. Только тебе решать.

— Меня не надо ни о чем просить, и я уже давно все решил. Лишь за этим я к вам и пришел. И вы не должны так беспокоиться. Я смогу о себе позаботиться. Я справлюсь.

Стас порывисто обнял меня, больно стиснув плечи.

— Ты очень храбрый! — его голос дрожал.

Я же только сейчас понял, как мне страшно. Страшно вернуться к тем, от кого я сбежал благодаря невероятному везению. Страшно опять попасть в кошмары, навеянные вампиром страха. Страшно всю жизнь провести в железной клетке без окон и возможности еще раз увидеть солнечный свет. Но страшнее всего еще раз услышать пронзительный писк прибора и осознать, что в этом мире больше нет девочки с бездонными серыми глазами.

— Тимофей, ты ведь понимаешь, что наш план — это как вилами по воде... И Настя права, мы ничего не можем требовать. Если они не примут наши условия, то выбора просто

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

не останется.

— Мы теряем время, Стас.

— Хорошо, — сказал он, и в его голосе послышалась решительность. — Телефон этажом ниже у дежурной медсестры. Дадим бандитам один час, чтобы перезвонили. Это единственное, чего мы можем потребовать.

Не задерживаясь больше, Стас направился в сторону лестницы.

— Может быть, стоит позвать с собой брата? — крикнул я ему в след.

Он не обернулся, а лишь махнул рукой и скрылся за поворотом.

Я подошел к окну. Стас появился на крыльце буквально через минуту. Одеваться он не стал, и как был, без куртки и шапки, шагал к той самой “Ниве”. Порывы ветра метали снег и трепали его волосы, но он шел прямо. Подойдя к машине, Стас отогнул боковое зеркало, вставил записку в щель и направился назад.

Я с замиранием сердца ждал, что же будет дальше. Не успел Стас сделать и десяти шагов, как окно со стороны водительского сидения опустилось. Чья-то рука схватила клочок бумаги и тут же скрылась в салоне. Дело сделано.

Глава 43

Вот уже полчаса мы сидели на посту дежурной медсестры в ожидании звонка. Все это время я не мог оторвать взгляда от телефона. Уверен, даже через пятьдесят лет я смогу описать его в мельчайших подробностях.

Телефон молчал, но мне чудилось, будто он заряжен электричеством и слегка потрескивает. Минуты ожидания растянулись до бесконечности. Наконец, аппарат пронзительно зазвонил. Я вздрогнул и посмотрел на Стаса. Тот растерянно уставился на разрывающийся телефон. Я кашлянул, но он меня не слышал. Тогда я сам снял трубку и протянул ее Стасу. Он прочистил горло. Я поднес дополнительный динамик к уху.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Здравствуйте-здравствуйте! С кем имею честь беседовать? — я сразу узнал человека в маске.

— Меня зовут Стас, я отец Нади.

— Ах, как замечательно, что вы наконец-то с нами связались! — радость на том конце звучала совершенно искренне.

— Ну что, уважаемый, давайте не будем, как говорится, тянуть кота за резину, и обсудим ситуацию.

— Вы украли зеркало? — Стас сжал трубку так, что побелели костяшки на пальцах.

— И грех воровать, да нельзя миновать... Давайте скажем, позаимствовали.

— То есть вы намерены его вернуть?

— Не исключено. Все зависит от того, как мы с вами столкнемся.

— Вы хотите получить что-то взамен?

— Предлагайте, посмотрим...

— Я предлагаю вам вернуть зеркало, — прорычал Стас. — И тогда мы не обратимся в милицию.

— Любопытно было бы послушать, что вы им скажете, — усмехнулись на том конце.

— Вы похитили ребенка и держали его силой.

— И чем вы это докажете? Может, пацан сам сбежал из детского дома, болтался, пока не проголодался, а теперь выдумывает небылицы, чтобы ему не всыпали как следует?

Стас хотел было возразить, но осекся.

— Я так подозреваю, вам нужен мальчик, чтобы завершить задуманное?

— Мыслите вы, Стас, в правильном ключе. И все же одна ласточка весны не делает...

— А можно конкретнее?

— Нам нужен мальчик, это так. И лучше бы ему вернуться как можно скорее.

— Если Тимофей вернется, мы получим назад зеркало?

— А вы предлагаете обменять пацана на зеркало? — собеседник довольно хмыкнул в трубку.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Стас сморщился, но выдавил:

— Да, — на его лбу заблестели капельки пота.

— Ну что ж, дорогой, — на том конце буркнули что-то в сторону, — если вы предложите обменять Тимофея на зеркало, то не согласимся.

— Так чего вы хотите!?! — взорвался Стас.

— Мы хотим пацана! — пролаяли с другого конца. — И как можно скорее!

У меня перехватило дыхание.

Стас опустил глаза. Он выглядел совершенно опустошенным.

— Слушай сюда, расклад такой: пацан возвращается и делает то, что должен. И если все пройдет так, как запланировано, мы подумаем насчет зеркала.

— Моя дочь умирает. Сегодня утром у нее остановилось сердце, и только с помощью дефибриллятора ее вернули к жизни. Как думаете, сколько она продержится?

— В таком случае, вам следует поторопиться.

Стас молчал, глядя в пустоту.

— Послушайте, просто верните зеркало. Жизнь мальчика нам дорога ничуть не меньше.

Вот это навряд ли.

— Мы будем молчать, и никто не узнает вашей тайны. Тем более, нам ничего не известно! Поймите, сердце моей дочери...

— Двух смертей не бывает, а одной не миновать. Я так понимаю, пацан меня слышит, — в голосе на том конце послышались елейные нотки. — Тимочка, дорогой, возвращайся. Даем тебе полчаса времени, чтобы одуматься и вернуться. Выходи на парковку. Тебя встретят с распростертыми, самыми дружелюбными объятьями. Поторопись, иначе тебе помогут...

Стас медленно положил трубку.

Я все еще не мог прийти в себя.

Все это было бессмысленно.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Я встал и направился к лестнице.

— Тимофей, стой! Куда ты?

— Стас, вы все слышали. Мне нужно идти...

— Нет, ты не вернёшься к ним! — Стас схватил меня за плечи. — Ты с ума сошел?!

— Вы что думаете, я смогу здесь отсидеться?

— Но это безумие!

— Безумием был мой побег. С этими людьми нельзя шутить.

— Но что с тобой будет?

— Я им нужен, а значит, со мной все будет в порядке. Стас, я постараюсь сделать все, чтобы вернуть зеркало.

— Зачем ты это делаешь, мальчик?

— А вы? Зачем вы это делаете?

Глава 44

Я вышел на улицу. Падал колючий снег. Возле “Нивы”, облокотившись на капот и постукивая по железу пальцами, стоял папаша. Ну вот и все.

Он схватил меня за ворот и запихнул на заднее сидение.

— Ну что, нагулялся, стервец?!

Папаша, тяжело отдуваясь, сгрузил свое тело рядом. От него воняло чесноком. Захотелось отодвинуться от его потной туши, но справа уже сидел кто-то.

У него были абсолютно белые, почти прозрачные волосы, в беспорядке торчащие на затылке. Его узкие черные щели глаз саданули в центр солнечного сплетения. Я задохнулся и сложился пополам от боли. Папаша потянул меня за шкурку, как котенка, возвращая на место.

— Сидеть, — прорычал он.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Но азиату было мало. Он ткнул меня локтем в бок и рявкнул:

— Куртка где, падла?

— Оставь, Шоно! Не до куртки.

Папаша притянул меня к себе. Свирепо раздувая ноздри, он прошипел:

— И больше без фокусов, ты меня понял? — он разжал кулаки, и я повалился назад на сидение.

— Тебя тоже предупреждаю, держи себя в руках!

Шоно недовольно фыркнул и отвернулся к окну. Да он совсем мальчишка! Едва ли ему исполнилось восемнадцать.

Заработал мотор, и машина тронулась с места. Я сидел, зажатый с двух сторон, словно между молотом и наковальней. Почему они больше не прячут лиц? Водитель накинул на голову капюшон куртки, но я легко мог рассмотреть его в зеркало заднего вида.

Азиат, Шоно, даже во время попыток не снимал маски. Неужели мне придется проститься со свободой навсегда? И как долго будет длиться это “навсегда”?...

Машина ехала ровно, без спешки. Вечерело, и я сам не заметил, как отключился. Тычок в бок прогнал обрывки сна.

— Посмотрите на него, он дрыхнет! — проворчал Шоно. — Может быть, тебе еще и плечико подставить?

Машина тем временем вырливалась между гаражей, подъезжая к знакомому трехэтажному зданию. Теперь я мог разглядеть его получше.

Справа примыкали те самые гаражи. Слева под навесом стояло несколько легковых автомобилей. Вывеска над навесом гласила “Автомастерская гаражного кооператива Солнечный”. За машинами, в глубине, действительно виднелась автомастерская. Интересными делами она занималась...

Папаша выдернул меня из машины и, придерживая за локоть, направил ко входу в здание. Руки в этот раз мне никто не связал.

Как и тогда, мы прошли по коридору к лифту и спустились на два этажа под землю. В

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

подземном коридоре горело две тусклых лампы, освещая четыре железных двери, выход на лестницу и проем лифта. Папаша подошел к самой крайней двери, отпер ее и втокнул меня внутрь.

Я очутился в том самом бункере, где меня держали до похода в банк. Мои старые рубашка и брюки все еще лежали комом на кровати.

Именно в брюках я оставил свое карманное зеркало.

Я кинулся проверять их.

Обшарив все карманы, и в десятый раз ощупав каждый сантиметр кровати, зеркала я не нашел. Кто-то его забрал. Неожиданно из-за спины послышался знакомый голос:

— Что-то потерял, Тимка?

Я обернулся. Из телевизора на меня опять смотрела резиновая маска Брежнева.

— Да, свою нормальную жизнь... Не видели ее случайно?

— А была ли она у тебя?

— Да уж какая-никакая была.

— Мы очень рады твоему возвращению. Чувствуй себя как дома.

От этих слов кровь отхлынула от лица.

— Выглядишь просто замечательно, — продолжал Брежнев. — Цвет лица здоровый. Ты прямо возмужал за последние дни. Прогулка пошла тебе на пользу. Мы уже думали, гадали, кем тебя накормить, а ты, как видно, сам о себе позаботился. Кто это был? Надины родители? А может, старый друг?

При воспоминании о Воробье мне стало плохо.

— Вижу, что попал в яблочко, — маска захрюкала. — Но нам это только на пользу.

— Вам все на пользу, с какой стороны ни посмотри, — я сел на кровать.

— Твои б слова да Богу в уши, Тимофей. Однако, это не так. Твоя подруга нас подводит. — Я напрягся. — А между прочим, ты сам виноват. Если бы не побег, дело уже давно было бы сделано. А там и овцы целы, и волки сыты. Теперь же нам придется поторопиться.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Что с Надей?

— Ну, дорогой, тебе лучше знать, что с ней. Ты ведь только из больницы.

— Вы ее видели?

— Она молодцом. Талантливая девочка. Очень исполнительная, в отличие от тебя.

— Я могу с ней увидеться?

— Конечно, дорогой!

У меня замерло сердце. Так просто?

— Завтра во время ограбления увидите.

— Уже завтра?

— А ты как думал?...

— Ничего я не думал.

— Оно и видно. А думать, молодой человек, надо, — выдохнул Брежнев устало. —

Смотри, не подведи в этот раз. И не глупи. В твоих руках жизнь Нади. Она на тебя надеется.

Второго шанса у нее будет.

— Зачем вам Надя? Разве она еще не выполнила свою часть задания? Почему вы не хотите вернуть зеркало прямо сейчас? Я обещаю, буду подчиняться во всем, вы останетесь довольны. Только отдайте зеркало.

— Ишь, какой приткий. Вижу, ты настроен решительно, когда знаешь, что поставлено на карту. Не забудь об этом завтра. Правильная мотивация — ключевой момент в твоей миссии.

— Но если бы я знал, что она в безопасности...

— Ты бы меньше старался, — закончил он за меня.

— Но хотя бы после ограбления вы вернете зеркало Надиным родителям?

— Все зависит от тебя, дорогой.

— Что это значит?

— Ты задаешь слишком много вопросов. А надо просто делать то, что тебе скажут.

Завтра утром папаша проинструктирует. А теперь ложись спать.

И не дав мне добавить ни слова, телевизор погас. Выключили свет, и я опять остался в темноте наедине с тревожными мыслями.

Глава 45

Воображение рисовало чудовищные картины провала и Надиной смерти. Теперь я был совсем не уверен, что справлюсь.

Смогу ли я кого-то очаровать “на заказ”? Пусть пару раз мне это удавалось, но тогда это были моменты исключительного нервного напряжения.

Больше всего меня тревожила Надя. Зачем ей быть на ограблении? Разве не выполнила она всего, что требовали эти сволочи?

Нет, здесь что-то не то. Но сколько я ни ломал голову, разгадать истинные намерения бандитов не получалось.

Оставалось надеяться на удачу.

Я провалился в сон.

Там была Надя в костюме клоуна... Она ощупывала поверхность зеркала изнутри, билась и плакала от бессилия. Я пытался ей помочь, но тут меня засосало в черную воронку, и я бесконечно долго летел вниз, пока вдруг не проснулся от удара затылком обо что-то твердое. Оказалось, я всего-навсего упал с кровати.

Зазвенели ключи. В камеру вошел папаша. Он увидел меня на полу и нахмурился.

— Вставай, пора.

Мы поднялись тремя этажами выше. По дороге никто не встретился. Папаша толкнул одну из дверей и ввел в небольшую комнату, напоминающую убогий гостиничный номер.

Обшарпанная мебель. В глубине комнаты — кровать-”полуполторка”. На ней стопка нового белья. Дверь в смежную ванную справа приоткрыта.

Папаша велел раздеться догола и идти в ванную. Я не из стеснительных, но

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

брезгливое выражение превосходства на лице папашы было отвратительно.

Сложив старую одежду на кровать, я повернулся к папаше и с издевкой сказал:

— Видите, хвоста у меня нет, и копыт тоже.

— Иди в душ и не умничай.

Душ взбудрил меня. Под струями прохладной воды в голове прояснилось.

Теперь я готов в лепешку разбиться, но сделать все, как надо. Я не подведу ее!

Короткий инструктаж не сообщил ничего нового.

— Сколько нас будет? — спросил я папашу.

— Только ты и я.

Он сидел в кресле, наклонившись вперед и сцепив пальцы в замок. Его заплывшие глаза ничего не выражали.

— Мы вдвоем будем грабить банк?

— Меньше народу, больше кислороду.

— Как будем выносить краденое?

— Это не твоя забота. Не думай о том, что тебя не касается.

— Что будет делать Надя?

— Ты меня не понял? Сосредоточься на своей задаче.

— Но я же должен знать. Вдруг что-то пойдет не так?

Папаша тяжело поднялся. Оправил брюки.

— Если что-то пойдет не так, то тебе уже ничто не поможет... — он отодвинул полу пиджака и продемонстрировал кобуру под мышкой. — И ей тоже...

Я ничего не ответил. Дальнейшие расспросы не имели никакого смысла.

— Пора, — громила набросил на плечи пальто, преображаясь в солидного господина Скоробогатова. — Ну-ка....

Папаша критично осмотрел меня.

Теперь я выглядел как подросток, которого балуют весьма обеспеченные родители. Фирменные джинсы, ботинки на рифлёной подошве, пижонское кепи и косуха со стальными

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

заклепками. Еще пару месяцев назад я бы душу продал за такую куртку. Ну что ж, бойтесь своих желаний...

Папаша удовлетворенно кивнул.

— Главное, рожу сделай поприятнее.

Кто бы говорил.

— Держись расслабленно и не дергайся. Не завали дело, как в прошлый раз.

Мы вышли в холодное солнечное утро. У порога стояло желтое такси. Папаша зашагал прямо к нему. Я же застыл на месте. Не спятил ли он?

— Мы поедem на такси?

— А почему бы и нет? — папаша нетерпеливо махнул рукой, устраиваясь на заднем сидении.

Я не знал, что и подумать. Нас только двое. Мы едем грабить банк на такси. У моего напарника под мышкой пистолет с глушителем. Он что, издевается? Или это очередная проверка моих способностей? Если “группа поддержки” уже в банке, почему я не должен знать об этом?

Таксист высадил нас на парковке возле банка и уехал. Я заметил несколько иномарок, каждая из которых могла бы легко уйти от погони. Но водителя не было ни в одной из них.

Пустые лавочки вокруг. Никто не прогуливался вдоль здания. Никто не стоял на углу, нервно покуривая. Лишь какой-то мужчина делового вида вышел из банка и, не обращая на нас с папашей внимания, прошел мимо, помахивая черным портфельчиком. Ничего подозрительного... Где все?

— Давай на кураже, пацан, — папаша оскалил выщербленные зубы. — Не дрейфь, прорвемся!

Бред какой-то!

Я послушно шагал за ним к центральному входу. Дверь приветливо распахнулась перед нами.

Девушка за стойкой учтиво улыбалась.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Чем могу помочь?

— Наташенька, нам бы ячейку проверить.

Я хотел уже снова удивиться, но заметил бейджик на рубашке сотрудницы.

Наташенька и бровью не повела, а только вежливо пригласила следовать за собой.

Как и в прошлый раз, мы прошествовали вглубь зала к банковскому служащему Сергею Николаевичу. Увидев нас, он вскочил на ноги. Кресло из-под него отъехало назад, зашуршав колесиками. Банкир кинулся услужливо жать руку папаше.

— А, господин Скоробогатов!

— Да-да, это опять я. Уж извините за беспокойство.

— Что вы, какое беспокойство! Это моя работа. Напротив, очень приятно снова видеть вас в “Глобал”, — банкир был сама любезность.

— О! Вы сегодня с сыном? Здравствуйте, молодой человек! — он протянул свои длинные пальцы для рукопожатия. Я не растерялся и принял его сухую руку.

На этот раз мне не составило особого труда настроиться на волну служащего. Лицо вдруг кольнуло изнутри. Я схватился за подбородок и нащупал короткую щетину. Я почувствовал, что краснею.

— Сын у вас все такой же стеснительный, — продолжал свой вежливый треп Сергей Николаевич.

Черт! А если он заметил?

Папашу мое замешательство не умилило. Под столом громила пнул меня по ноге, продолжая криво улыбаться.

Я постарался собраться, но боевой настрой был потерян.

— Такой возраст. Сергей Николаевич, мы, собственно, пришли пополнить наш сейф.

— Ячейка 66 48, если не ошибаюсь?

— Точно так.

— Для формальности, позвольте спросить, вы все еще не хотите застраховать содержимое ячейки?

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Сергей Николаевич, я полностью доверяю вашей охранной системе. Ваш банк просто невозможно ограбить, — добавил папаша с плохо скрываемым ехидством.

— Не буду говорить, что вы нам льстите, — Сергей Николаевич говорил, как о своей собственности. — Вы абсолютно правы. Наше хранилище действительно неприступно. Даже если злоумышленники попадут внутрь, выйти они никогда не смогут.

— Что вы имеете в виду? — выпалил я. И тут же добавил, покосившись на папашу: — Если только я могу об этом спрашивать.

— О, это совсем не секрет. На нас работает специальная охранная фирма — очень надёжные и серьезные ребята. Здесь повсюду камеры. Если кто-то попытается взломать хоть одну дверь, пусть даже в туалет, или введет неправильный пароль, охранники тут же об этом узнают. В хранилище, хоть и нет камер, все ячейки подключены к общей электронной системе. Если кто-то попытается взломать ячейку, или будет открыто сразу несколько ячеек — информация об этом моментально поступит на пункт контроля.

— И что тогда?

Я едва слышал банкира из-за шума собственного сердца.

— Тогда все входы и выходы будут заблокированы. Отключить блокировку изнутри невозможно. Это сделано специально, чтобы бандиты понимали, что ни при каких обстоятельствах они не будут владеть ситуацией.

Я внимательно посмотрел на папашу. Господин Скоробогатов безразлично ковырялся в ногтях. Его эта информация нисколько не взволновала.

— Сергей Николаевич, мой сын очень любопытен, а у нас, к сожалению, совсем мало времени.

— Конечно! Пройдемте в хранилище.

Пока мы шли в депозитарий, я не удержался и шепнул папаше:

— Как мы все-таки выйдем из банка?

Он зло прошипел:

— Сосредоточься! Сейчас ты заставишь его разблокировать все ячейки и заберешь

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

мастер-ключ.

Тревога тугим кольцом сжала сердце. Когда мы подошли к массивной двери, я был на грани обморока.

— Сынок, а что твоя подруга? Как бишь ее?... Надя, кажется.

Я уставился на своего фальшивого родителя. О чем он говорит?

— Ну, та самая Надя...

Я будто протрезвел. Руки сжались в кулаки. От дрожи не осталось и следа.

— А что Надя?

— Ты говорил, она попала в больницу. Ей уже лучше?

К лицу папаши приклеилась участливая мина.

— Передай ей привет, как пойдешь навещать в следующий раз.

Сказав это, он скрылся в проеме бронированной двери. Я последовал за ним. Замки за моей спиной щелкнули, отрезая путь к свободе.

Только мы оказались в хранилище, я взял служащего за руку.

— Пойдемте, — велел я, сам удивляясь своему спокойному голосу. — Выполняйте свои обязанности так, как вы привыкли делать.

Удивление на лице Сергея Николаевича моментально сменилось тупой покорностью. Уголки его рта опустились, глаза затуманились.

Я начал опасаться, что служащий под внушением забудет об элементарных вещах, но банкир разблокировал дверь и уверенно ввел пароли.

— Сергей Николаевич, вы должны разблокировать все ячейки депозитария.

Не отрываясь от экрана компьютера, банкир еще пару минут пощелкал мышкой и наконец замер, безучастно уставившись в стену. Я понял, что первый этап пройден.

— Теперь возьмите из сейфа мастер-ключ и передайте его мне.

Сейф был вмурован в стену и оснащен кодовым замком. Ловко вращая колесики, Сергей Николаевич справился с сейфом и послушно передал мне ключ.

— Пойдемте, — скомандовал я.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Мы вышли из служебного помещения.

Папаша ждал нас у входа. Увидев в моих руках мастер-ключ, он просиял.

— Открывай хранилище! — сказал толстяк, выхватив у меня ключ.

Я повторил приказ служащему. Тот выполнил все без заминки.

И вот мы внутри, а вокруг ряды блестящих сейфов. Папаша первым делом бросился отпирать ячейку 66 48. Все пространство сейфа было заполнено спортивными сумками. Большинство из них, по-видимому, были пусты.

Громила одним движением смел их на пол, словно крошки со стола. Отпихнув ногой несколько сумок, он принялся шарить в той, что была украшена эмблемой “Adidas”. Я помнил эту сумку еще с прошлого раза. Теперь господин Скоробогатов достал оттуда резиновые перчатки и нацепил их на руки, став похожим на хирурга.

— Что делать с банкиром? — меня снова замутило.

Папаша извлек из той же сумки наручники. Он швырнул их мне и беглым жестом указал на кабинку в дальнем конце хранилища.

— Пристегни его за ножку стола. Банкир свое дело сделал. Пошевеливайся!

Сказав это, господин Скоробогатов начал аккуратно доставать из сейфа большой продолговатый предмет в синем чехле.

Что за!... Меня заколотило от ярости.

— Вы обещали вернуть зеркало сразу после ограбления! И как теперь собираетесь это сделать? Зачем оно здесь?!

Папаша тем временем закончил расчехлять зеркало.

Забыв о банкире, я налетел на бандита, повис на его толстой шее и начал беспорядочно лупить по голове. Громила отмахнулся, как от навязчивой мухи.

Я отлетел на пол.

Папаша с размаху пнул меня в живот, так что я задохнулся. Перед глазами заплесали красные точки.

Я принялся судорожно хватать ртом воздух.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Идиот! Охранная система уже сработала. Через дверь теперь никто не выйдет. Делай то, что тебе говорят, если хочешь спасти свою шкуру, и ее тоже, — он махнул в сторону зеркала. — Сначала позаботься о банкире. Болван сейчас очухается. А потом начинай потрошить ячейки. Я буду открывать, а ты складывай в сумки. Больше никакой самодеятельности!

Я кое-как поднялся. Вокруг все плыло. Блестящие ячейки слепили глаза. К горлу подступил ком, и меня вырвало прямо себе под ноги. Стало чуть легче.

Ну ладно...

Я собрал все силы и опять бросился на бездушного выродка, вцепился в его седые патлы и направил мощный поток энергии прямо в налитые кровью выпученные глаза.

— Зачехляй зеркало и уходим отсюда! — заорал я.

Папаша моргнул, его лицо искривилось, превратилось в страшную гримасу, и я с ужасом понял, что он улыбается. Папаша схватил меня за грудки и затряс как тряпичную куклу.

— Щенок! — прошипел он. — Ты, что же, считаешь меня одним из этих баранов, которыми можно манипулировать? Ну, давай, попробуй еще для верности, — папаша притянул меня к своей хारे и расхохотался, обдавая вонью изо рта. — Что, не получается? То-то же!

Он отшвырнул меня. Схватил зеркало и наклонил над полом.

— Одно лишнее слово, и я отпущу его.

Поденок!

— Займись банкиром! — гаркнул он.

Служащий действительно пришел в себя и теперь дико озирался по сторонам.

Пошатываясь, я направился к нему.

— Вон там наручники, поднимите, — простонал я, хватая банкира за руку.

Тот промямлил:

— Что здесь?.. — но тут же замолк, поднял наручники и замер.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Идемте.

Я пристегнул служащего к ножке стола и приказал вести себя тихо. Тот не выразил никаких эмоций. Я задернул шторку кабинки и кинулся к зеркалу.

Пусть бандюга сам разбирается со своим барахлом.

В отражении был лишь я — бледный, всклокоченный, с яркими ультрамариновыми глазами.

— Надя!

В следующее мгновение прохладные пальцы прикоснулись к щеке. Я схватил их и поднес к губам.

— Прости меня! — прошептал я. — Прости, что подвел! Я не сумел тебе помочь.

— Не надо... Ты не виноват... Ты совсем не такой, как они говорили.

— Прости... я чудовище...

— Нет, ты не можешь быть чудовищем, потому что я тебя люблю!

Она обняла меня, крепко прижалась.

В ту же секунду боль отступила.

Она простила... Кажется, я нужен ей во всем своем совершенном несовершенстве.

— Ты весь мир для меня! — я взял ее лицо в свои ладони и с силой прижался губами к ее губам. — Я не отдам тебя никому, даже смерти...

— Нет, вы посмотрите на него, какой упертый!

Огромные ручищи потащили прочь от зеркала.

— Я раздолбаю эту чертову стекляшку, если ты сейчас же не начнешь помогать! — Шея папаша покрылась красными пятнами, по вискам текли струйки пота. — Шевели задницей, или я придушу тебя у нее на глазах! Хватай сумку!

Пришлось подчиниться. Я поднял сумку и **попятился** к ближайшей ячейке.

В сейфе лежало несколько пачек зеленых купюр и какие-то документы. Мгновение поколебавшись, я смел содержимое в сумку и переместился к следующей дверце.

Пока папаша открывал все новые и новые ячейки, я без разбору хватал все, что

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

попало в руки. В сумку полетели альбомы с дорогими монетами, драгоценности, деньги и документы. Набив сумку под завязку, я хватал следующую и продолжал.

Я беспрестанно оборачивался к зеркалу. Она была там. Казалось, Надя совсем не изменилась. Но я замечал, как взгляд ее то и дело становился пустым и безучастным. Как будто она терялась и не понимала, где находится. Что происходит с ее телом в больнице в эту минуту? Может быть, это разряды дефибриллятора каждый раз возвращают ее в сознание...

Мы с папашей успели выпотрошить большую часть ячеек. Пять сумок были набиты доверху.

Вдруг завывла сирена. Я прижал ладони к ушам, но даже мыслей своих услышать не смог. Хотелось немедленно бежать прочь из этого помещения. Я поднял глаза на громилу. Тот покопался в сумке “Адидас”, извлек большие желтые наушники, нацепил их и продолжил вычищать оставшиеся сейфы. У него, похоже, все было под контролем. А раз так, он и сам со всем справится.

Пошатываясь от острого звука сирены, я приблизился к зеркалу. Надя будто не замечала пронзительного воя.

— Ты в порядке? — прочел я по ее губам.

— Нет! — заорал я, сам не слыша своего голоса. — Слишком громко!

Я чувствовал, что еще минута в этом аду, и я либо оглохну, либо сойду с ума. Тогда она приложила ладони к моим ушам в отражении. Эффект был поразительным. Мне вдруг показалось, что я нырнул в воду. Сигнализация теперь выла где-то вдалеке. Я же словно очутился в эпицентре бури. На заднем плане мелькал папаша.

А мы с Надей глядели друг другу в глаза и не могли наглядеться. Внезапно все стихло.

— А вот теперь пора сваливать, — послышался голос папаша. — Сирену отключили, значит, собираются штурмовать хранилище.

Он отбросил в сторону наушники. Через пару секунд туда же полетели перчатки.

— Ты готова? — спросил он у Нади.

— Да, — она отняла ладони от моих ушей.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Готова к чему?

— Он пойдет первым, — проигнорировал мой вопрос папаша.

— Хорошо.

— Надя, что происходит?

— Мы уходим, вот что происходит, — недовольно проворчал громила.

— Каким образом?

— Твоя подружка проведет нас через зеркало.

— Проведет через что?!

— Так и знал, что с тобой по-хорошему не договоришься... — Папаша замахнулся, но его рука вдруг задрожала и застыла в воздухе. Мерзавец оторопел.

— Не смей этого делать! — крикнула Надя твердо. — Иначе останешься здесь.

— Не надо мне угрожать, девочка. Я и сам угрожать умею.

— Надя, что ты собираешься делать? — я не мог оставить этот вопрос без ответа. Я обязан знать, на что она подписалась.

— Тим, я могу создавать порталы между стартовым зеркалом и другими зеркалами. Я вытащу тебя отсюда.

— О чем ты говоришь?!

— Не бойся, все будет хорошо. Я уже делала это пару раз.

— Портал?! Когда?

— Позавчера.

— Позавчера ты чуть не умерла! — завопил я. — У тебя сердце остановилось! Тебя реанимировали. Твое тело не выдерживает. Ты теряешь с ним связь! Понимаешь ты это?

— Что ж... — в ее взгляде читалось замешательство. — Я не знала... Но это ничего не меняет.

— Нет, это меняет все!

— Тим, я не оставлю тебя здесь...

— Еще как оставишь!

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Я почувствовал, как что-то жесткое уперлось в спину.

— Хорош! — папаша еще раз ткнул меня пистолетом. — Надоели эти сопли!

— Все равно не пойду, — процедил я сквозь зубы.

— Тогда я первым замочу тебя, а потом разобью зеркало. Терять мне уже нечего!

— Тим, все будет в порядке...

— Но твое зеркало останется здесь! Какой во всем этом смысл?!

— Они обещали, что заберут его после ограбления.

— Каким образом? Разве им можно верить?

— Нам ничего не остается...

Надя подняла руку и принялась вычерчивать в воздухе спираль.

— Что ты делаешь?

— Будь готов, Тим...

— К чему? Нет!

Но она не ответила. Через мгновение на поверхности зеркала появилась воронка. Сначала совсем крохотная, но с каждой секундой она становилась все шире и шире.

— Бери две, — папаша махнул пистолетом в сторону сумок.

Воронка разрослась уже на всю поверхность зеркала. Она двигалась, словно ртуть, играя бликами отраженного света. Папаша вложил мне в каждую руку по сумке и толкнул вперед. Я оказался вплотную к воронке. Прямо перед носом блестящий круговорот закручивался в бесконечность.

— Закрой глаза и задержи дыхание. Сумки держи крепко, не выпусти! — посоветовал папаша и обратился к Наде. — А ты, если тебе дороги родители...

Но он не успел закончить. Внезапно из блестящего водоворота выскочила фигура в черном, оттолкнула меня и с размаху врезалась в папашу. Тот повалился на пол. Пистолет отлетел в сторону.

— Вместе, вместе давай! Я один не справлюсь! — закричал белоголовый, пронзая взглядом громилу.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Шоно?..

— Не тормози! — взревел Шоно. — Помогай!

Я вскочил.

— Что делать?

— Заставь его забыть обо всем! Сотри его память начисто!

Папаша пришел в себя. Шумно отдуваясь, он пошел на азиата.

— Ах ты, сволочь неблагодарная! Да я ж тебя вот этими руками сейчас придушу...

— Давай! — завопил Шоно, пятась назад.

Я подскочил к нему и направил всю энергию, какую только чувствовал в теле, на папашу. Тот криво щерился и, поигрывая кулачищами, продолжал наступать.

Нет, не сможем!

Шоно схватил меня за руку.

— Еще раз вместе!

Мы оба напряглись. Два энергетических потока, мой и его, сплелись, перемешались, и ураганом врезались в папашу. Тот отпрянул, будто обжегшись. Потом схватился за голову, дико взвыл, бросился в сторону и всей тушей налетел на стальные сейфы. Он упал и затих.

Шоно выронил мою руку. Мы оба дрожали, как в лихорадке.

— Мы убили его? — прошептал я.

Азиат подошел к телу бандита.

— Как давно я мечтал раздавить эту гниду! — процедил он сквозь зубы и сплюнул.

Глаза Шоно горели такой злобой, какой я никогда не видел у людей.

— Хватай сумки, — крикнул он. Сам закинул на плечо одну и подхватил вторую. —

Торопись!

— Я никуда не пойду!

—

Пойдешь!

Он с силой сунул мне в руки сумку. Я оттолкнул его.

— Нет!

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Не будь идиотом! Мы наконец станем свободными! С такими деньгами нас никогда не найдут. Там, по ту сторону, жизнь, которая принадлежит только нам!

— А как же Надя? Они не вернут зеркало... Я должен принести куш!

— Ее уже никто не спасет! Она так решила.

— Нет! Нет! Уходи, откуда пришел! Я справлюсь сам. Это мой выбор! Бери одну сумку и сваливай. Надя не удержит портал. Посмотри, он сужается.

Шоно чертыхнулся и сдвинул брови.

— Я таких кретинов в жизни не видел! Вот и обломилась мне счастливая... — прорычал он, прыгая в воронку портала.

Я начал быстро собирать оставшиеся сумки.

За дверью хранилища что-то хлопнуло, и послышались голоса.

Штурм... Сейчас начнется!

— Надя! Ты слышишь? Это мой выбор! Ты слышишь?! Мой! Мне нужно туда!

Я сделал шаг и рухнул в бесконечность.

Меня подхватило и понесло вперед.

Потоки света и осколки банковских ячеек мельтешили перед глазами. Сквозь грохот в ушах я услышал Надин голос, и меня, как взрывной волной, накрыло мощнейшим потоком любви. Она пьянила и кружила голову. Я вспомнил, что когда-то меня любили так же сильно, и именно это было отправной точкой.

Я начал жадно впитывать энергию. Из груди вырвался стон удовольствия. Но все закончилось так же внезапно, как началось. И только слова “Ищи меня в отражениях!” все еще пульсировали в ушах. Меня выплюнуло в холод.

Эпилог.

— Так и думал, что найду тебя здесь. Сколько можно торчать на этой долбаной лавочке?

— А где мне быть? С вами, что ли? Тут вон, смотри, какие “твиксы” ходят, — и я мотнул головой в сторону влюбленной пары, уютно расположившейся по соседству.

Шоно цыкнул языком.

— Да, везет некоторым. Сиди себе в парке, загорай.

Солнце действительно припекало. И хотя деревья все еще стояли голые, весна была в самом разгаре.

— Не прибедняйся. Тебе тоже по ночам перепадает.

Шоно сел рядом, покопался в кармане новенькой косухи и достал сигареты.

— Эй, чувак, слушай, ты не мог бы это... ну, некстати сейчас вообще... — Я поймал его руку с сигаретой. Он отдернулся, как от огня.

— Э! Охренел!

Однако сигареты спрятал и недовольно скрестил руки на груди.

— Шоно, спросить тебя хотел...

— Ну?

— Мне вчера показалось, что я видел привидение.

— Это что-то новенькое, — он сплюнул через зубы.

— Да, вот и я думаю, что скорее всего показалось, — я сомневался, стоит ли продолжать, но все же решил поделиться. Очень меня мучил этот эпизод. — Мне этот призрак снится часто. В кошмарах приходит... Но вот чтобы наяву — такое впервые.

— А я все время говорю, что ты чокнутый.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Нет, правда...

— А я тоже серьезно, — Шоно гоготнул.

— Ладно, забудь.

И зачем я начал этот разговор?

— Да ну, колись уже! Разводишь тут. Кого ты видел?

— Да неважно. Просто хотел спросить, — секунду я собирался с мыслями. — Мы с тобой вчера из города возвращались. Помнишь, подходили как раз к нашим гаражам, и машина от мастерской выруливала. Ты не глянул, кто внутри сидел? Мужика в черном пальто не заметил?

— Да, был там кто-то из шишек. Я раньше его видел. Но он у нас в гаражах редко появляется. Меня никогда ему не представляли.

— А как его зовут, не знаешь?

— Скажешь тоже! Кто здесь про реальные имена спрашивает?.. Чем он тебя зацепил?

— Да так, очень похож на одного человека. Из детства... Его уже давно в живых нет.

— Брось ты все это и не парься. Мало ли, кто на кого похож.

— Это точно... — вздохнул я.

Облако любви вокруг парочки опять загустело, и я потянул его на себя, расслабляясь и чувствуя приятную дрожь во всем теле. Стоит ли думать обо всяких глупостях и портить аппетит? Такие вкусняшки попадают нечасто.

— Блин! — проворчал Шоно. — И делать ничего не надо. Вот халявщик! А ты тут ходи по ночам, мерзни, выдумывай всякие ужасы...

— Не мешай...

— Слушай, а вчера с тобой что приключилось? — Шоно не унимался. Видимо, ему действительно нечем было похвастать, и он решил испортить мне весь кайф.

— Нет, мне просто интересно, как ты их выбираешь, — продолжал Шоно, дергая меня за рукав куртки. Мне захотелось взять его за грудки и потрясти, как погремушку, чтобы внутри у него что-нибудь зазвенело. Но Шоно мой красноречивый взгляд нисколько не

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

обескуражил. Он как ни в чем не бывало продолжал. — Вчера в городе мы такую пару встретили! Даже я почувствовал, что они как ходячая электростанция. Прямо искрило в воздухе. Я бы эти пряники не пропустил. А он мало того, что целый воз жратвы проигнорировал, так еще и сиял потом, как будто ему подарок сделали.

— Шоно, сказал же, отвали со своими вопросами! Не хотелось. И дело у нас в городе было, забыл?

— Нервный какой сегодня... Не хочешь, не говори.

Я и не хотел. Его совсем не касается, что вчера с моих плеч свалился тяжёлый груз вины. Груз, который я носил на плечах вот уже более двух лет. Я часто о них вспоминал. Неожиданная встреча сделала меня таким счастливым, что я готов был расцеловать каждого на Большом проспекте. Ей-богу, я еле сдержался тогда, чтобы не обнять Шоно.

Они не узнали меня и прошли мимо, держась за руки. Я же сразу понял, почувствовал их, еще до того как увидел. Сашка вытянулся и раздался в плечах, но соломенные волосы торчали как прежде. Нос все такой же острый, все так же усыпан яркими веснушками. А Леся превратилась в настоящую красавицу. Высокая, не уступавшая Сашке, тонкая, как тростинка, с черными выразительными глазами и густой гривой волос. Едва ли Сашка мечтал о такой девушке пару лет назад. Но главное, они любили друг друга. Любили еще сильнее, чем тогда в сквере, когда я похитил их чувства.

— Ну вот, он опять сидит и лыбится сам себе. Это же надо быть настолько психом, — Шоно опять сплюнул. — Я че вообще пришел-то?

— Да, вот это ты верно спросил...

— Ты вещи собрал? В аэропорт выезжаем через четыре часа.

— Да помню я. Там и собирать-то нечего. Скидаю тряпки в рюкзак, делов-то...

— А как же твоя любимая? Она готова?

— О чем ты?

Я прикусил язык. Ну, начинается.

— Ну как же? — ощерился Шоно. — Страсть всей твоей жизни.

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

— Слушай, не начинай даже...

— Одноногая, однорукая, узкоплечая и толстозадая, — продолжал Шоно. — Я когда вижу, как ты над ней пыхтишь... Зажмет ее так ласково между ног, и палочкой туда-сюда.

— Это смычок, идиот! — ухмыльнулся я.

— Да какая, нахрен, разница.

— Готова она, в футляре и запакованная.

— Не удивлюсь, если ты ее по ночам к себе в кровать кладешь и шепчешь ей...

Надин...

От его последних слов внутри что-то лопнуло, как пузырь со дна болота. Я вскочил, сгорая от желания прожечь дыру в его дурной башке. К сожалению, такими способностями я не обладал.

— Все-все, — азиат выставил перед собой руки. — Че ты сразу заводишься? Пошутить нельзя?

— Мне ваши шуточки уже поперек горла, — прошипел я.

А потом решил, что не стоит ругаться с Шоно. Он единственный в шайке, с кем я более-менее в ладах, и кому могу хоть как-то доверять. А шутки у него всегда были дурацкие. Хоть и седой весь, а ума как у пятилетки. Все провоцирует меня, не уймется. Где ему понять, что любовь всегда сильнее страха.

Сладкая парочка все еще целовалась. Я вернулся на лавку рядом с Шоно, и с минуту мы молчали.

— Слушай, шел бы ты, — сказал я. — Сейчас я закончу с этими и тоже пойду. Ты меня отвлекаешь.

Шоно встал и зашагал по аллее, на ходу доставая и прикуривая сигарету.

Я вытащил из кармана футляр, выдвинул зеркало и посмотрел в него. За два года дерматин футляра истрепался, покрылся трещинками, а уголки и вовсе стерлись. Зеркало всегда болталось у меня в кармане, с тех пор как Шоно вернул его мне...

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Помню Шоно явился ко мне в камеру на следующий день после ограбления. Я никак не ожидал его увидеть.

— Зачем ты здесь? Ты мог...

Он подлетел ко мне и зажал рот.

— Заткнись и не трепи лишнего, — прошипел он.

Я замолчал.

Шоно сел на железный стул напротив, упер локти в колени и положил подбородок на сплетённые пальцы.

— Я просто хочу знать, почему люди совершают такие idiotские поступки, — сказал он тихо.

— Зачем ты спрашиваешь?

— Ты ведь понимаешь, что теперь тебя никто не отпустит. Ты будешь у них цепным псом, как и я...

— Разве ты можешь понять? — спросил я.

— Постараюсь.

— Почему ты не ушел?

— Я боюсь.

Но в его глазах я не увидел страха.

— Разве может что-то напугать тебя?

— Реальность бывает пострашнее выдуманных иллюзий... Поэтому и спрашиваю.

Зачем ты вернулся?!

— Я вернулся, потому что люблю.

— Чокнутый кретин!

Шоно достал из кармана футляр и кинул мне.

— Вот, оно мне больше без надобности.

Он быстро встал и вышел.

С тех пор зеркало было всегда со мной.

Шоно приходил часто. Приносил питье, иногда еду. Недели через две после ограбления азиат распахнул дверь и сообщил, что я переезжаю в место получше.

Меня поселили в ту самую комнату, где я получал инструктаж от папаши перед ограблением. Там почти ничего не изменилось, не считая решеток на окнах и маленького старого телевизора.

Шоно тут же включил его. Дикторша новостей печально забубнила о курсах валюты.

— Подожди, — азиат заговорщически посмотрел на меня и покрутил регулировку громкости, — сейчас повторят. Сегодня уже три раза сообщали.

Мне было все равно. Я поплелся к кровати. Был так голоден и разбит, что хотелось лечь и ни о чем не думать. Но Шоно схватил за руку и подтащил к телевизору.

— Вот, слушай!

— Неожиданный поворот приняло дело о дерзком ограблении банка “Глобал”, произошедшем две недели назад. Без сомнения, оно войдет в криминальную хронику как самое мистическое ограбление всех времен. Два злоумышленника, один из которых — подросток примерно пятнадцати лет, проникли в хранилище как клиенты банка, и очистили пятьдесят две ячейки, похитив драгоценностей и валюты на общую сумму около пяти миллионов долларов.

— Если быть точным, четыре с половиной, — прокомментировал Шоно.

— Грабители с помощью неизвестных психотропных веществ принудили работника банка разблокировать все ячейки хранилища. Это послужило сигналом к активации системы безопасности. На место преступления немедленно выехали сотрудники милиции. Как именно происходило ограбление, до сих пор остается загадкой. После штурма хранилища охрана и сотрудники милиции обнаружили работника депозитария, пристегнутого наручниками к ножке стола, а также одного из злоумышленников. Им оказался мужчина, долгое время считавшийся погибшим в ДТП. Родственники грабителя опознали его по фотографии, которую мы транслировали ранее. Мужчина находится в крайне тяжелом состоянии. Он практически не может говорить и плохо ориентируется в пространстве. В настоящее время

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

злоумышленник находится под наблюдением специалистов, которые пытаются восстановить его физические силы и способность к трезвому мышлению.

На экране телевизора возникла круглая рожа папаши. Его взгляд блуждал, а из уголка рта стекала слюна.

— До сих пор неизвестно, каким образом второй грабитель, неопознанный подросток пятнадцати лет, покинул банк минуя охранников и милицию, прихватил с собой содержимое более пятидесяти ячеек. Тщательное обследование депозитария не привело к обнаружению подземных ходов, через которые он мог бы скрыться. Запасных выходов из хранилища также не предусмотрено. Единственный свидетель ограбления утверждает, что его загипнотизировали. Он помнит только, что преступники каким-то образом использовали для побега зеркало. — Картинка в телевизоре переключилась, показывая фотографии с места преступления. Я увидел стартовое зеркало и человека в милицейской форме рядом. Он приклеивал к зеркалу бирку с номером 5. Внутри все похолодело. — Сегодня утром сотрудники отдела криминалистики, ведущие расследование по данному преступлению, сообщили сенсационную новость. В ночь на двадцать шестое февраля из хранилища улика была похищена улика под номером пять, а именно, то самое зеркало, которое завело в тупик расследование. Пропажа была обнаружена только...

Дальше я уже не слушал. Прыгнув на азиата, я повалил его на пол и заорал:

— Где зеркало, сволочи?!

Шоно быстро опомнился и впился в меня взглядом. Знакомое чувство ужаса, как спица, пронзило грудь. Азиат отбросил меня, поднялся и легонько пнул в бедро.

— Идиот, — прорычал он, развернулся и пошел к выходу.

— Просто скажи, где зеркало? — взмолился я.

— Его вернули отцу твоей девчонки.

— Она жива?

— Не знаю. Сразу после ограбления ее отправили в Москву. Ее отец все здесь, в Зауральске, крутился. Как получил зеркало, сразу смылся. Больше я ничего не знаю. Но раз

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

папаша зеркало взял, наверно, жива...

За эти два года я так ничего и не узнал о судьбе Нади.

Взаперти меня продержали еще три месяца. А потом популярно объяснили, что идти некуда. Я тогда пытался возразить, что могу вернуться в детский дом. Человек в маске долго хрюкал в динамики. Он с удовольствием рассказал, что в детском доме недавно прошел крупный ремонт, который щедро спонсировала “Автомастерская гаражного кооператива “Солнечный”.

— Так что продал он тебя, Тимоша, и подружку твою со всеми потрохами. Но можешь вернуться, если хочешь, дать директору Никитского еще раз подзаработать. Времена сейчас шальные. Деньги всем нужны.

— Откуда вы узнали обо мне и Наде? — я сам не верил, что получу четкий ответ на этот давно мучивший меня вопрос.

Брежнев чмокнул и вздохнул.

— Ну, скажем так, девчонку свою ты сам выдал. Носился с зеркалом повсюду. Вы ведь особо не осторожничали.

— Неправда! — возмутился я. — Стартовое зеркало похитили еще до того, как я все узнал о Наде.

— Ты это узнал раньше, только понял не сразу.

— Вы не убедите меня в этой лжи!

— Мы следили за тобой и знали досконально обо всех, с кем ты так или иначе пересекался. Так что, в конечном счете, все благодаря тебе... Иногда достаточно порасспросить старых соседей и забытых друзей, чтобы посвященный человек сделал правильные выводы. Мистические истории о дяде твоей подружки навели нас на очень интересное предположение относительно самой Нади, которое вскоре подтвердилось, когда девчонка по неизвестным причинам впала в кому. По правде сказать, сложно было поверить в такую удачу. Люди-зеркала умеют прятаться, но не было бы счастья, да несчастье помогло.

— Тогда скажите, как вы узнали обо мне? С каких пор вы за мной следили?

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

Человек в маске не спешил с ответом. После долгой паузы он все же продолжил:

— С тех самых, как ты осиротел. Странный мальчик, странная ситуация с родителями... Мы ищем особенных детей, таких как ты и Шоно, и помогаем. Вампиры в детстве очень уязвимы. Вас нужно оберегать от собственных страстей, пока вы не научитесь контролировать свои потребности.

— В древности люди верили в вампиров и, почувствовав неладное, в лучшем случае изгоняли из общества, а чаще всего убивали. Теперь же ситуация пострашнее будет. Психиатрические лечебницы, научные центры... Упаси тебя бог оказаться в руках ученого или военного. Если не опекать, вы просто не выживете. Что касается тебя, то как только ситуация обострялась, мы помогали найти новый дом, и все налаживалось. Разве ты не помнишь?

Помню. Я всегда удивлялся, как это так удачно меня переводили в новый детский дом при малейших проблемах.

— С нами ты можешь быть самым собой, — продолжал человек в маске. — А что еще нужно разумному сильному существу в этом мире? Откровенно говоря, мы давно ждали момента, когда ты будешь готов присоединиться к нам. Пока мы не можем тебе доверять, но если не будешь глупить, получишь полную свободу действий, раскроешь свой потенциал, приобретешь семью...

— Все это, конечно, очень заманчиво, — сказал я без энтузиазма, — только с такими родственниками, как вы, и врагов не надо.

— Как знать, как знать... — бандит засмеялся своим хрюкающим смехом. — Но достаточно вопросов на сегодня. Мы продолжим разговор, если ты будешь вести себя правильно. Мы даже готовы простить тебе потерю ценного сотрудника. Подумай о том, что тебя может ждать в будущем.

Получив свободу, я искал Надю. Искал повсюду.

Домашний телефон Ступаковых не отвечал. Тогда я раздобыл домашний адрес. Но в квартире давно никто не жил. Соседи заверяли, что давно не встречали Ступаковых, и

«Ищи меня в отражениях» — Елена Гусарева

никаких звуков из их квартиры не доносится. Скоро туда въехали новые жильцы. Препных хозяев они не знали.

В больнице сказали, что девочку с тяжелой кататонией отправили на вертолете в Москву. Ее должны были принять в одном из ведущих медицинских центров. Когда же я дозвонился туда, выяснилось, что пациентка по фамилии Ступакова к ним никогда не поступала.

Я обзвонил все медучреждения города, начиная с федеральных центров и заканчивая самыми захудалыми больницами. Несколько раз меня соединили с кем-то по фамилии Ступакова. Но все это были другие люди. Я звонил даже в морги, и чуть не умер, когда мне сообщили о трупе с биркой Надежда Ступакова...

Потом выяснилось, что той Надежде не меньше пятидесяти.

Вскоре я убедился, что и бандиты потеряли Надин след. Каждый из шайки считал своим долгом напомнить, что девчонка, ради которой я пожертвовал свободой, просто использовала меня и бросила. Все они твердили, что если бы она любила, нашла бы способ связаться со мной.

Надя испарилась.

Я сам начал верить, что был для нее лишь случайным эпизодом. Мальчиком, из-за которого она попала в переделку, и теперь не желает возвращаться к неприятным воспоминаниям.

Я не винил ее за это... Хотя кого я обманываю? Я злился, очень злился... Но если в моем кармане не оказывалось зеркала в потертом дерматиновом чехле, я не находил себе места. Это зеркало оставалось незримой ниточкой между нами, надеждой встретить ее вновь. Я продолжаю искать ее в отражениях...

Конец.